Дискурс Анализ

теория и метод

Л. Филлипс
М. В. Йоргенсен

HUMANITARIAN CENTRE

Discourse Analysis as Theory and Method

Discourse Analysis

as Theory and Method

Marianne Jorgensen and Louise Phillips

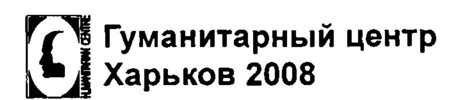

SAGE Publications, 2002
London • Thousand Oaks • New Delhi

Дискурс-анализ

Теория и метод

Марианне В. Йоргенсен
Луиза Дж. Филлипс

Гуманитарный центр
Харьков 2008

УДК 80.81 42
ББК 81.2-5

Перевод и научная редакция
кандидата филологических наук *А. А. Киселевой*

Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс.
Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – 352 с.

Книга "Дискурс-анализ. Теория и метод" предлагает подробное и общедоступное описание дискурс-анализа как теоретической и методической основы социальных исследований. Авторы работы – ведущие специалисты Дании и Швеции в области исследования коммуникации. Объединяя три центральных подхода: теорию дискурса Лакло и Муффа, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию, авторы выясняют взаимосвязь между ключевыми формами дискурс-анализа, объясняют философские основания, теорию и методологию каждого подхода; рассматривают дискурс-анализ в контексте различных социальных исследований.

Книга представляет чрезвычайно полезное практическое руководство для исследователей в области коммуникации, культуры, лингвистики, социальной психологии и социологии, а также студентов и аспирантов, специализирующихся в лингвистике и журналистике.

The book "Discourse Analysis as Theory and Method" offers a systematic and highly accessible introduction to discourse analysis as a body of theories and methods for social research. By bringing together three central approaches. Laclau and Mouffe's discourse theory, critical discourse analysis and discursive psychology, this book establishes a dialogue between key forms of discourse analysis often kept apart by disciplinary boundaries. The authors explain the philosophical premises, theoretical perspectives and methodological approaches of each approach; demonstrate the possibilities for combining different approaches in empirical research: conceptualize discourse analysis within the different social research.

The book provides an invaluable guide for researches in the spheres of politics, election technologies, social psychology, cross cultural psychology and linguistics, as well as for everybody who occupies oneself with these problems, both in theory and in practice.

ISBN 0-7619-7112-2 (англ.)
ISBN 966-8324-06-4

Содержание

Предисловие научного редактора

Дискурс — уже не новое и, пожалуй, распространенное понятие. Под дискурсом понимают совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках — организационной деятельности, рекламе, области социального взаимодействия, экономике, СМИ. Дискурс становится самостоятельным смысловым полем — некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам. Безусловно, содержание и структура дискурсов не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими социальными законами и правилами поведения.

Существование и развитие дискурсов — отнюдь не безобидное явление. Влияние дискурсов имеет социальные последствия, свидетелями которых мы сегодня являемся. Эти события потрясают и захватывают отдельные социальные группы, страны. Дискурсы определяют социальные, культурные и глобальные изменения — экологические катастрофы, войны, смены политического курса. Более локально они формируют новые социальные группы, изменяют миссию организаций, рекламу, моду и т.д.

В связи с этим возникает острая необходимость — управлять такими социальными последствиями, то есть прогнозировать развитие дискурса и созданного в нем поля значений. Поэтому для практиков наверняка будут интересны такие выражения — управление деловой коммуникацией, терапия, прогнозирование поведения аудитории СМИ, разработка рекламных кампаний, проектирование политических кампаний на выборах, прогнозирование общественного мнения и многие другие вопросы, связанные с проблемой функционирования дискурса.

Нам, привыкшим к марксисткой философии, состоящей в том, что базис (то есть материальная среда) определяет надстройку (символическую среду), очень сложно допустить обратную мысль, что идеи также формируют материальную среду. Мы недооцениваем влияние системы символов и значений на состояние общества (материальное и экономическое в том числе).

Так вот, книга посвящена актуальному вопросу о том, как дискурсы функционируют и влияют на состояние общества в целом, как в них воплощаются собой символы и значения, распространенные или только зарождающиеся в общем. В книге рассмотрены современные подходы к дискурс-анализу, такие как критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, теория дискурса с тем, чтобы читатель смог построить самостоятельное исследование. Рассмотрены конкретные примеры проведения дискурс-анализа в связи с различными научными подходами. Определен методологический и методический инструментарий для проведения дискурс-анализа. Поднимаются и решаются важные вопросы надежности результатов, полученных с помощью дискурс-анализа. Анализируются и текстовые (лингвистические) аспекты дискурса, и внетекстовые предпосылки (социальные или экономические) существования дискурсов определенной структуры и содержания.

В книге ставятся и решаются интереснейшие вопросы: зарождение значений и символов, выявление ключевых смыслов, определяющих зоны особого общественного внимания, политические, идеологические конфликты в обществе, природа идеологической борьбы и победы в дискурсах, распределение и поддержание власти, предубеждения, предпосылки и дискурсивные механизмы социальных конфликтов.

Работа авторов ценна не только тем, что они обобщают, выстраивают в структуру современные концепции дискурс-анализа, но и тем, что они предлагают новую методологию научного исследования – более демократич-

ную, которая ставит на "равные" позиции исследователя и участника исследования. Эта методология, построенная на создании совместного дискурса ученого и респондента, позволяет исследователю достичь наибольшей критичности по отношению к самому себе и не возводить собственные научные представления в ранг "непогрешимых".

Авторы книги очень последовательны в своем подходе. Свою теорию и методологию они применяют к изложению материала.

Мне кажется, что книга очень своевременная, глубокая, логичная и понятная. А идеи авторов, тщательная проработка темы дискурс-анализа помогут многим в практической работе. Мы учли все замечания и пожелания читателей, внесли соответствующие исправления, уточнили терминологию и благодаря интересу читателей в этой теме, наша книга стала лучше

Научный редактор
кандидат филологических наук
А. А. Киселева

Предисловие авторов

В предисловии авторы обычно представляют содержание книги в более широком контексте, рассказывают, как появился текст и как его читать. Иными словами — используя термины этой книги — предисловие объясняет причину появления *темы*, и как её следует воспринимать. Оно определяет соотношение индивидуальных и коллективных инвестиций. Как авторы книги, мы знаем, что мы не единственные ее создатели. Своим появлением книга обязана также существующим источникам и обсуждению с другими людьми. После публикации книги авторы теряют контроль над ее содержанием: читатели могут понять информацию совсем не так, как планировал автор.

Часто предисловие становится руководством к чтению текста, направляет непослушного читателя. Авторы излагают цели своей книги, пытаясь снизить вероятность иного прочтения. Цель этой книги — знакомство с широкой междисциплинарной областью социально-конструкционистского дискурс-анализа. Здесь мы представим эту тему, рассмотрим три разных подхода к дискурс-анализу — теорию дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию. Мы хотим прояснить теоретические и методологические отличия каждого подхода, с помощью эмпирических примеров надеемся стимулировать появление новых дискурс-аналитических исследований. Кроме того, путем определения и обсуждения философских предпосылок, принятых для всех форм социально-конструкционистского дискурс-анализа, мы стремимся упростить структуру исследования, включающие несколько подходов.

Конечно, все эти спорные вопросы невозможно полностью описать в одной книге. Некоторые из них мы только

кратко затронем, теоретический материал дадим сжато, а представленные методологические подходы — это лишь неполный набор возможностей каждого подхода. Таким образом, книгу следует рассматривать как стимул, побуждающий читателя заниматься дальнейшими исследованиями в области дискурс-анализа.

Кроме того, что в предисловии мы представляем смысловой потенциал текста, здесь выражают благодарность. У истоков этой книги стоит факультет словесности университета Роскильде в Дании, и нам бы хотелось поблагодарить факультет за его поддержку на всех стадиях нашего проекта. Со времени появления самого первого варианта текста многие прочли его и поделились с нами своими мыслями, замечаниями и советами, и по форме, и по содержанию. Мы очень благодарны всем этим людям. Студенты, которым мы преподавали дискурс-анализ, благодаря их специфическим комментариям к тексту и дискуссиям общего характера по спорным дискурс-аналитическим вопросам внесли неоценимый вклад в создание этой книги. А коллеги, родные и друзья, одновременно и подвергали сомнению, и поддерживали наше мнение, — и тем самым значительно повлияли на текст.

Мы с благодарностью вспоминаем этих людей, но в предисловии отметим лишь тех, кто помогал нам на завершающей стадии работы. Совет социологических исследований Дании оказал финансовую поддержку при подготовке англоязычного издания. Эббе Клитгард и Лаура Троджаборг сделали первый черновой вариант перевода с датского языка, на котором и базируется книга. Альфред Филлипс неделями кропел над переводом. Эрик Берггрен, Лили Чоулиараки, Торбен Дирберг, Норман Фэркло, Генрик Ларсен и Шанталь Муфф дали ценные комментарии, повлиявшие на окончательный перевод отдельных глав.

Мы не смогли воплотить все хорошие идеи, полученные в процессе работы. Но многие предложения мы объединили, а дискуссии, которые мы провели, стимулиро-

вали нас переписать и доработать текст. Без всех наших партнеров по обсуждению книга никогда не стала бы такой, какой она есть.

В предисловии работу над текстом мы представили как коллективный процесс, и может показаться, что сами ничего не сделали... Но вот традиционное заключительное замечание: авторы несут полную ответственность за любую ошибку в тексте — и их роль скромно восстанавливается.

В предисловии мы попытались повлиять на ваше мнение о тексте. Все остальное — в ваших руках.

Марианне В. Йоргенсен и
Луиза Дж. Филлипс

Предисловие ко второму русскому изданию

Выпуск книги на иностранном языке — большая честь для авторов. Перевод дает возможность ясно осознать, что книга — это отнюдь не набор фиксированных текстов и значений, напечатанных раз и навсегда. Впервые мы написали "*Дискурс-анализ. Теория и метод*" в Дании. Мы написали много вариантов, прежде чем закончили книгу. Затем книга была переведена на шведский язык. Перевод был очень качественный, но чтение книги нам показало на практике, что новый текст никогда не бывает точной копией предыдущего, даже если это его перевод. Некоторые нюансы значения были утрачены, а вместо этого появились другие, о которых раньше мы даже не подозревали. Позже появилась переработанный вариант книги на английском языке (издательства Sage) и мы осознали, что даже если сами переводим свои собственные работы, все равно текст отличается от оригинала! Мы переформулировали много фрагментов — где-то лучше, где-то хуже. Таким образом, книга на другом языке — это новые возможности и ограничения.

Тексты — это живые документы, — вот основная посылка дискурс-анализа. Как считал Михаил Бахтин, всякий раз, когда мы пишем или говорим, мы неизбежно воспроизводим фрагменты более ранних текстов и речи и одновременно что-то добавляем. Когда люди слушают нашу речь и читают наши тексты, они их вновь трансформируют, переосмысливают с иных позиций и включают в практику в новых контекстах. Текст имеет множественное значение, при переводе значения вновь умножаются, как непосредственно в процессе перевода, так и в голове читателей. Для нас перевод на русский язык — это что-то особенное, но одновременно загадочное и торжественное. В

начале мы не имели возможности проследить "повороты" текста на новом языке. Но мы полностью доверяем Анне Аркадьевне Киселевой в создании нового, несколько иного, но возможно более удачного варианта текста, чем мы могли себе представить, когда писали его в самом начале. Мы доверяем нашим читателям дальше интерпретировать текст в процессе чтения — получать удовольствие от него, критиковать, опровергать в соответствии с целями при приумножении дискурса.

Марианне Йоргенсен и
Луиза Филлипс,
февраль 2008 года

1 Область дискурс-анализа

Термин "дискурс" в моде уже, по меньшей мере, десять лет. Но в научных текстах и дискуссиях его используют произвольно, часто без точного определения. Понятие стало размытым — оно либо теряет устойчивое значение, либо напротив, используется конкретно, но в различных контекстах с разными значениями.

Часто под термином "дискурс" понимают общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обусловливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Известные примеры — "медицинский дискурс" или "политический дискурс". Дискурс-анализ — это анализ таких паттернов. Но это общее определение на уровне здравого смысла не очень-то поможет нам прояснить, что же такое дискурс, и тем более ответить на вопросы о том, как он функционирует и как его следует анализировать. Для этого нам необходимо найти более совершенные теории и методы дискурс-анализа. В этом поиске мы без труда обнаружим, что в настоящий момент существует не один, а несколько междисциплинарных подходов к дискурс-анализу. Их можно использовать при изучении различных сфер социальной жизни и в различных видах исследований. Сейчас нет единого мнения относительно того, что такое дискурс и как его анализировать. Каждый подход предлагает свои основания, в опреде-

ленной мере они даже конкурируют в том, чтобы по-своему определить понятия "дискурс" и "дискурс-анализ".

Тем не менее, давайте для начала предварительно определим дискурс как *особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира).*

В этой главе будут представлены три подхода к дискурс-анализу (с позиции социального конструкционизма[1]) — теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталя Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология. В трех последующих главах мы изложим каждый подход в отдельности. В основе всех подходов — общее представление о том, что наш способ общения отнюдь не нейтрально отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения. Напротив, наш способ общения играет активную роль в создании и изменении окружающего мира.

Мы выбрали именно эти подходы к дискурс-анализу из множества других потому, что они включают теории и методы, самые плодотворные для исследования коммуникации, культуры и общества. Их можно применять при анализе различных сфер социальной жизни, включая социальные институты и организации. Кроме того, они полезны при исследовании роли языка в глобальных социальных и культурных изменениях, таких как глобализация и распространение масс-медийной коммуникации.

Приведем несколько примеров возможного применения дискурс-анализа. Его можно использовать как структуру для исследования национальной идентичности. Что

---

[1] Социальный конструкционизм — это скорее научный принцип, точка зрения на социально-дискурсивный мир, чем самостоятельная полномасштабная теория. Высказывания — это не просто слова или речевые акты, это "кирпичики", из которых складываются социальные отношения, образы "себя" и "других", различные аспекты личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном акте. Социальный конструкционизм утверждает, что и отношения, и проекции "Я" в речи и языке конструируются, а не просто отражаются. Таким образом, личности и человеческие общества не априорные величины, они, во-первых, конституируются в процессе общения дискурсивно, а во-вторых, интерактивно (прим. науч. ред.)

такое национальная идентичность и каковы последствия деления мира на государства? Для анализа можно выбрать некое множество текстов и диалогов. Можно сделать акцент, например, на структуре дискурса о национальной идентичности в учебнике по истории Британии. Или наоборот, исследовать влияние национальной идентичности на взаимодействия людей в организации, например, на рабочем месте.

Темой исследования может быть способ, с помощью которого СМИ передают знания экспертов, и смысл, который они приписывают вопросам власти и демократии. Проблемой может быть и то, каким образом СМИ конструируют требования к легитимизации знаний; как эти требования в дальнейшем конкурируют между собой; каким образом эти конкурирующие требования "потребляет" аудитория? Такую борьбу между требованиями к знаниям можно рассматривать и исследовать эмпирически как борьбу дискурсов, которые представляют собой различные способы понимания мира и формируют различную идентичность для спикеров передачи (например, "эксперт" или "дилетант").

Подходы, на которых мы остановились и которые выбрали в качестве структур для дискурс-анализа, имеют общие ключевые посылки в том, как рассматривать такие сущности, как "речь" и "субъект". Они похожи в понимании целей — это критическое исследование. Их задачи — проанализировать соотношение сил в обществе, сформулировать нормативный подход, с позиции которого можно провести критический анализ такого соотношения в связи с социальными изменениями. Однако, в то же время, каждый подход имеет свои собственные философские и теоретические посылки, включающие особое понимание дискурса, социальной практики и критики. Эти предпосылки влияют на цели, методы и акценты в эмпирических исследованиях. Цель этой вводной главы — очертить область, к которой относятся социально-конструкционистские под-

ходы к дискурс-анализу[1]. Нам интересны не только общие положения в этих трех подходах, но и аспекты, в которых они отличаются.

Подходы подобны в своей социальной конструкционистской позиции, то есть в их точке зрения на язык, которая берет свое начало в структуралистской и постстуктуралистской лингвистике. Подходы подобны в своем взгляде на личность, и это представление базируется на версии структуралистского марксизма. В этой главе мы представим такие общие корни и источники теоретических идей и вкратце коснемся понятий — например, "власть" и "идеология" — которые часто "сопровождают" понятие "дискурс".

Несмотря на общие посылки, эти подходы имеют важные различия. Во-первых, существует разногласие по поводу "области" функционирования дискурсов. Формируют ли дискурсы все "социальное" полностью, или же они сами отчасти состоят из аспектов "социального"? Во-вторых, эти подходы отличаются предметом анализа. В некоторых подходах анализируется дискурс повседневных социальных взаимоотношений людей, в других — предпочтение отдается более абстрактным дискурсам, "циркулирующим" в обществе. Мы тщательно проанализируем эти отличительные моменты в конце главы. Такое деление области дискурс-анализа на три подхода со своими сходствами и отличиями — это определенная мысленная конструкция, которую мы создали сами. Мы выбрали три подхода и затем решили распределить их по главам и сравнить друг с другом в пятой главе, чтобы сформировать ясное корректное введение в область дискурс-анализа. Это описание не следует воспринимать как нейтральное или ясное отражение

[1] *Однако эта область не включает все случаи применения термина "дискурс-анализ". Термин "дискурс-анализ", например, используется в лингвистике для обозначения анализа отношений между предложениями и высказываниями на микроуровне (например, Brown и Yule 1983). Дискурс-анализ также использовался для обозначения анализа способов применения ментальных схем, при понимании текста людьми (van Dijk и Kintch 1983)*

этой научной области. Что касается нашего выбора, то мы охватываем лишь три подхода в области социального конструкционизма, и исключаем, к примеру, подход Фуко[1].

Мы признаем, что сравнение подходов — не простое дело. Эти подходы принадлежат различным областям знаний и имеют свои собственные отличительные особенности. В то же время, дискурс-анализом занимаются большое число специалистов в различных научных направлениях. Поэтому в настоящее время существует множество теоретических точек зрения, методологических подходов, которые нельзя отнести исключительно к одному отдельному подходу.

1. 1. Комплексность дискурс-анализа

Хотя дискурс-анализ можно применять практически во всех областях исследования, тем не менее, к нему подходит не всякая теоретическая структура. Это значит, что его никоим образом нельзя использовать отдельно от его теоретической и методологической базы. Все подходы к дискурс-анализу, представленные в этой книге, — это не просто методы анализа данных. Это теоретическое и методологическое единство — целостный комплекс. Во-первых, комплекс включает философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира. Во-вторых, он содержит теоретические модели, в-третьих, методологию того, как выбрать подход к исследованию проблемы, и в-четвертых — специфические приемы анализа. *Теория* и *метод* в дискурс-анализе тесно связаны. Поэтому исследователи должны принимать и разделять основные философские предпосылки, для того чтобы использовать дискурс-анализ как метод эмпирического исследования.

---

[1] Для уточнения форм дискурс-анализа Фуко см., например, Howarth (2000) и Mills (1997)

Несмотря на то, что в дискурс-анализе теория, подход, метод составляют единое целое, исследователь может создавать свой собственный, новый комплекс путем комбинирования элементов различных дискурсаналитических подходов (а также и недискурсаналитических, если они применимы). Такое исследование, объединяющее различные теоретические подходы (или комплексное, мультиперспективное исследование) не только позволительно, но даже приветствуется в дискурс-анализе. Считается, что различные подходы обеспечивают различные знания об изучаемом явлении и, таким образом, в сочетании дают более широкое понимание проблемы. Мультиперспективное исследование принципиально отличается от эклектизма, в котором смешиваются абсолютно разные подходы. Мультиперспективность предполагает необходимость сопоставлять подходы, определять, какой вид знаний дает каждый из них, и в результате рассуждений видоизменять их[1].

Чтобы построить целостную структуру, критически важно осознавать философские, теоретические и методологические различия и сходства подходов к дискурс-анализу. Очевидно, что это требует широкого обзора области исследования. Цель нашего описания трех подходов – обеспечить широкое понимание областей знания, связанных с дискурс-анализом, с помощью прояснения их ключевых особенностей и центральных тем научных дискуссий относительно них.

1.1.1. Ключевые посылки дискурс-анализа

Все три подхода, на которых мы сосредоточим внимание в этой книге, базируются на принципах социального

---

[1] См. Kellner (1995), если необходимы сведения по "мультиперспективным исследованиям культуры". И см. главу 5 этой книги относительно дискуссии и иллюстрации мультиперспективного дискурс-анализа

конструкционизма[1]. Социальный конструкционизм — это объединяющее понятие для целого ряда новых теорий о культуре и обществе[2]. Дискурс-анализ — лишь один из нескольких социально-конструкционистских подходов, но именно его особенно широко используют в практике[3]. Более того, многие используют подходы с такими же характеристиками, как и дискурс-анализ, но не называют их так. Сначала мы краткое представим общие философские предпосылки большинства дискурсаналитических подходов, основанное на описании социального конструкционизма В. Барр и К. Герген[4]. Затем мы рассмотрим представления о языке и идентичности, характерные для всех дискурсаналитических подходов.

Барр предупреждает о трудности единого, целостного описания для всех социально-конструкционистских подходов, поскольку они очень многообразны. Несмотря на это, Барр, ссылаясь на работы Гергена, перечисляет четыре общие посылки для всех социально-конструкционистских подходов. Эти посылки характерны также и для подходов, представленных в этой книге. Приведем их[5]:

- *Критический подход к само собой разумеющемуся знанию*

  Наши знания о мире не следует принимать за объективную правду. Реальность доступна нам только

[1] *То, что мы называем "социальным конструкционизмом", в этом тексте часто называют "социальным конструктивизмом". Мы используем термин "социальный конструкционизм", чтобы избежать путаницы с конструктивистской теорией Пиаже (см. Burr 1995:2)*

[2] *Для обсуждений философских основ социального конструкционизма см., например, Коллин (Collin 1997)*

[3] *Преобладание дискурс-анализа представлено во введении Барр о социальном конструкционизме (Burr 1995). Ее примеры эмпирического исследования состоят исключительно из форм дискурс-анализа, несмотря на то, что сама она подчеркивает, что социальные конструкционисты используют также другие подходы*

[4] *Vivien Burr 1995, Kennet Gergen 1985*

[5] *Здесь мы ссылаемся на Барр и Гергена (Burr, 1995 и Gergen, 1985). Мнение Барр, как отмечено выше, также основано на теории Гергена*

посредством некоторых категорий. Поэтому наши знания и представления о мире — это не прямое отражение "внешней" реальности, а результат наших способов ее категоризации, или, выражаясь языком дискурсаналитической терминологии, наши знания — продукт дискурса[1]. Эту посылку мы раскроем далее.

- *Историческая и культурная обусловленность*[2]

  Мы, по сути, "исторические и культурные существа", и наши взгляды и знания о мире — это "продукт исторически сложившегося взаимодействия между людьми"[3].

  Соответственно, способы понимания и репрезентации мира имеют *исторически и культурно обусловленную специфику.* Наше мировоззрение и идентичности могут отличаться и меняться со временем. Точка зрения, что наши знания *условны,* — это пример *антифундационалистской* позиции. Она противоположна *фундационалистской* точке зрения, которая состоит в том, что знания базируются на прочной мета-теоретической основе, пронизывающей все условные действия людей. Дискурс — это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов. Это точка зрения является *антиэссенциалистской.* То, что социальный мир строится социально и логически, подразумевает, что его характер не является данностью или не определяется внешними условиями, и при этом люди не обладают набором характеристик или особенностей от природы.

[1] *Burr 1995:3; Gergen 1985:266 - 7*

[2] *Burr 1995:3*

[3] *Gergen, 1985:267*

- *Связь между знаниями и социальными процессами.* Наши способы понимания мира созданы и поддерживаются социальными процессами. Знания возникают в процессе социального взаимодействия, где мы конструируем известные истины и доказываем, друг другу, что является верным, а что ошибочным.

- *Связь между знанием и социальным поведением.* В рамках определенного мировоззрения, некоторые способы поведения становятся естественными, а другие — неприемлемыми. Различия в социальных взглядах приводят к различиям в социальных действиях. Как следствие, социальная структура знаний и истина имеют социальные последствия[1].

Некоторые критики социального конструкционизма говорят о том, что если все знания и социальные идентичности условны, значит все находится в постоянном движении, а в социальной жизни отсутствует принуждение и порядок. Несомненно, некоторых теоретиков социального конструкционизма, например, Кеннета Гергена и Жана Бодрийяра, можно интерпретировать именно таким образом. Но, вообще-то, мы полагаем, что это карикатура на социальный конструкционизм. Большинство социальных конструкционистов иначе смотрят на это и значительно больше учитывают правила и порядок, включая авторов и последователей трех подходов, представленных в этой книге.

Даже если знания и идентичности *в принципе условны*, они всегда относительно неизменны в определенных ситуациях. Ситуации накладывают ограничения на идентичности, которые человек может принимать, также как и на утверждения, которые он принимает как имеющие смысл. Мы подведем итог этой дискуссии в следующей главе, когда будет рассматривать теорию дискурса Лакло и Муфф.

---

[1] *Burr 1995:5; Gergen 1985: 268 - 269*

1.1.2. Три подхода к дискурс-анализу

Ключевые предпосылки социального конструкционизма коренятся во французской теории постструктурализма и в ее отрицании тоталитарных и универсалистских теорий, таких, как марксизм и психоанализ. Но как социальный конструкционизм, так и постструктурализм — это названия-ярлыки, вызывающие дискуссии, и единодушного мнения об их взаимосвязи не существует.

Мы понимаем социальный конструкционизм как достаточно широкую категорию, а конструкционизм является ее подклассом. Все наши дискурсаналитические подходы основаны на структуралистской и постструктуралистской теории языка, но эти подходы отличаются в зависимости от того, в какой степени к ним применим ярлык постструктурализма.

Теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталя Муфф, которую мы представляем во второй главе, — это самая "чистая" постструктуралистская теория из всех тех, которые мы будем подробно рассматривать в этой книге. Теория основана на постструктуралистской идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. А из-за изменчивости языка значение никогда не может быть постоянным. Ни один дискурс не является замкнутым и завершенным: скорее, он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами.

Итак, ключевое понятие этой теории — *борьба дискурсов.* Различные дискурсы, — каждый из которых представляет собой определенный способ общения и понимания социального мира, — вовлечены в постоянную борьбу за превосходство. Они "стремятся" зафиксировать свое значение в языке. Тогда, превосходство можно понимать как преобладание одной определенной точки зрения. Мы рассмотрим этот вопрос подробнее во второй главе.

В критическом дискурс-анализе дискурсу приписывают особую активную роль в конструировании социального

мира. Мы обсудим его в третьей главе, сосредоточив внимание на подходе Нормана Фэркло. Но, в отличие от Лакло и Муфф, Фэркло настаивает на том, что дискурс является лишь одним из множества аспектов любой социальной практики. Противопоставление дискурса и не-дискурса — это отголосок традиционного марксизма в теории Фэркло, делающий критический дискурс-анализ менее постструктуралистским по сравнению с теорией дискурса Лакло и Муфф.

Основная область интереса в критическом дискурс-анализе Фэркло — это исследование *изменений*. Конкретное употребление языка всегда основано на более ранних структурах дискурса, поскольку пользователи языка опираются на уже определенные значения. Фэркло акцентирует на этом внимание с помощью понятия *интертекстуальность,* — механизма, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Именно путем комбинирования элементов различных дискурсов, которые использует конкретный язык, можно изменить определенный дискурс, и, как следствие, социальный и культурный мир. С помощью анализа интертекстуальности можно исследовать *и* воспроизводство дискурса (как правило, оно не включает новые элементы), *и* изменение дискурса в процессе новых комбинаций.

Дискурсивная психология, тема четвертой главы, также сфокусирована на специальных эмпирических примерах использования языка в социальном взаимодействии (что свойственно и другим дискурсаналитическим подходам).

Но цель дискурсивных психологов не в том, чтобы проанализировать изменения в "крупномасштабных" дискурсах общества, которые может привносить конкретный язык. Скорее, их задача — исследовать, насколько гибко люди используют доступные дискурсы в создании и обсуждении своих представлений о мире и свою идентичность в речевом взаимодействии, и проанализировать, каковы социальные последствия этого. Несмотря на название — "дискурсивная психология" — цель этого подхода

не есть изучение внутренних психологических аспектов. Дискурсивная психология — это подход к социальной психологии, который разработал специальный тип дискурс-анализа для исследования способов формирования и изменения личности человека, его мыслей и эмоций в процессе социального взаимодействия. Дискурсивная психология также призвана прояснить роль этих процессов в социальном и культурном воспроизводстве и изменении. Многие дискурсивные психологи основываются исключительно на постструктуралистской теории, но с другим результатом, чем, к примеру, Лакло и Муфф. В дискурсивной психологии акцент сделан на том, что люди одновременно — это продукты дискурса и его создатели в специфических контекстах взаимодействия. А в теории дискурса Лакло и Муфф люди — это только субъекты дискурса.

В третьей и четвертой главах (о критическом дискурс-анализе и дискурсивной психологии) мы излагаем теоретические основания и методологию дискурс-анализа и представляем некоторые конкретные примеры, для каждого подхода соответственно.

Однако теория дискурса Лакло и Муфф скупа на методики и иллюстративные примеры. Чтобы компенсировать это, мы произвели несколько инструментов анализа на базе их теории и представили их во второй главе вместе с примером такого анализа, . Цель методик и примеров в этих трех главах — обеспечить понимание того, как применять различные подходы к дискурс-анализу в эмпирическом исследовании. В каждой главе мы выявляем отличительные особенности подходов и, в то же время, показываем их общие аспекты. На протяжении всей книги мы подчеркиваем связь теории и метода. В пятой главе мы остановимся на теоретических и методологических отличиях и сходствах подходов. Мы сравним их, оценим их сильные и слабые стороны и отметим способы, с помощью которых они могут дополнить друг друга. В заключение, мы поставим вопросы, которые относятся ко всем подходам. Как разграничивать

дискурсы? Как приступить к дискурс-анализу? Как провести исследование, объединяющее различные дискурс- и недискурсаналитические подходы? Как и в других главах, мы предоставим иллюстративные примеры решения таких исследовательских задач. В заключительной главе книги мы обсудим природу критического исследования в парадигме социального конструкционизма. Здесь мы рассмотрим и оценим серию попыток критического исследования в соответствии с линией социального конструкционизма и их примеры в связи с вопросами релятивизма, статуса истины и знания[1].

1. 2. От языковой системы к дискурсу

Все подходы к дискурс-анализу имеют не только общие посылки, характерные для социального конструкционизма, но также и общие взгляды на *язык* и *субъект*. Чтобы обеспечить общую базу для дискуссий в следующих главах, сейчас мы представим точки зрения, которые разделяют все эти подходы, а вслед за этим — опишем основные различия.

Отправной точкой дискурсаналитических подходов является утверждение структуралистской и постструктуралистской лингвистической философии о том, что мы получаем доступ к реальности посредством языка. С помощью языка мы создаем репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее. Это не значит, что самой реальности не существует. Скорее смысл в том, что реальны лишь значения и представления о реальности. Конечно же, физические объекты существуют, но они приобретают значение только в дискурсе.

---

[1] *Как авторы, мы сотрудничали на протяжение всех глав книги и совместно развивали большинство идей и тезисов этой книги. Однако наш вклад можно распределить так: Луиза Филлипс — главы 3 и 4, а Марианне Йоргенсен — главы 2 и 6, главы 1 и 5 — совместно Луиза Филлипс и Марианне Йоргенсен*

В качестве примера рассмотрим такое явление, как наводнение. У многих оно ассоциируется с рекой, выходящей из берегов. Подъем уровня воды (причина наводнения) — это событие, которое происходит независимо от мыслей и разговоров людей. Все тонут, если находятся в опасном месте, независимо от того, что они думают или говорят. Повышение уровня воды — факт материального мира. Но как только люди попытаются определить значение этого события, оно сразу попадут в рамки дискурса.

Большинство людей отнесло бы это событие к категории природных явлений, но совсем не обязательно, что люди описали бы его одинаково. Например, некоторые воспользовались бы метеорологическим дискурсом, сравнив подъем уровня воды с необычайно сильным ливнем. Другие объяснили бы его терминами явления El Nino, как одного из многих глобальных последствий "парникового эффекта". Нашлись бы люди, которые посмотрели бы на это явление, как на результат плохого "политического управления": упущения правительства в создании или финансировании строительства дамб. И, наконец, некоторые представили бы это явление как волю бога и его гнев, вызванный человеческими грехами, и подготовку к приближающемуся концу света. Следовательно, подъем уровня воды, как явление, происходящее в определенном месте и *в определенное время, можно описать с помощью терминов* из различных подходов или дискурсов (которые также можно по-разному скомбинировать).

Важно, что каждый дискурс "подает" это явление как возможное и закономерное: сооружение дамб, организация политической оппозиции по отношению к политике защиты окружающей среды или национальному правительству, или подготовка к неминуемому концу света. Таким образом, придание значения в дискурсах создает и изменяет мир.

Следовательно, язык — это не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении

людей, а "механизм", который генерирует и конституирует социальный мир. Это распространяется также и на формирование социальной идентичности и социальных отношений. То есть, *изменения* в дискурсе — это способ изменения социального мира. Борьба на дискурсивном уровне вносит вклад в изменение и воспроизводство социальной реальности.

Точка зрения, что язык — это система системы, которая не зависит от реальности, берет начало в структуралистской лингвистике, основанной на революционных идеях Фердинанда де Соссюра (в начале прошлого столетия). Соссюр утверждал, что знаки имеют два аспекта — форму (означающее) и содержание (означаемое), и отношение между ними *произвольно.* Значения, которые мы придаем словам, не заложены в них изначально, а являются результатом социальных договоренностей, с помощью которых мы соотносим определенное значение с определенными звуками. Например, звуковой или буквенный образ слова "собака" не имеет никаких естественных связей с образом реальной собаки, который появляется в нашем сознании, когда мы слышим это слово. Понимание того, что имеют в виду другие, когда говорят "собака", становится возможным благодаря социальной договоренности. Согласно ей мы приучились соотносить слово "собака" с четвероногим животным, которое лает. Соссюр считает, что значение знаков определяется их отношением к другим знакам: знак приобретает свою ценность в связи с отличиями от других знаков. Слово "собака" отличается от слов "кот" и "мышь", "копать" и "точка". Слово "собака", таким образом, является частью *сети* или структуры других слов, от которых оно отличается. И отличается оно всем тем, что включено в значение слова "собака" и не включено в значение других слов.

Соссюр рассматривал эту структуру как совокупность социальных норм, и поэтому как структуру, изменяемую во времени. Это значит, что отношение между языком и

реальностью условно. Эта точка зрения получила развитие в последующих структуралистской и постструктуралистской теориях.

Мир сам по себе не задает слова, с помощью которых его следует описывать. Например, знак "собака" не является естественным следствием физического явления — существования собаки. Форма знака различна в разных языках (например, в других языках для обозначения этого животного используются знаки "chien" и "Hund"). Содержание знака тоже меняется относительно новых ситуаций применения этого слова (например, когда человеку говорят "ты злой как собака").

Соссюр считал, что структура знаков должна быть основным предметом лингвистики. Он проводил различие между двумя уровнями языка, *langue (язык)* и *parole (речь)*. *Langue* — это структура, сеть знаков, которые придают значения другу другу (благодаря соотнесению в этой структуре), и это значение фиксировано и неизменно. С другой стороны, *parole* — это ситуативное употребление языка, люди используют знаки в специфических ситуациях в определенный момент разговора.

Parole всегда должна основываться на языке, поскольку именно структура языка дает специфическое высказывание относительно некоторой ситуации в принципе возможным. Но, традиционно, Соссюр, часто рассматривает *parole* как объект, имеющий случайный характер, который подвержен ошибкам человека и зависит от его черт характера. Это делает *parole* объектом, непригодным для научного исследования. Поэтому именно *langue*, как фиксированная и неизменная структура, стал основным объектом исследования лингвистики.

Постструктурализм берет свое начало в структуралистской теории, но в основных важных вопросах он все-таки трансформирует ее. Постструктурализм заимствует структуралистскую идею о том, что знаки приобретают значение не через отношение к реальности, а через их

внутреннее соотношение в сети знаков. Но он отвергает структуралистскую точку зрения о языке, как о стабильной, неизменной и целостной структуре, и стирает четкое различие между *langue* и *parole*.

Сначала мы обратимся к постструктуралистской критике того, что языковая структура стабильна и неизменна. Как мы уже упоминали, согласно теории Соссюра, знаки приобретают значение благодаря их отличию от других знаков. Согласно этой традиции структуру языка можно представить как сеть для ловли рыбы, в которой каждый знак имеет свое место, подобно одному из узелков этой сети.

Когда сеть расправляют, узелок фиксируется в определенной позиции на некотором расстоянии от других узелков сети. Так же и знак задается определенным расстоянием от других знаков. Многое в структуралистской теории основано на том, что все знаки находятся в определенных взаимоотношениях: каждый знак имеет определенное расположение в языковой сети, и его значение закреплено положением в этой структуре.

Позже структуралисты и постструктуралисты критиковали эту концепцию языка. Они не считали, что знаки имеют столь фиксированную позицию, как было описано в метафоре с рыболовной сетью. В постструктуралистской теории знаки также приобретают значения в связи с отличиями от других знаков, но те знаки, от которых они отличаются, могут изменяться в соответствии с контекстом, в котором они используются[1].

Например, значение слова "работа" в некоторых ситуациях может быть противоположно значению слову "досуг", тогда как в других контекстах его оппозицией является слово "пассивность" (например, "работа в саду"). Из этого не следует, что слова могут принимать любые значения, — ведь тогда язык и общение были бы просто невозможны. Но все

[1] *см. Laclau 1993a:433*

же из этого следует, что слова не могут быть зафиксированы в одном или более определенных значениях.

Метафора рыболовной сети больше не подходит, так как, в конечном итоге, невозможно определить, где именно в этой в сети должны находиться знаки по отношению друг к другу. Вместо метафоры *сеть* мы предпочитаем использовать метафору *интернет* как модель, где все знаки связаны между собой, но связи могут перестраиваться, а новые — постоянно появляться и изменять все структуру.

Тем не менее, структуры все же существуют, но всегда в неком временном и не обязательно стабильном состоянии. Такой взгляд на вещи предлагает постструктурализму решение одной из традиционных структуралистских проблем — проблемы *изменения.* С помощью структуралистской теории, где подчеркивается основополагающий и фиксированный характер структуры языка, невозможно понять изменения в языке. Ибо, откуда же оно тогда может появиться? В постструктурализме структура языка становится изменяемой, и значения знаков могут смещать свое положение по отношению друг к другу.

Но что заставляет значения знаков меняться? Этот вопрос ведет нас ко второй и основной части критики традиционного структурализма, связанной с четким разграничением терминов *langue* и *parole.* Как мы уже упоминали, *parole* не может быть объектом структуралистского исследования, потому что ситуативное использование языка считается столь произвольным, что ничего не может дать для описания структуры *langue.*

Напротив, постструктуралисты считают, что именно в процессе конкретного использования языка как раз и создается, воспроизводится и изменяется структура. Именно в конкретных речевых актах (и в письменной речи) люди обращаются к структурам — иначе речь не имела бы смысла. Но одновременно с этим они подвергают структуру испытанию, добавляя альтернативные идеи о том, как фиксировать значения знаков.

Не во всех дискурсаналитических подходах есть полное согласие с идеями постструктурализма, но во всех есть единодушие в основных моментах:

- язык — это не только отражение существующей реальности;
- язык структурирован в паттерны или дискурсы — существует не единственная общая система значений как в структурализме Соссюра, а целый ряд систем или дискурсов, где значения меняются от дискурса к дискурсу;
- эти дискурсивные паттерны создаются и трансформируются в дискурсивной практике;
- помощью анализа специфических контекстов, в которых действует язык, необходимо исследовать то, как поддерживаются и изменяются эти паттерны.

1. 2. 1. Концепция археологии и генеалогии Фуко

Мишель Фуко сыграл центральную роль в развитии дискурс-анализа благодаря не только своей теоретической работе, но и своим эмпирическим научным исследованиям. Почти во всех дискурсаналитических подходах, Фуко — человек, которого цитируют, на которого ссылаются, комментируют, чью теорию изменяют и критикуют. Мы тоже кратко коснемся вклада Фуко в дискурс-анализ не только для того, чтобы отдать дань традициям, но и потому, что все подходы к анализу дискурса берут свое начало в идеях Фуко, хотя и отрицают некоторые части его теории.

Традиционно в работах Фуко выделяют более ранний "археологический" этап и более поздний "генеалогический" этап, хотя оба они в дальнейшем пересекаются в связи с тем, что Фуко продолжает использовать инструментарий из археологии в своих более поздних работах. Его теория дискурса составляет часть археологии. То, что его интересует в "археологической" фазе, — это правила, с помощью

которых люди определяют, какие высказывания считать важными и истинными в определенную историческую эпоху. Фуко определяет дискурс следующим образом:

> "Мы будем называть дискурсом группу высказываний постольку, поскольку они относятся к одной и той же дискурсивной формации [... Дискурс] строятся на основе ограниченного количества утверждений, по отношению к которым можно определить группу условий их существования. В этом смысле, дискурс — не идеальная, безвременная форма [...] – это фрагмент истории [...], который накладывает свои собственные ограничения, предлагает свое деление на части, свои трансформации, специфические способы темпоральности[1]".

Фуко твердо придерживается общих социально-конструкционистских посылок о том, что знание – это не только отражение действительности. Структура дискурса и различный "режим" знания жестко задают, что считать истинным, а что ложным. Цель Фуко – в исследовании структуры различных "режимов" знаний, то есть правил, устанавливающих, что можно говорить и что нельзя, что считать истинным, а что ложным[2].

Отправная точка его рассуждений в том, что мы и имеем, в принципе, бесконечное число способов формулировки высказываний. И, тем не менее, большинство высказываний, которые мы производим в определенной области, похожи друг на друга и часто повторяются. Существует бесчисленное множество высказываний, которые мы никогда не произносим, и никогда *не означиваем* их (не приписываем им значение). То, о чем в принципе можно

---

[1] *Faucoulte 1972:117*

[2] *Собственные работы Фуко по археологическому периоду включают как более абстрактное изложение своей теории и методологических приемов (например Фуко 1972), так и эмпирический анализ (например, Фуко 1973, 1977)*

говорить, ограничено историческими правилами определенного дискурса.

Большинство современных дискурсаналитических подходов продолжают концепцию Фуко, рассматривая дискурсы как группы утверждений, ограниченных правилами. Они устанавливают границы того, чему стоит приписывать значение, то есть означивать. Дискурсаналитические подходы построены на идеях Фуко об истине. Он понимает ее как нечто, что в значительной степени создается дискурсивно.

Однако все эти подходы расходятся с тенденцией Фуко определять только один единственный "режим" знания в каждом историческом периоде. Вместо этого, они оперируют более конфликтной картиной, в которой различные дискурсы сосуществуют или борются за право определять истину.

В своей генеалогической работе Фуко развивал теорию *власти/знания*. Вместо того, чтобы трактовать агентов и структуры как первичные категории, Фуко сосредоточивает внимание на власти. Подобно дискурсу, власть не принадлежит определенным агентам, таким как индивиды, государства или группы с конкретными интересами; скорее, власть распространяется посредством различных социальных практик. Власть следует понимать не только как исключительно репрессивную, но и как *продуктивную* силу; власть конституирует дискурс, знание, сущности и реальности:

Что поддерживает силу власти? Что заставляет ее принимать? Власть не только довлеет над нами как сила, которая говорит "нет", но и проникает везде, производит вещи, вызывает удовлетворение, формирует знания, формирует дискурс. Ее необходимо рассматривать как продуктивную сеть, пронизывающую социум, шире, чем "запретительную" инстанцию, функция которой — репрессия[1].

---

[1] *Faucoulte1980: 119*

Таким образом, власть обеспечивает условия для того, чтобы социальное стало возможным. Именно благодаря власти производится социальный мир, а объекты отделяются друг от друга, и, таким образом, возникают индивидуальные характеристики и взаимоотношения.

Например, понятие "преступление" постепенно было сконструировано как некая область с ее собственными институтами (например, тюрьмами), отдельными субъектами (например, "преступниками") и определенными методами (например, "реабилитацией"). Власть всегда связана со знаниями — власть и знания предопределяют друг друга. Например, трудно себе представить современную тюремную систему без криминологии.

Власть ответственна *и* за создание нашего социального мира, *и* за специальные способы формирования и обсуждения социального мира, *и* за создание правил для альтернативных способов существования и общения. Таким образом, власть — это одновременно и *продуктивная*, и *сдерживающая* сила. Концепция власти Фуко нашла развитие в теории дискурса Лакло и Муфф и дискурсивной психологии, в то время как критический дискурс-анализ занимает более неопределенную позицию в этом отношении. Мы обсудим позицию критического дискурс-анализа в главе 3.

Что касается *знания,* то слияние власти и знания у Фуко в концепции имело последствия — власть и дискурс стали более тесно связаны. Дискурсы, главным образом, влияют на то, какими субъектами мы являемся, и на то, что мы можем знать об объектах (включая нас самих). Эта точка зрения ставит вопрос для дальнейшего исследования перед всеми подходами: *как социальный мир конституируется в дискурсах, включая его субъекты и объекты?*

Концепция Фуко "власть/знания" имеет определенные последствия и для концепции *истины.* Фуко утверждает, что невозможно достигнуть универсальной истины, так как невозможно говорить о позиции вне дискурса; невоз-

можно избежать репрезентации — то есть представления реальности с какой-то определенной позиции. "Эффекты истины" создаются внутри определенного дискурса. На археологическом этапе Фуко рассматривает "истину" как систему процедур для производства, регулирования и распространения определенных убеждений.

На генеалогическом этапе Фуко устанавливает связь между истиной и властью, доказывая, что "истина" включена и производится в системе власти. Поскольку истина недостижима, то бесполезно задаваться вопросом, является ли нечто истинным или ложным. Вместо этого следует сосредоточиться на том, *как* создаются "эффекты истинности" в дискурсах. Необходимо анализировать дискурсивные процессы, формирующие дискурсы таким образом, что создается впечатление о том, что представленная картина реальности истинна или ложна.

1. 3. Субъект

Именно Фуко обеспечил основу для понимания субъекта в дискурс-анализе. Его взгляд на субъект, как уже отмечалось, состоит в том, что субъект создается в дискурсах. Фуко считает, что "дискурс — это не величественное разворачивание мыслей, знаний, речи субъекта"[1]. Или, как выражает свою позицию Стэйнар Квэйл, "человек больше не использует язык, чтобы выразить самого себя; скорее язык "говорит" через личность. Человек становится посредником для культуры и языка"[2].

Этот взгляд очень отличается от стандартного Западного понимания человека как автономного и суверенного субъекта. Согласно Фуко, субъект — *децентрирован.* В этом на Фуко оказал влияние его учитель, Луи Альтюссер.

---

[1] *Faucoulte 1972: 55*

[2] *Steinar Kvale 1992: 36*

В структуралистском марксистском подходе Альтюссер тесно связывает субъекта и идеологию: человек становится идеологическим субъектом посредством *обращений*, с которыми дискурсы апеллируют к человеку. Сначала мы рассмотрим представление Альтюссера об идеологии, а затем об обращении.

Альтюссер определяет *идеологию* как систему представлений, которая маскирует наше истинное отношение к другим с помощью конструирования воображаемых отношений между людьми, а также между людьми и социальными формациями[1]. Таким образом, идеология — это искаженная интерпретация реальных социальных отношений. Согласно Альтюссеру, идеология управляет всеми аспектами социального, она функционирует посредством "репрессивных государственных органов" (например, полиции) и "идеологического государственного аппарата" (например, СМИ).

Обращение означает процесс, посредством которого язык формирует социальную позицию человека и, таким образом, делает его или ее идеологическим субъектом:

> "Идеология "действует" или "функционирует" таким образом, что "пополняет количество" идеологических субъектов (вербует их), или "преображает" людей (она трансформирует их всех). Это происходит с помощью той очень точной операции, которую я назвал *обращением*, или окликом. Его можно представить как повседневный оклик полицейского (или кого-то другого) в обычном месте: "Эй, ты!" Если предположить, что эта сцена происходит на улице, и человек, которого позвали, обернется — [...], то он станет субъектом[2]".

Возьмем для примера общедоступный информационный материал о здоровье в современной жизни. В нем к чита-

[1] *Althusser 1971*

[2] *Althusser 1971: 174 (курсив в оригинале)*

телям обращаются как к потребителям, у которых есть личная ответственность за заботу о себе и выборе правильного образа жизни. Принимая роль адресата текста, мы ставим себя в позицию субъекта, сформированную обращением. Поступая так, мы воспроизводим идеологию потребления и нашу позицию как субъектов потребительской культуры. Принимая роль субъекта в культуре потребителя, мы одновременно принимаем и то, что некоторые существующие проблемы являются личными, и за их решение человек сам несет ответственность, в отличие от общественных проблем, которые требуют коллективных решений.

Альтюссер полагает, что мы всегда принимаем предназначенную для нас субъектную позицию и, таким образом, становимся субъектами идеологии. Этому невозможно противостоять:

> "Опыт показывает, что практическая телекоммуникация приветствий и обращений почти всегда достигает своей публики: тот, к кому обращаются словами или свистом, всегда распознает, что зовут именно его[1]".

Как мы увидим в следующем параграфе, это только один из аспектов теории Альтюссера. Она подвергалась жесткой критике со стороны всех, включая сторонников дискурсаналитических подходов.

1. 3. 1. Отрицание детерминизма

Теория Альтюссера оказала большое влияние на культурологические подходы к исследованию коммуникации в 1970-х годах. В центре внимания были тексты (главным образом, тексты СМИ), а не их производство или восприятие, поскольку ученые рассматривали идеологическое влияние текстов как само собой разумеющееся. Считалось, что значения однозначны и содержатся в тексте, а получатели информации их пассивно воспринимают. В значительной

[1] *Althusser 1971; 174*

степени культурологические исследования — под сильным влиянием идей Альтюссера — были основаны на идее о том, что определенная идеология (капитализм) доминирует в обществе, фактически не оставляя никаких реальных возможностей для эффективного сопротивления (тезис "доминирующей идеологии").

Но с конца 1970-х взгляды Альтюссера подверглись критике с разных сторон. Сначала возник вопрос о возможности оказывать сопротивление идеологическим сообщениям, обращенным к субъекту — вопрос субъектной *агентивности* и *свободы действия*. В связи с этим, медиагруппа Центра современной культурологии Бирмингема, во главе со Стюартом Холлом, указала на сложность восприятия медиаинформации. Согласно холловской теории "кодирования/декодирования", реципиенты были способы интерпретировать или "декодировать" сообщения с помощью кодов, отличающихся от кода текста[1]. Эта теория была основана на теории превосходства Грамши[2], которая приписывала *агентивную* силу производства и договоренностей о значении всем социальным группам.

Сегодня в культурологии, в исследованиях коммуникации и дискурс-анализе существует единодушное мнение в том, что в тезисе "доминирующей идеологии" недооценивается способность людей к сопротивлению. В некоторых исследованиях по коммуникации и культуре даже наметилась тенденция переоценивать способность людей противостоять сообщениям СМИ[3]. Однако в дискурс-анализе обычно исследователь учитывает роль текстовых особенностей для того, чтобы определить, как именно получатель будет интерпретировать текст.

Во-вторых, во всех подходах к дискурс-анализу, представленных в нашей книге, отвергается точка зрения о

[1] *Hall, 1980*

[2] *Gramsci, 1991*

[3] *см., например, Morley, 1992 о критике этой точки зрения*

том, что социальным управляет только одна тоталитарная идеология. В этих подходах представление о структуре знаний как о единой, монолитной, общей для всех (как считает Фуко), заменяется более плюралистической моделью, в которой дискурсы сосуществуют и конкурируют. Поэтому они отклоняют теорию Альтюссера, что одна идеология контролирует все дискурсы. Из этого следует, что дискурсы обращаются к субъектам не только с одной субъектной позиции: различные дискурсы предоставляют субъекту различные, а иногда противоречивые позиции для высказывания.

В связи с этой проблемой различные подходы к дискурс-анализу вводят свои понятия, и мы обсудим их в следующих главах. Но в целом, можно сказать, что во всех этих подходах принято считать, что субъект формируется в дискурсе — он *децентрирован*. А ключевой вопрос эмпирического анализа — это структура субъектов.

Однако эти подходы отличаются тем, в какой степени субъекту в них предоставляется "свобода действия" внутри дискурса. То есть, они отличаются своей позицией в том, каковы отношения между структурой и агентом.

Теория дискурса Лакло и Муфф, в значительной степени, заимствует точку зрения Фуко в том, что индивидуальное формируется структурами дискурса. В то время как критический дискурс-анализ и дискурсивная психология развивают тезис Ролана Барта о том, что люди являются одновременно "и хозяевами, и рабами языка"[1]. Таким образом, в двух последних подходах подчеркивается, что люди используют дискурсы как ресурсы для создания новых констелляций слов — предложений, которые никогда прежде не произносились. В разговоре носители языка выбирают элементы из различных дискурсов, заимствованных из СМИ и межличностного общения. Это приводит к образованию новых *гибридных* дискурсов. В процес-

---

[1] *Barth, 1982*

се создания новых дискурсов люди действуют как агенты дискурсивных и культурных изменений. Как представитель критического дискурс-анализа, Фэркло выражает эту идею следующим образом: "Индивидуальные творческие действия в совокупности преобразуют строй дискурса".

Однако даже в тех подходах, где агентивность и роль субъекта в социальных изменениях выходит на первый план, тем не менее, дискурсы — это структуры, ограничивающие субъекта в действиях и возможностях для нововведений. И критический дискурс-анализ, и дискурсивная психология предлагают теоретическую основу и конкретные методы для анализа динамических практик создания дискурсов. В этих практиках носители языка одновременно действуют и как продукты дискурса, и как создатели в воспроизводстве и трансформации дискурсов, а, следовательно, в социальных и культурных изменениях.

Третий и последний противоречивый момент в теории Альтюссера — понятие самой идеологии. Большинство концептов идеологии, включая концепт Альтюссера, означают, что абсолютная истина достижима. Идеология искажает реальные социальные отношения. И если бы мы освободились от идеологии, мы получили бы доступ к реальным социальным отношениям и истине. Как мы увидели, Фуко полностью отвергает эту точку зрения. Согласно Фуко, истина, *субъекты и отношения между ними создаются в дискурсе*, и нет никакой возможности достичь "более истинной" истины за пределами дискурса. Следовательно, Фуко не нуждается в концепте идеологии.

В теории дискурса Лакло и Муфф полностью восприняли эту позицию, и концепт идеологии у них фактически отсутствует. Напротив, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология не отвергают марксистскую традицию, связанную с идеологией. Оба подхода признают идеологическое влияние дискурсивной практики. В то время как они твердо придерживаются точки зрения Фуко относительно власти, расценивая власть скорее как созида-

тельную, нежели как принуждающую силу. Одновременно с этим они придают значение и структурам доминирования, посредством которых одна социальная группа подчиняется другой. Сохраняется также идея, — по крайней мере, в критическом дискурс-анализе Фэркло, — о различии идеологических и неидеологических дискурсов. Таким образом, *остается надежда на существование* социального устройства вне идеологии, надежда, которую в своей теории дискурса Лакло и Муфф посчитали бы наивной.

1. 4. Различия между подходами

То, как определять идеологию — лишь одно из различий между тремя подходами. В следующем параграфе мы раскроем эти различия. Во-первых, мы коснемся роли дискурса в построении мира и, во-вторых, предмета его анализа. Различия *в подходах — это*, скорее, вопрос степени. Мы расположим подходы на двух континуумах, к которым будем обращаться в дальнейшем.

1. 4. 1. Роль дискурса в конституировании мира

Для всех трех подходов, функционирование дискурсов — дискурсивная практика — это социальная практика, которая формирует социальный мир. В концепте "социальной практики" действия людей рассматриваются с двойственной позиции: с одной стороны, действия конкретны, индивидуальны и связаны контекстом; но, с другой стороны, они закреплены социально, и поэтому имеют тенденцию к постоянству. Фэркло в критическом дискурс-анализе предлагает концепт дискурса для текста, разговора и других семиотических систем (например, жестов и моды) и отделяет ее от других измерений социальной практики.

Дискурсивная практика рассматривается как одно и измерений или *моментов* социальной практики, которс находится в диалектических отношениях с другими мс ментами социальной практики. Это означает, что некот рые аспекты социального мира функционируют соглас другой логике, чем логика дискурса, и их необходимо из чать с помощью других методов, чем метод дискурс-ан лиза. Например, экономическая логика распространяетс на действия людей или на формы социального воздейс вия. Дискурсивная практика воспроизводит или изменяе другие измерения социальной практики точно так же, ка другие социальные измерения формируют дискурсивно измерение, — вместе они конституируют наш мир.

В теории дискурса Лакло и Муфф нет различий межд дискурсивными и недискурсивными измерениями соци ального — в ней практики исключительно дискурсивны Это не значит, что кроме текста и диалога больше ничег не существует. Напротив, дискурс сам по себе матери лен, а экономика, инфраструктура и институты являютс частью дискурса. Таким образом, в теории дискурса Лакл и Муфф нет никаких диалектических отношений межд дискурсом и чем-либо еще: дискурс сам полностью конс титуирует наш мир.

Это различие можно конкретизировать, располож подходы к дискурс-анализу на континууме. Мы поместил в скобки некоторые другие подходы, на которые ссылаем ся в книге. С левой стороны континуума расположены под ходы, где дискурс полностью конституирует социальны мир, а с правой стороны — те, где дискурс просто отражае социальные механизмы.

С подобной схемой следует быть осторожным, так ка она несколько упрощает представление об этих теориях Это явно видно на примере дискурсивной психологии. Мы расположили дискурсивную психологию несколько слева на континууме, но ей, на самом деле, сложно отвести опре деленное место. Ведь одновременно в ней утверждается и

то, что дискурс полностью конституирующий, и то, что он включен в историческую и социальную практики, которые не в полной мере дискурсивны.

Подходы, расположенные справа в континууме, — не дискурсаналитические. Если дискурс — это простое механическое воспроизводство других социальных механизмов, — например, дискурс полностью определяется экономикой или чем-то еще — тогда и нет смысла проводить дискурс-анализ. Вместо этого следует направить усилия, например, на экономический анализ. Поэтому мы расположили марксистские позиции справа на континууме и не учитывали их особенности в полной мере. Ни исторический материализм, ни культурные марксисты типа Грамши и Альтюссера не оперировали ни "дискурсом", ни "дискурс-анализом", так что мы включили их в эту схему на основе своей интерпретации, несколько упростив эти теории.

Кроме того, и Грамши, и Альтюссер оставляют довольно широкую свободу практике производства значений, которую можно интерпретировать как дискурсивное измерение. Но оба они рассматривают экономику как решающий фактор и "последнюю инстанцию", и именно поэтому они находятся так далеко справа на континууме.

1. 4. 2. Предмет анализа

Некоторые подходы сфокусированы на том, что дискурсы создаются и изменяются в повседневной дискурсивной практике. Поэтому в них подчеркивается необходимость систематических эмпирических исследований устной и письменной речи людей, например, текстов СМИ или интервью исследований. В других подходах предмет анализа — общие паттерны, а цель — в более абстрактном картографировании дискурсов, циркулирующих в обществе в определенный момент времени или в определенной

социальной сфере. На континууме эти различия можно отразить следующим образом:

Дискурс созидательный	Диалектические отношения	Дискурс созданный

←——————————————————————→

Критический дискурсный анализ

Теория дискурса Лакло и Муфф	Дискурсивная психология		
		(Фуко)	(Альтюссер)
		(Грамчи)	Исторический материализм

Рис. 1.1. *Роль дискурса в созидании мира*

На этом континууме, скорее, отражены различия в степени, нежели качественные различия. Хотя дискурсивная психология сконцентрирована на анализе повседневной практики людей, она «под текстом» изучает более крупные социальные структуры, которые люди используют или изменяют в дискурсивной практике. И хотя Лакло и Муфф в теории дискурса обращаются, главным образом, к абстрактным, "деперсонифицированным" дискурсам, тем не менее, у них присутствует идея о том, что дискурсы создаются, поддерживаются и изменяются в повседневной практике.

В то же самое время, расположение подходов на континууме связано с различиями в их теоретическом акцентом. Дискурсивная психология уделяет гораздо больше внимание активному и творческому использованию дискурса как источника социальных действий в определенном взаимодействии. Лакло и Муфф большее внимание уделяют тому, как дискурсы ограничивают наши возможности для действия.

Бытовой дискурс		Абстрактный дискурс
←		→
Дискурсивная психология	Критический дискурсный анализ	Теория дискурса Лакло и Муфф (Фуко)

Рис. 1.2. *Предмет дискурс-анализа*

1. 4. 3. Роль дискурс-аналитика

Цель дискурс-аналитика состоит не в том, чтобы выйти "за пределы" дискурса и выяснить, что люди *действительно* имеют в виду, когда что-либо говорят. Она также и не в том, чтобы обнаружить реальность за "пределами дискурса". Отправная точка — это то, что реальность невозможно рассматривать вне дискурса. Таким образом, именно дискурс непосредственно и становится объектом анализа. В дискурс-анализе первичное "упражнение" — это не классификация высказываний в эмпирическом материале относительно их правильности или неправильности. Хотя критическую оценку можно дать на более поздней стадии анализа.

Напротив, исследователь должен работать с тем, что фактически было сказано или написано, исследуя паттерны "вдоль *и поперек*" высказываний *и определяя* социальные последствия различных репрезентаций реальности.

Когда вы работаете с дискурсами, которые вам хорошо знакомы, особенно трудно относиться к ним *как* к дискурсам, то есть как к системе, которая создана социально и, в принципе, могла бы быть другой. Поскольку исследователи — это часть изучаемой культуры, то они сами разделяют многие утверждения, основанные на здравом смысле и принятые на веру. Трудность состоит в том, что именно эти "здравые" утверждения и необходимо изучить. Исследователь должен определить то, какие утверждения восприни-

маются как истинные или "естественные", а какие — нет. Следовательно, очень полезно отстраниться от материала и, например, представить себя антропологом, который исследует неизвестную вселенную значений, выясняя, что именно в ней имеет смысл.

Роль антрополога следует рассматривать, скорее, как один из полезных способов, нежели как полное описание роли исследователя. Если исследование основано на социально-конструкционистском подходе, то проблема роли исследователя намного глубже и требует интенсивной рефлексивной работы. Если мы считаем, что "реальность" создана социально, а "истины" — дискурсивные эффекты, и субъекты децентрализованы, то что нам делать с "истиной", которую производим мы, субъекты-исследователи? Эта проблема характерна для всех подходов социального конструкционизма.

Проблема того, как работать с категорией истины, наиболее характерна для теории дискурса Лакло и Муфф и дискурсивной психологии. Каждый из них решает ее своим способом. Лакло и Муфф, в общем, игнорируют эту проблему, а свою теорию и анализ дискурса представляют как объективное описание мира.

Напротив, дискурсивная психология учитывает роль исследователя, предлагая различные формы рефлексии (см. главы 4 и 6).

В критическом дискурс-анализе Фэркло, по сравнению с теорией дискурса Лакло и Муфф и дискурсивной психологией, эта дилемма, на первый взгляд, кажется не такой уж и важной, поскольку Фэркло проводит различие между идеологическими и не идеологическими дискурсами. В принципе, исследователь должен уметь производить не идеологические дискурсы. Но вновь возникает вопрос, *как* отличить, что является идеологическим дискурсом, а что — нет? Возникает и другой вопрос, *кто* действитель-

но свободен от дискурсивного восприятия мира и на самом сможет определить это отличие?

Выражаясь философски, проблема кажется неразрешимой, если мы принимаем *антифундационалистскую* посылку социального конструкционизма: условие существования любого знания в том, что оно — лишь одна из многих возможных репрезентаций. Действительно, исследователь всегда занимает некую позицию по отношению к изучаемой проблеме. И именно эта позиция служит основанием для его интерпретации дискурса, и для результатов его работы. Конечно, всегда есть другие позиции, при которых действительность может выглядеть иначе. Но это совсем не значит, что все результаты исследования одинаково хороши. В главе 4, с позиции социального конструкционизма, мы обсуждаем проблему того, как обосновать результаты исследования, и как сделать их наиболее прозрачными для читателя.

В общем, теоретическая последовательность требует, чтобы исследователи точно осознавали и понятно высказывали свою позицию относительно дискурсов, которые анализируют. Это необходимо им же самим, чтобы в дальнейшем они могли адекватно оценить возможные последствия дискурса в конструировании социального мира.

Релятивизм, свойственный социальному конструкционизму, не означает, что аналитик не может быть критичным. Все наши подходы можно считать критичными, и в главе 6 мы подробно обсудим практику социального критицизма, исключающего претензию на абсолютную истину.

Вкратце, наша позиция в том, что именно строгое применение теории и методов легитимизирует произведенные научные знания. Именно когда мы смотрим на мир сквозь призму определенной теории, мы можем занять отстраненную позицию по отношению к некоторым понятиям, которые считают само собой разумеющимися. Таким

образом, мы можем исследовать наш материал под иным углом зрения, чем в повседневной практике.

В следующих трех главах мы как раз и рассмотрим различные способы производства таких научных знаний. В главе 6 мы прокомментируем дискуссии о научных знаниях, проблему рефлексивности исследователя и критику, существующую в социальном конструкционизме.

2 Теория дискурса Лакло и Муфф

В этой главе мы представим теорию дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф[1] (иногда сокращенно "теория дискурса"). Мы обращаемся к их основной работе, *"Гегемония и социалистическая стратегия" (1985)*, дополняя ее текстами самого Лакло.

Теория дискурса направлена на понимании социального как дискурсивной конструкции. Благодаря этому можно, в принципе, проанализировать все социальные феномены, применяя инструменты дискурс-анализа.

Прежде всего, мы представим подход теории дискурса к языку, а затем расширим теорию, чтобы распространить ее на всю область социального. Благодаря широкому взгляду, теория дискурса — это теоретическая основа, которая подходит для различных социально-конструкционистских подходов к дискурс-анализу. Но в силу того, что работы Лакло и Муфф направлены на развитие теории, они не обладают в должной мере практическими инструментами текстуально-ориентированного дискурс-анализа. Поэтому целесообразно дополнить их теорию методами, заимствованными из других подходов к дискурс-анализу.

Основная идея теории дискурса состоит в том, что социальное явление никогда не бывает законченным или полным. Значение, в конечном счете, никогда не может быть фиксированным, и это открывает путь к непрерывной социальной борьбе за то, как определить общество и идентич-

---

[1] *Ernesto Laclau и Chantal Mouffe*

ность, и эта борьба влечет за собой социальные последствия. Задача дискурс-аналитика — выявить ход этой борьбы и зафиксировать значение на всех уровнях социального.

Лакло и Муфф разработали свою теорию посредством *деконструкции* других теорий. Тщательно изучив другие теории, они пересмотрели само собой разумеющиеся предположения и проанализировали их внутренние противоречия. Таким способом они обнаружили идеологическое содержание других теорий и затем выявленные противоречия смогли преобразовать в инструменты для дальнейших рассуждений. Метод *деконструкции* в сочетании с авторским стилем Лакло и Муфф делает их практически недоступными для понимании, ведь их работы предполагают обширное знание основополагающих теорий.

В этой главе, представляя теорию дискурса, мы не только введем новые понятия, но и по-новому интерпретируем хорошо известные.

2.1. К теории дискурса

Лакло и Муфф построили свою теорию путем комбинирования и модификации двух основных теоретических традиций — марксизма и структурализма. Марксизм стал отправной точкой рассуждений о социальном, а структурализм обеспечил их теорией значения. Лакло и Муфф объединили эти традиции в единую постструктуралистскую теорию — всю область социального они рассматривают как некую паутину, в которой создаются значения. Прежде всего, мы представим их теорию создания значения, а затем их концепт "дискурса".

В главе 1 мы, в первом приближении, изложили традиции структурно-лингвистического анализа Соссюра и постструктуралистскую критику этого подхода. Мы говорили, что структуралистское представление о языке можно представить с помощью метафоры рыболовной сети

все лингвистические знаки можно рассматривать как узлы в сети, где значения можно установить на основе их отличий друг от друга — исходя из особенности их позиции в этой сети. Постструктуралисты считали, что значение невозможно установить однозначно и окончательно. Единодушно они заявляли, что знаки приобретают значение благодаря своим отличиям от других знаков. Но, постоянно применяя язык, мы размещаем знаки в определенных отношениях друг к другу, таким образом, они приобретают новые значения. Так что использование языка — это социальный феномен: именно в социальном контексте посредством соглашений, переговоров и конфликтов закрепляются и пересматриваются структуры значения.

Лакло и Муфф учитывают постструктуралистскую критику структуралистской лингвистики. Однако с помощью структурализма вполне можно выразить импрессионистскую идею Лакло и Муфф. Создание значения как социальный процесс подобно фиксированию значения, как в структуре Соссюра. Мы постоянно фиксируем значения знаков, размещая их в определенных отношениях к другим знакам. Возвращаясь к метафоре, мы пытаемся раскинуть рыболовную сеть так, чтобы каждый знак находился в определенных отношениях к другим знакам. Но это, в конечном счете, невозможно, потому что каждая конкретная фиксация значения знака — *условна;* она возможна, но не обязательна. Именно то, что постоянные попытки зафиксировать значение никогда не бывают успешны, как раз и стало отправной точкой дискурс-анализа. Цель дискурс-анализа — проследить процессы нашей "борьбы" за определенный способ фиксирования значений, а также выявить процессы, в которых некоторые фиксированные значения столь общеприняты, что кажутся совершенно естественными.

Теперь мы сможем изложить импрессионистскую идею теоретической концепции Лакло и Муфф:

> "Мы назовем *артикуляцией* любую практику уста новления отношений между элементами, при которой в результате артикуляционной практики изменяется идентичность элементов. Все структурное единство возникающее в результате артикуляционной практи ки, мы назовем *дискурсом*. Различные позиции, в ко торых знак артикулируется, мы назовем *моментами* А *элементом* мы назовем любое отличие, которое н артикулируется в дискурсе[1]".

Здесь Лакло и Муфф определяют четыре важных по нятия, которые мы проанализируем далее. В ходе этого мы также представим ряд связанных понятий, таких как "уз ловые точки", "область дискурсивности" и "закрытость"[2].

Дискурс трактуется как совокупность фиксированны значений в пределах специфической области. Все знак в дискурсе являются *моментами*. Они являются узлами рыболовной сети, их значения закреплены посредство отличий друг от друга ("дифференциальных позиций") Возьмем, к примеру, медицинский дискурс, в котором спе циальным образом трактуются понятия "тело", "болезнь и "лечение"[3]. Все медицинские исследования связаны делением тела, болезнями и лечением частей тела, а во описание взаимоотношений между этими частями очен размыто. Тело обычно рассматривают отдельно — по час тям, и причины болезней анализируются в связи с этим органами. Например, считается, что инфекцию вызываю микроорганизмы, распространенные именно в этой част тела. На эти микроорганизмы нужно повлиять лекарство Медицинский дискурс, как бы "растягивает сеть" взаимо связанных значений по отношению к понятиям "органы"

---

[1] *Laclau и Mouffe 1985: 105: курсив в оригинале*

[2] *Для пояснения концепта "дискурс" и концептов теории дискурса Лакло и Му фа, которые к нему относятся, см. также Торфинг (Torfing, 1999: глава 4) и Х вард (Howard, 2000: глава 6)*

[3] *Источник примеров о болезни и здоровье — Johannessen (1994)*

"болезни". В том смысле, мы можем сказать о дискурсе следующее: все знаки — моменты в системе, и значение каждого знака определено их отношением к другим знакам.

Дискурс сформирован благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых *узловых точек*[1]. Узловая точка — привилегированный знак, вокруг которого упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки. В медицинских дискурсах, например, "тело" — это узловая точка, вокруг которой кристаллизуются многие другие значения. Знаки типа "симптомы", "ткани" и "скальпель" приобретают значение в связи со знаком "тело". Также, к примеру, центральной точкой в политических дискурсах является "демократия", а в национальных дискурсах — "люди".

Дискурс образован как нечто общее (суммарное), где каждый знак зафиксирован как *момент* посредством установления отношений к другим знакам (как в рыболовной сети). Это происходит за счет *исключения* всех других возможных значений знака, а именно — всех других возможных способов, с помощью которых знаки могут быть связаны друг с другом. Таким образом, дискурс — ограничение возможностей. Это попытка остановить незаметное "скольжение" знаков по отношению друг к другу и, следовательно, попытка создать единую систему значений. Все возможности, которые исключает дискурс, Лакло и Муфф называют *областью дискурсивности*.

Область дискурсивности — это резервуар для "добавочных значений", возникающих в *артикуляционной практике*, то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания *единства значения*. Например, медицинский дискурс конституирован путем исключения дискурсов об альтернативных методах лечения, где тело, в большей степени, рассматривают как целостную сущность, где все части пронизаны энергией.

---

[1] *Laclau u Mouffe 1985: 112*

Здесь уже мы можем предвидеть критику теории дискурса, — мы вернемся к ней в конце этой главы. Дискурс всегда конституирован по отношению к тому, что он исключает, то есть по отношению к области дискурсивности. Однако в теории дискурса остается неясным, является ли область дискурсивности неструктурированной массой всех возможных конструкций значения, или же она структурирована сама по себе посредством существующих конкурирующих дискурсов. В медицинском дискурсе, например, "футбол" — это не тема разговора, но ничто не может помешать появлению элементов дискурса о футболе в медицинском дискурсе в данный момент времени. Значит ли это, что футбол, в результате, — часть "дискурсивной области" медицинского дискурса? Или область дискурсивности — это только дискурсы об альтернативных способах лечения, которые, в определенной степени, "населяют ту же местность", что и медицинский дискурс, и поэтому конституируют область дискурсивности медицинского дискурса? В теории Лакло и Муффа эти две ситуации "слиты" в понятии "область дискурсивности". Мы предлагаем их аналитическое разделение. В этом случае *область дискурсивности* означает все возможные, исключенные конструкции значения (такие как футбол по отношению к медицинскому дискурсу), в то время как "*дискурс-строй*" (понятие из критического дискурс-анализа Фэркло) означает ограниченный перечень дискурсов, которые "борются" на одной и той же территории (например, в области "здоровья и болезни").

Вернемся к концептуальным определениям Лакло и Муфф. Область дискурсивности они рассматривают как все, что находится вне дискурса — все, что дискурс исключает. Но именно потому, что дискурс всегда конституирован по отношению к внешней действительности, постоянно существует опасность, что из-за этого он станет неопределенным. Ведь его единство значения может быть разрушено из-за других способов фиксирования значений. Здесь вполне уместен концепт *элемент*. Элементы — это знаки,

значения которых еще не зафиксированы; это знаки, которые имеют многочисленные потенциальные значения (то есть они *полисемичны).* Используя этот концепт, теперь мы можем переформулировать концепт дискурса: дискурс "пытается" преобразовать элементы в моменты, редуцируя их полисемию до полностью фиксированного значения. В терминах теории дискурса Лакло и Муфф, дискурс устанавливает *закрытость,* временную остановку флуктуаций в значении знаков. Но закрытость никогда не бывает окончательной: "Переход от "*элементов*" к "*моментам*" никогда полностью не завершается[1]". Дискурс никогда не бывает полностью фиксированным так, что не может стать неопределенным и измененным из-за разнообразия значений из области дискурсивности. Например, в дискурсе западной медицины, "вторжение" иглоукалывания привело к модификации доминирующего в медицине понимания тела — его стали рассматривать как "сети энергии".

В терминах Лакло и Муфф, "тело" — это *элемент,* поскольку существует несколько альтернативных способов его трактовки. В доминирующем западном медицинском дискурсе "тело" может быть редуцировано до *момента* за счет специфического и однозначного определения. А в дискурсе об альтернативном лечении "тело", соответственно, может быть определено однозначно — но иначе, чем в медицинском дискурсе.

Христианский дискурс содержит еще один однозначный способ понимания "тела", связывая его со знаком "душа". В таком случае, само по себе слово "тело" мало о чем говорит. Чтобы получить его значение, его следует расположить относительно других знаков. И это происходит через *артикуляцию.* Лакло и Муфф (цитата на странице 56) определяют *артикуляцию* как любую практику, которая устанавливает отношение между элементами таким образом, что идентичность элементов меняется. Сло-

[1] *Laclau u Mouffe 1985: 110.*

во "тело" само по себе полисемично, и его идентичность определяется в процессе артикуляции посредством отношений к другим словам. Например, высказывание "тело и душа" помещает "тело" в религиозный дискурс, в результате — некоторые значения слова выходят на первый план, а другие игнорируются.

Теперь, когда мы идентифицировали "тело" и как *узловую точку* в медицинском дискурсе, и как *элемент*, самое время дать небольшое разъяснение. Узловые точки — это привилегированные знаки, вокруг которых организуется дискурс. Но эти знаки сами по себе "пусты". Как мы уже говорили, знак "тело" не имеет точного значения до тех пор, пока он не помещен в определенный дискурс. Следовательно, знак "тело" — также *элемент*. Фактически, теория дискурса предлагает термин для обозначения тех элементов, которые открыты для приписывания им различных значений, этот термин — *изменчивые знаки*[1]. Изменчивые знаки — это знаки, за которые "борются" различные дискурсы, чтобы наделить их значением своим особым способом. Узловые точки — это *изменчивые знаки*. Термин *узловая точка* относится к точке кристаллизации внутри специфического дискурса. А вот термин *изменчивый знак* относится к конкуренции между различными дискурсами за то, чтобы зафиксировать значение наиболее важных знаков. Поэтому понятие "тело" — это *узловая точка* в медицинском дискурсе и *изменчивый знак* в борьбе между медицинским дискурсом и дискурсом об альтернативных методах лечения.

Теперь мы можем установить все связи между терминами. Цель дискурса — устранить двусмысленность, превращая *элементы* в *моменты* посредством *закрытости*. Но эта цель никогда не бывает до конца успешной, поскольку возможности значений, которые дискурс помещает в *область дискурсивности*, могут всегда дестабилизироват

---

[1] *Laclau и Mouffe, 28, 1993: 287*

фиксированные значения. Следовательно, все *моменты* остаются потенциально полисемичными. Это значит, что потенциально *моменты* всегда являются *элементами*. Определенные *артикуляции* постоянно воспроизводят или оспаривают (подвергают сомнению) существующие дискурсы, фиксируя значения своими способами. Из-за бесконечной потенциальной полисемии каждое устное или письменное выражение (даже каждое социальное действие, как мы увидим позже) также, в определенной степени, является *артикуляцией* или *инновацией*. Несмотря на то, что это выражение основано на более ранних фиксациях значения — то есть возникает из дискурсов, в которых знаки уже стали *моментами*, — тем не менее, оно никогда не бывает простым повторением того, что было установлено ранее. Следовательно, каждое выражение — это активная редукция возможностей значения, оно размещает знаки в определенном отношении друг к другу одним единственным способом, исключая, тем самым, альтернативные формы организации.

В этом случае дискурс рассматривается как некий тип структуры, по Соссюру — как фиксация знаков в сети отношений. Но, в отличие от традиции Соссюра, где структура включает все знаки при *постоянной закрытости* самой структуры, дискурс Лакло и Муффа никогда не может быть полным (завершенным) в смысле Соссюра. Всегда есть другие потенциальные значения, которые, участвуя в специфических *артикуляциях*, могут оспаривать и преобразовывать структуру дискурса. Таким образом, дискурс — это *временная закрытость*: он фиксирует значение особым образом, но это не значит, что оно должно быть зафиксировано именно так "раз и навсегда". В терминах Лакло и Муфф, артикуляции — это случайные вторжения в еще не определенную (не завершенную) область. Это значит, что артикуляции постоянно вмешиваются в структуры значения и преобразуют их самым непредсказуемым образом. Дискурсы — незавершенные структуры в той же, еще не

определенной области. Они никогда не станут полностью структурированными. Следовательно, всегда есть место для *борьбы* за то, какой именно будет структура, какие дискурсы должны преобладать и какое значение должно быть предписано отдельным знакам.

Теперь мы добрались до первого, начального этапа конкретного дискурс-анализа. Для проведения дискурс-анализа теория дискурса предлагает нам сосредоточиться на конкретных речевых высказываниях при *артикуляции*: какие значения они устанавливают, размещая *элементы* в определенных отношениях друг к другу? Какие потенциальные значения они исключают? С помощью следующих вопросов можно изучить артикуляции по отношению к дискурсу. Какой дискурс или дискурсы являются источником этой специфической артикуляции? Какие дискурсы воспроизводит эта артикуляция? Или, наоборот, эта артикуляция опровергает и трансформирует уже существующий дискурс с помощью "переопределения" его *моментов*?

Сначала, для того чтобы ответить на эти вопросы, можно идентифицировать *узловые точки* дискурса: какие знаки имеют привилегированный статус и как они определены относительно других знаков в дискурсе? После того как идентифицировали *узловые точки*, затем мы можем изучить, как другие дискурсы определяют эти же знаки *(изменчивые знаки)* альтернативными способами. Исследуя конкурирующее содержание значений *изменчивых знаков*, мы можем постепенно выявить *борьбу* вокруг значения. Таким способом, шаг за шагом, мы сможем определить частичное структурирование значений *изменчивых знаков*. Какие знаки являются объектами *борьбы* за значение между конкурирующими дискурсами (являются *изменчивыми знаками*); и какие знаки имеют относительно фиксированные и не спорные значения (являются *моментами)*?

В отличие от Соссюра, который видел цель науки в выявлении структуры, Лакло и Муфф в теории дискурса интересуются тем, *как* структура в форме дискурсов кон-

ституируется и изменяется. Они делают это, наблюдая процессом *артикуляции*, который постоянно репродуцируют, подвергают пересмотру или преобразуют дискурсы. В нашем примере с медицинским дискурсом с помощью специального анализа можно исследовать: как, где и когда западный медицинский дискурс и дискурс об альтернативной медицине конкурируют в определении понятия "тело". Можно также изучить то, как трансформируется медицинский дискурс в специфических артикуляциях, — ведь альтернативные методы лечения, например, иглоукалывание, стали очень распространенными в медицине.

2. 2. Критика марксизма

В теории дискурса Лакло и Муфф дискурсивные процессы, о которых мы говорили выше, включают не только то, что мы обычно считаем системой знаков (язык в тексте и разговоре, визуальной коммуникации, в моде и архитектуре); они охватывают всю социальную область. Следовательно, теория Лакло и Муфф о социальном — это составная часть их теории дискурса. Их теория о социальном была разработана в процессе критического прочтения марксистской теории, которую мы как раз сейчас и представим.

Для начала, мы изобразим карикатуру исторического материализма[1]. Карл Маркс, описывая общество, проводит различие между базисом и надстройкой. Материальные условия, экономика и, что особенно важно, средства производства, принадлежат базису. К надстройке относятся государство, судебная система, церковь, СМИ, школы и "чистое" производство значений, которое происходит в обществе. Но главная особенность учения состоит в том, что ядром является экономика, в терминах которой объяс-

[1] *Трактовка работ различных марксистских теоретиков у Лакло и Муфф имеет значительно больше нюансов, чем то, что мы смогли представить в этом ограниченном объеме текста (1985: главы 1 и 2)*

няется все: базис определяет надстройку, следовательно, именно экономика предписывает то, что люди говорят и думают. Именно базис влияет на развитие истории, поскольку изменение, по мнению Маркса, обусловлено изменениями в экономике.

Для капиталистического общества характерно, что капиталисты имеют собственность на средства производства и, таким образом, на продукты, которые производятся. Рабочие владеют только своим трудом, который они продают капиталистам. Таким образом, в капиталистическом обществе есть два класса, которые противостоят друг другу, в том смысле, что капиталисты эксплуатируют рабочих. Причина того, что рабочие не поднимают мятеж, состоит в том, что их сознание сформировано надстройкой, а она, в свою очередь, определена базисом. Следовательно, надстройка капиталистической системы поддерживает капиталистическую экономику, формируя идеологию и узаконивая систему. И так как сознание рабочих сформировано идеологией, сквозь ее призму они не могут увидеть свои истинные интересы — они страдают от "фальшивого самосознания". Переход к социализму и, позже, коммунизму, произойдет, когда рабочий класс распознает свои истинные интересы и примет участие в революции.

Главная проблема исторического материализма — отсутствие любого объяснения этого преобразования сознания: как рабочий класс узнает свое реальное положение в обществе и свои истинные интересы, если его сознание определено капиталистической идеологией? Различные мыслители-марксисты в течение XX-го столетия пытались решить эту проблему, указывая на необходимость политического элемента этой модели[1]. Возможно, экономика не полностью определяет надстройку и сознание людей; возможно, есть место для политической борьбы на уров-

[1] *Лакло и Муфф (Laclau и Mouffe, 1985: глава 1) представляют ряд теоретических предложений для решения*

не надстройки, которая может влиять на сознание людей в различных направлениях.

Благодаря включению политического элемента в модель "базис/надстройка" социальные процессы больше не развиваются только в одном направлении: теперь экономика уже не определяет все остальное. То, что происходит в надстройке, теперь также может влиять на базис и изменять его. Возникает следующий вопро: где установить границу между политической борьбой и экономической детерминацией? До какой степени экономика задает социальные процессы, и до какой степени надстройка может влиять на базис? Следующий важный вопрос касается социального класса. В соответствии с учением об историческом материализме, экономика детерминирует деление капиталистического общества на два объективных класса — правящий класс и рабочий класс. Эти классы существуют независимо от того, осознают ли люди их существование или нет. Но если поставить под сомнение экономический детерминизм, то нельзя быть уверенным и в том, что общество состоит из двух этих классов. Нельзя даже считать, что эти классы подходят для деления общества.

Антонио Грамши, основной источник вдохновения Лакло и Муфф в их работах, сформулировал теорию, которая должна была решить эти вопросы[1]. Он уменьшил влияние экономики на социальные процессы, поскольку считал невозможным объяснить власть правящего класса одной лишь идеологией. Он применил концепт *гегемонии*, чтобы объяснить те процессы в надстройке, которые играют роль в формировании сознания людей:

> "Гегемонию лучше всего понимать как *организацию согласия* — процесс, посредством которого подчиненные формы сознания конструируются без насилия или принуждения"[2].

[1] *Для ознакомления с теорией Грамши и ее применением у Лакло и Муфф, см. (Laclau и Mouffe 1985: глава 2) и (Barrett 1991: глава 4)*

[2] *Barrett 1991: 54, курсив в оригинале*

Чтобы сохранить и защитить свое положение, правящие классы имеют в своем распоряжении принуждение и силу. Но более важно производство значения — это ключевой инструмент для стабилизации властных отношений. В процессе производства значения существующее распределение власти может казаться настолько естественным и здравым, что его даже не будут подвергать сомнению. Например, благодаря процессу "строительства" нации, люди определенного географического региона могут считать, что принадлежат одной и той же группе и разделяют условия и интересы независимо от классовых барьеров.

В теории Антонио Грамши, гегемония — это термин, обозначающий социальное согласие, которое маскирует реальные интересы людей. Основные процессы происходят в надстройке и являются частью политики. Их результат не детерминирован непосредственно экономикой, и поэтому процессы, происходящие в надстройке, допускают некоторую степень собственной автономии и возможность обратного влияния на структуру базиса. Это также означает, что посредством создания значения в надстройке можно мобилизовать сопротивление людей против сложившихся условий. Эта точка зрения резко отличается от версии исторического материализма, которую мы представили ранее. Как мы уже говорили, исторический материализм не мог объяснить то, как внутри социальных процессов возникает сопротивление, поскольку в этой теории сознание народа полностью определялось экономическими условиями.

Согласно Грамши, вместо этого сознание детерминировано основными процессами гегемонии в надстройке. Сознание людей получает определенную автономию по отношению к экономическим условиям, таким образом, люди могут увидеть альтернативные способы организации общества. Но, в соответствии с Грамши, феномены надстройки контролируются все теми же экономическими условиями, поскольку, в конечном итоге, экономика опре-

деляет истинные интересы людей и разделение общества на классы.

Теория гегемонии Грамши подразумевает, что процессы создания значения на уровне надстройки необходимо исследовать отдельно, в отличие от исторического материализма, где изучаются только наиболее важные экономические процессы. Здесь мы можем проследить связь с теорией дискурса Лакло и Муфф (теорией о создании значения).

С помощью концепта гегемонии, Антонио Грамши "раскрывает" политическую область, но затем вновь "закрывает" ее в тот момент, когда приписывает экономике влияние на классовое деление общества. Классы, для Грамши, как сторонника исторического материализма, — это объективные группы, к которым люди принадлежат независимо от того, знают они об этом или нет. Лакло и Муфф развивают теорию Грамши, отказываясь от объективизма или эссенциализма, присущего его теории. Для Лакло и Муфф не существует никаких объективных законов, которые делят общество на определенные группы. Группы всегда создаются в политических, дискурсивных процессах. Это совсем не значит, что Лакло и Муфф переворачивают модель базиса/надстройки исторического материализма с ног на голову и утверждают, что дискурсы детерминируют экономику. В своей теории социального они отвергают марксистский эссенциализм, объединяя две категории — базис и надстройку — в одном поле, которое формируется с помощью одних и тех же дискурсивных процессов.

2. 3. Теория социального

Прежде чем определить специальные термины, мы вновь обратимся к "импрессионистской картине" теории Лакло и Муфф. Их концепт "дискурса" охватывает не только язык, но и все социальные явления. Ранее мы рас-

смотрели часть их теории о том, что дискурсы "пытаются" структурировать знаки, *как будто* все знаки имеют фиксированное, постоянное и точное значение в общей структуре. Эту логику Лакло и Муфф применяют ко всей области социального: мы действуем так, *как будто* "действительность" вокруг нас имеет устойчивую и однозначную структуру; *как будто* общество, группы, к которым мы принадлежим, и наша идентичность — объективные факты.

Однако так же как структура языка никогда не может быть полностью фиксированной, так и общество и идентичность — гибкие и изменяемые сущности, которые никогда не могут быть зафиксированы раз и навсегда. Поэтому цель анализа не в том, чтобы раскрыть, что такое объективная реальность (например, выяснить, из каких групп общество "действительно" состоит). Здесь скорее важно исследовать, *как* именно мы создаем эту действительность, что потом она нам кажется объективной и естественной. Если марксизм подразумевал наличие объективной социальной структуры, которую можно выявить в результате анализа, то отправной точкой теории дискурса Лакло и Муфф стало то, что мы строим объективность путем формирования значений в дискурсе. Именно этот процесс формирования и должен быть целью анализа.

Лакло и Муфф преобразуют марксистскую традицию тремя способами — мы кратко опишем это в следующих главах. Во-первых, они отказываются от деления области социального на базис и надстройку и рассматривают все социальное как продукт дискурсивных процессов. Во-вторых, они отклоняют марксистскую концепцию общества: общество можно объективно описать как некую общность конституированную определенными классами. Согласно Лакло и Муфф, общество никогда не бывает настолько однозначным, насколько предлагает исторический материализм. Общество, по утверждению Лакло и Муфф, — это наша попытка выявить его значение, но это отнюдь не объективное явление.

В-третьих, в своем понимании социального, Лакло и Муфф отклоняют марксистский взгляд на процесс формирования идентичности и группы. В марксизме, люди имеют объективную (классовую) идентичность, независимо от того, осознают они это или нет. Лакло и Муфф считают, что невозможно заранее определить, к какой именно политической группе принадлежит человек. Идентичности людей (как коллективная, так и индивидуальная) — это результат условных, дискурсивных процессов и, как таковая, является частью дискурсивной борьбы. В конце этой главы мы представим то, как Лакло и Муфф понимают конфликт или антагонизм, и как они развивают концепт гегемонии Грамши[1].

2. 3. 1. Приоритет политики

В историческом материализме, базис — это отправная точка учения, и надстройка полностью детерминирована базисом. Грамши установил диалектическое отношение между надстройкой и базисом: условия базиса влияют на надстройку и наоборот, политические процессы в надстройке, в свою очередь, воздействуют на базис. Лакло и Муфф наиболее важными считают именно политические процессы: политика имеет приоритет. Политические *артикуляции* определяют, как мы действуем и думаем и, таким образом, как мы создаем общество. В теории дискурса определяющая роль экономики полностью исключена. Но это не значит, что все — это *язык*, а *материальное* не имеет никакого значения. Это сразу становится ясным, когда мы обращается к тому, как Лакло и Муфф понимают два концепта "дискурс" и "политика".

---

[1] В результате этой радикальной переработки марксистской теории, возник вопрос, можно ли считать Лакло и Муффа марксистами. Мы не будем вдаваться в подробности, но лишь упомянем, что сами себя они считают пост-марксистами, с акцентами, как на "пост-", так и на "марксизме" (1985; 4)

Ранее в этой главе мы представили концепт "дискурса" Лакло и Муфф как чисто лингвистического явления, однако это еще далеко не все. Лакло и Муфф не делают различий между дискурсивными и не дискурсивными феноменами. В главе 1 мы ввели континуум (рис. 1.1): на нем противопоставлены подходы, представляющие все явления относительно одной лишь дискурсивной логики, тем подходам, которые устанавливают диалектические отношения между *дискурсивными* и *не дискурсивными* явлениями.

Исторический материализм занимает на континууме крайнее правое положение: все феномены организованы согласно логике, корни которой в не дискурсивном пространстве — *материи*; дискурсы же не имеют никакой автономии или внутренней логики. Теории подобные теории Грамши расположены ближе к середине, но все-таки на правой стороне континуума. Теория дискурса Лакло и Муфф находится в крайнем левом положении на континууме, и это влияет на выбор инструментов анализа, необходимых для изучения определенных социальных явлений.

В теории Фэркло, расположенной в середине континуума, есть различие между дискурсивными и не дискурсивными измерениями социальной практики, а отношения между измерениями рассматриваются как диалектические. В отличие от этого, Лакло и Муфф считают социальную практику полностью *дискурсивной*. Следовательно, Фэркло необходимы два набора теорий и аналитических инструментов, в то время как Лакло и Муфф оперируют только одним.

Фэркло использует дискурс-анализ для исследования лингвистической практики, других теорий (например, современных социальных теорий), для анализа различных аспектов социальной практики. В отличие от него, Лакло и Муфф рассматривают и анализируют все социальные явления, используя одни и те же концепты: дискурс, артикуляция, закрытость и т.д.

Как мы уже говорили, это совсем не означает, что Лакло и Муфф сводят все причины, влияющие на социальные процессы, к языку, для них дискурсы *материальны*. Например, детей в современном обществе они рассматривают как группу, которая во многом отличается от других групп, и это различие закреплено не только лингвистически. Группа детей также конституирована материально как некая группа в физическом пространстве: у них есть свои собственные учреждения, например, детские сады и школы, собственные отделы в библиотеках и игровые площадки в парках. Эти институты и их физические особенности — это часть дискурса о детях в современных обществах.

Некоторые критики поняли теорию Лакло и Муфф так: поскольку все — это дискурс, то действительности не существует[1]. Это неверное понимание. Для подхода Лакло и Муфф, как и для других подходов к дискурс-анализу, существуют и социальные, и физические объекты, но наш доступ к ним всегда опосредован системой значений в структуре дискурса. Физические объекты сами по себе не обладают значениями; значения им приписывают люди посредством дискурсов.

Для иллюстрации Лакло и Муфф приводят пример: камень существует независимо от социальных систем классификации, но как его рассматривать — как снаряд или как произведение искусства — зависит от дискурсивного контекста, в котором он находится. Физическая реальность полностью накладывается на социальную. Также и в теории дискурса Лакло и Муфф — все социальные явления организованы по тому же принципу, что и язык.

Так же как языковые знаки определяются с помощью отношений и потому приобретают свое значение благодаря своим отличиям от других знаков друга, точно так и социальные действия приобретают свое значение благодаря

---

[1] *См. у Лакло и Муфф (Laclau и Mouffe 1990) о дискуссии с одним из этих критиков (Norman Geras)*

отношениям к другим действиям. Например, для Мирабеллы отдых по путевке приобретает свое значение как некое действие, которое отличается от поездки в Париж, или вообще от отсутствия отпуска. Мы интерпретируем это действие, как некий дискурсивный *знак*. Точно так же, как и значения лингвистических знаков сохраняются благодаря закрытости (хотя они постоянно могут изменяться в новых артикуляциях), так и мы постоянно пытаемся зафиксировать значения других социальных действий — хотя эта попытка никогда не бывает успешной. Поэтому все социальные практики можно рассматривать как артикуляции, так как они воспроизводят или изменяют принятые в обществе значения.

Воспроизводство и изменение значений, в общем, – это политический акт. *Политика* в теории дискурса не рассматривается совсем в узком смысле, как политика партии. Напротив, это широкое понятие, которое относится к способу, с помощью которого мы постоянно конституируем социальное, и этот способ исключает другие способы структурирования.

Наши действия — это условные артикуляции, то есть временные фиксации значения в неопределенной области; они воспроизводят или изменяют существующие дискурсы, а тем самым, и организацию общества. Для Лакло и Муфф, политика — это определенная организация общества, которая исключает все другие возможные способы устройства. В этом случае политика — это не только "поверхность", которая отражает более глубокую социальную реальность. Скорее, именно социальная организация — это результат непрерывных политических процессов.

Когда между определенными дискурсами происходит борьба, становится ясно, что различные *акторы* (действующие лица) стараются продвинуть различные способы организации общества. Иногда наша социальная практика кажется настолько естественной, что мы вряд ли видим какие-либо альтернативы. Например, мы настолько при-

выкли относиться к детям как к группе со своими отличительными характеристиками, что воспринимаем дискурс о детях как абсолютно естественный. Но всего лишь несколько веков назад было совсем по-другому, и детей считали "маленькими взрослыми"[1]. В теории Лакло и Муфф дискурсы, которые утвердились настолько прочно, что об их условности забыли, называются *объективными*[2]. Это не означает вновь введенное разделение на *объективную данность*, с одной стороны, и политику, с другой. Объективность — исторический результат политических процессов и борьбы; это — *осадочный* дискурс. Граница между *объективностью* и *политикой*, или между тем, что кажется естественным, и тем, что пересматривается, — историческая и изменчивая. *Осадочные* дискурсы могут в любое время вступить в политическую игру и пересматриваться в новых артикуляциях.

Понятие *гегемонии* находится между "объективностью" и "политикой". Объективность может вновь стать политикой, и, таким образом, очевидные конфликты со временем могут исчезнуть и уступить место объективности, где будет принята одна точка зрения и возобладает консенсус. Развитие от политического конфликта к объективности происходит через вмешательство *гегемонии*, посредством которой подавляется альтернативное понимание мира и принимается (натурализуется) одна единственная точка зрения. Более глубоко мы обсудим понятие *гегемонии* далее в этой главе.

Можно сказать, что *объективность* — это термин, обозначающий то, что нам кажется данным и неизменным, то, что, по-видимому, приобретает значение *не* благодаря отличиям от чего-то другого. Но это только "по-видимому", и это та причина, по которой теория дискурса приравнива-

---

[1] *Aries 1962*

[2] *Они также называются "социальным". Мы не будем использовать это название здесь, потому что наше использование "социального" менее строго и относится ко всем социальным явлениям*

ет объективность и *идеологию*. Все значения — изменчивы и все дискурсы — условны; именно объективность "маскирует" условность, скрывая альтернативные возможности значений, которые могли бы возникнуть в ином случае.

Следовательно, можно сказать, что объективность *идеологична*. Как мы увидим в следующих главах, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология определяют *идеологию* как инструмент для идентификации и критики несправедливых отношений власти. В теории дискурса Лакло и Муфф это невозможно, потому что здесь общество не мыслится без идеологии, ведь идеология определяется как объективность. Мы всегда зависим от того, что многое из области социального мы в своей практике принимаем на веру — ведь мы не можем все подвергать сомнению. Чтобы не смешивать свой подход с традиционной критикой идеологии (например, с критическим дискурс-анализом Фэркло), Лакло и Муфф почти не используют понятие *идеологии*, предпочитая, вместо него понятие *объективности*[1].

Концепт *власти* в подходе Лакло и Муфф тесно связан с их концептами *политики* и *объективности*. Он подобен концепту власти Фуко (см. главу 1). В их понимании, власть — это не то, чем люди обладают и применяют по отношению к другим, скорее, это то, что *производит социальное*.

Использование слова "власть" для обозначения силы и процессов, которые создают и делают социальный мир значимым, может показаться странным. Но именно такое понимание власти подчеркивает условность нашего социального мира. Именно власть создает наши знания, наши идентичности и определяет то, как мы относимся друг к другу, будучи группами или индивидами.

И знание, и идентичность, и социальные отношения — все это условно. В определенный момент они все прини-

[1] *исключение см. Laclau и Mouffe 1996a*

мают особую форму, но они могли бы быть — могут стать — другими. Поэтому власть продуктивна в том, что производит социальное определенными способами. Власть — это не то, что мы можем заставить исчезнуть: мы зависимы от того, что живем при определенном социальном порядке, и от того, что социальный порядок всегда конституируется властью. Но мы не зависимы от того, что живем в *определенном* социальном порядке, и вытеснение другого социального порядка — также один из результатов действия власти. С одной стороны, власть производит привычный для нас мир, а с другой стороны, она устраняет альтернативные возможности его устройства[1].

Объективность — это *осадочная* власть, где следы самой власти уже стерлись, где забыли, что мир сконструирован политически. Наше понимание теории Лакло и Муфф состоит в том, что власть и политика — две стороны одной медали, где власть относится к производству таких объектов, как "общество" и "идентичность", а политика всегда относится к существующей условности этих объектов. Тогда объективность относится к миру, который мы принимаем на веру, то есть к миру (о чем мы забыли), который всегда конституируется властью и политикой.

Подытоживая эти посылки, кратко обсудим противопоставление *условности* и *постоянства*. Отправная точка этой теории состоит в том, что все артикуляции и, таким образом, все социальное условно — это возможно, но необязательно. Этот тезис — одновременно философское основание теории и ее аналитический "мотор". Только постоянно учитывая исключенные возможности, можно точно определить социальные последствия определенных дискурсивных конструкций.

Однако тот факт, что все социальные формации во все времена могли быть другими, отнюдь не означает, что со-

---

[1] *Более детально о концепте "власти" у Фуко и у Лакло и Муфф (см. Torfing, 1999: глава 8). Для более широкого обсуждения понимания концепта "власти" с позиции теории дискурса см. у Дирберга (Dyrberg, 1997)*

циальное постоянно изменяется, или что социальное может иметь свободную форму. Социальное всегда частично структурировано определенным способом. Дискурсы, если так можно выразиться, имеют вес и инерцию, они в большей или меньшей степени "удерживают" нас, и во все времена существует область объективности, вне которой нам трудно мыслить. Люди, так же как и общество, по сути, сформированы социально (см. стр. 79-90 об идентичности и группе), и возможности, которые мы имеем для изменения, определяются более ранними структурами. Хотя, согласно философским основаниям, все структуры изменчивы, тем не менее, наше мышление никогда не может выйти за пределы существующих структур. Когда мы придаем значение окружающему миру, мы всегда подразумеваем те или иные структуры. Значения никогда не фиксированы окончательно, но при этом они никогда не бывают ни абсолютно изменчивыми, ни абсолютно открытыми[1]. Как люди, так и общество рассматриваются как исторические феномены, которые вынуждены действовать на основе существующих структур, предполагая и обеспечивая непрерывность социального.

2. 3. 2. Невозможность существования общества

Лакло и Муфф утверждают, что общество, как таковое, невозможно — его не существует. Тем самым, они имеют в виду, что общество как объективная сущность никогда не бывает сформированным или завершенным. Ранее мы поясняли, как постструктуралисты критиковали концепт структуры у Ф. Соссюра. Основанием для этого стало его понимание структуры как некоего множества, где все знаки однозначно соотносятся друг с другом.

[1] *Laclau и Mouffe 1985: 113*

Лакло и Муфф заменяют этот концепт *структуры* концептом *дискурса*, который также относится к структурированию знаков по отношению друг к другу, но при этом они подчеркивают, что структурирование никогда не исчерпывает всех возможностей в приписывании значения. Дискурс всегда может быть разрушен артикуляциями, которые помещают знаки в различные отношения друг к другу. Согласно теории дискурса Лакло и Муфф, знаки структурированы относительно друг друга, но всегда в окончательно не завершенном множестве. Дискурсы — всегда лишь временные и частичные фиксации значения в неопределенной, по сути, области.

Подобную критику Лакло и Муфф высказывают против марксизма и многих других социальных теорий. Исторический материализм рассматривает общество как объективное множество, в котором экономика создает отдельные группы (классы), которые зафиксировали отношения друг с другом (по разные стороны баррикад в классовой борьбе).

Лакло и Муфф подвергли сомнению эту точку зрения, они утверждали, что общество не существует как объективное множество, в котором все имеет стабильную позицию. Общество во все времена структурировано только частично и временно. Например, если люди идентифицируют себя с различными классами, то это обусловлено не тем, что общество объективно конституировано этими классами. На самом деле, это происходит потому, что существовала временная *закрытость*, из-за которой другие возможности для идентификации (пол или этническая принадлежность) были маргинальными или просто исключались.

Мы непрерывно создаем общество и действуем так, как будто оно существует как некое множество, и мы говорим о нем, как о неком множестве. С помощью таких слов, как "люди" или "страна", мы стремимся обозначить границы этого множества, приписывая ему объективный смысл. Но это множество остается только лишь вообража-

емой сущностью. Если, например, политик лейбористской партии во время избирательной кампании в Британии заявляет, что "мы сделаем все лучшее для страны", а политический деятель консервативной партии говорит то же самое, то, скорее всего, они имеют в виду очень разный образ страны и очень разные планы. "Страна" и все другие понятия, обозначающие общество как некое множество, — это изменчивые знаки. Они имеют разное содержание в различных артикуляциях. Лакло использует термин *миф* для обозначения изменчивого знака, который относится к определенному множеству.

Под *мифом* мы понимаем пространство репрезентации, которое не сохраняет никакого отношения постоянства с доминирующей "структурной объективностью". Таким образом, миф — это принцип прочтения данной ситуации, термины которого являются внешними по отношению к тому, что представлено в объективном пространстве, образованном данной структурой[1].

Эти способ мышления подобен тому, какой мы наблюдали в критике структурализма. Существует только временное структурирование социального, и любая структура никогда не является завершенной или полной (достаточной). Завершенная структура, как и "общество", — это лишь то, что мы представляем в своем воображении, чтобы сделать наши действия более осмысленными. Социальные структуры не совпадают с мифом. Миф, с одной стороны — это искаженное представление реальности, но, с другой это искажение является неизбежным и конституирующим, потому что устанавливает необходимый горизонт для наших действий.

Таким образом, такой миф как "страна", делает возможной национальную политику и обеспечивает различных политических деятелей той платформой, относительно которой они могут дискутировать. В то же самое время

[1] *Laclau 1990:61*

выбор мифа определяет то, что считать важным для обсуждения, а также то, каким способом это можно обсуждать. Если "страна" — отправная точка рассуждений, то "национальная экономика" — важное и локальное понятие; региональные и глобальные экономические проблемы рассматриваются с национальной точки зрения.

Одна из целей дискурс-анализа — точно определить и проанализировать мифы общества как некую объективную реальность, которая подразумевается в разговоре и других действиях. Центральный вопрос исследования состоит в том, каким образом различные социальные акторы наделяют своим содержанием некоторые мифы (изменчивые знаки) в борьбе за то, чтобы их особое понимание общества возобладало.

2. 4. Идентичность и группа

Как нам анализировать действия акторов, которые принимают участие в борьбе за определение и формирование реальности? В главе 1 мы уже упоминали, что все подходы к дискурс-анализу — это критика классического западного понимания человека как автономного субъекта. И мы видели, что в своей критике марксистской теории Лакло и Муфф отвёргают позицию, что коллективная идентичность (в марксистской теории это, главным образом, классы) определяется экономическими и материальными факторами. Согласно Лакло и Муфф, и индивидуальная, и коллективная идентичности организованы по тем же принципам, посредством все тех же дискурсивных процессов. В начале мы представим их понимание субъекта и индивидуальной идентичности, а потом рассмотрим понятие коллективной идентичности и группы.

2. 4. 1. Субъектные позиции

В главе 1 мы говорили, что понятие *обращение* предложил Альтюссер в альтернативу классическому западному взгляду на *субъект*. К людям поступают *обращения*, и сами они *помещаются* в определенные позиции благодаря различным способам ведения разговора. Если ребенок говорит "мама", и взрослый отвечает, то взрослый получил *обращение* относительно идентичности — "мама", с которой связаны определенные ожидания.

В терминах теории дискурса, субъекты становятся некими позициями в дискурсах. В общем, именно Лакло и Муфф используют понятие *субъект* в этом понимании в *Гегемонии и социалистической стратегии*. Однако в теории Альтюссера все-таки есть экономический детерминизм, несовместимый с теорией дискурса. Альтюссер рассматривает обращение к субъекту как идеологическое, поскольку он скрывает истинные отношения между людьми. Для Лакло и Муфф нет никаких "истинных" социальных отношений, детерминированных экономикой. Но, тем не менее, люди получают *обращения* посредством дискурсов: субъектов необходимо рассматривать как "*субъектные позиции*" внутри дискурсивной структуры. Дискурсы всегда предписывают людям позиции, которые они должны занимать как субъекты. Например, на медицинской консультации позиции "доктор" и "пациент" предопределены. В соответствии с этими позициями уже существуют определенные ожидания о том, как действовать, что говорить, и что не говорить. Например, доктор обладает авторитетом, чтобы сказать, чем болен пациент; пациент же это может только предполагать. Если доктор не верит, что пациент болен, но пациент настаивает на этом, тогда пациент переходит границы дозволенного и воспринимается как ипохондрик.

Мы увидели, что Лакло и Муфф, в соответствии с традициями постструктурализма, полагают, что определенный дискурс никогда не сможет утвердиться настолько

чтобы стать одним единственным дискурсом, структурирующим социальное. Всегда есть несколько конфликтующих дискурсов, которые действуют одновременно. Как и Альтюссер, они не воспринимают субъекта автономным, что принято в теории постструктурализма. Они считают, что субъект — не автономен, а детерминирован дискурсами. Кроме того, в отличие от теории Альтюссера, у Лакло и Муфф субъект также *фрагментирован*: он не позиционирован одним единственным способом в одном единственном дискурсе. Скорее, ему предписывается много различных позиций в различных дискурсах. Так, на выборах, субъект — "избиратель", на званом обеде — "гость", в семье, возможно, — "мать", "жена" и "дочь". Часто изменения остаются незамеченными, и человек даже не осознает, что он или она занимают несколько различных субъектных позиций в течение одного дня. Но если конфликтующие дискурсы "стремятся" одновременно организовать одно и то же социальное пространство, то соответственно к человеку идет запрос относительно нескольких позиций одновременно. Например, в день выборов, вопрос может состоять в том, какое обращение воспримет женщина — как к феминистке, как к христианке или как к рабочей. Возможно, ей покажутся привлекательными все эти возможности, но они обозначают различные направления для голосования. В таких случаях, субъект — *сверхдетерминирован*. Это означает, что он или она позиционированы одновременно в нескольких конфликтующих дискурсах.

Для Лакло и Муфф, субъект — всегда *сверхдетерминирован*, потому что дискурсы условны. Не существует никакой объективной логики, которая указывала бы на одну единственную субъектную позицию. Субъектные позиции, которые не находятся в явном конфликте с другими позициями, — результат процессов гегемонии (см. страницы 90-94), в результате которых альтернативные возможности были исключены, а определенный дискурс стал естественный и натурализовался.

2. 4. 2. Теория субъекта Лакана

Чтобы развить понятие субъекта, Лакло привнес теорию Жака Лакана в работы, написанные после "Гегемонии и социалистической стратегия" . Лакло использует теорию Лакана, чтобы "добавить" индивиду *бессознательное* и объяснить, почему люди "позволяют" дискурсам направлять к себе определенные *обращения.*

Как мы покажем далее, теория Лакана о субъекте подобна концепции Лакло и Муфф о структуре и обществе. Лакан тоже рассматривает субъекта как незавершенную структуру, которая постоянно борется за целостность[1].

Его теория начинается с поведения младенца. Младенец не осознает себя отдельным субъектом, а живет в неразрывной связи с матерью и окружающим миром. Постепенно, ребенок отделяется от матери, но сохраняет в памяти чувство целостности и завершенности. В общем, состояние субъекта — это постоянное стремление к обретению целостности. В процессе социализации ребенок идентифицирует себя с различными образами, созданными в дискурсах, — "кто он есть" и "кем ему себя считать". Субъект начинает осознавать себя как индивидуум, идентифицируясь с чем-то внешним по отношению к себе, то есть с представленными в дискурсе образами. Ребенок принимает эти образы, но постоянно чувствует (и даже будучи взрослым), что он не совсем им соответствует. Поэтому образы — это одновременно основа и для идентификации, и для отчуждения. Образы, которые приходят извне и интернализируются, человек постоянно сравнивает с детским чувством целостности. Но они никогда не соответствуют этому чувству. Поэтому субъект становится "расщепленным" по сути. Лакан говорит о "внутренней радикальной расщепленности", с которой человек конфронтирует. Несмотря на то, каким образом субъект

---

[1] *Более подробно о трактовке Лакана у Лакло см. (Laclau, Zac, 1994: 31)*

позиционирован в дискурсах, чувство целостности у него не появляется.

Идея об истинном, целостном Я — это фикция. Или, используя термин Лакана, — миф. Подобно социальному, индивидуум частично структурирован дискурсами, но структурирование никогда не является полным. Целостность воображаема, но это — необходимый горизонт, в пределах которого создаются самость и социальное.

Благодаря включению представления Лакана о субъекте, теория дискурса наделила субъект "движущей силой": он постоянно пытается "найти себя" посредством участия в различных дискурсах. Мы сейчас рассмотрим, как человек структурирован дискурсивно (посредством дискурсов). Идентичность для Лакана эквивалентна идентификации с чем-то. И это "что-то" — субъектные позиции, которые человеку предлагают дискурсы. Лакан говорит о *ключевых знаках*, которые в терминах Лакло и Муффа называются узловыми точками идентичности. "Мужчина" — это пример *ключевого знака*; разные дискурсы предлагают различное содержание для заполнения этого ключевого знака. Это происходит путем "связывания" знаков в *цепочку эквивалентности*, которая рационально устанавливает тождественность каждого знака.

Дискурсивная конструкция "мужчина" точно определяет, чему "мужчина" эквивалентен, и от чего он отличается. Например, широко распространенный дискурс ассоциирует "мужчину" с "силой", "логикой" и "футболом" (и многими другими вещами) и противопоставляет "женщине": "пассивности", "страсти" и "кухне"[1].

Таким образом, дискурс обеспечивает поведенческие инструкции для тех, кто идентифицируют себя с мужчиной и женщиной, — чтобы людей считали настоящими мужчинами или женщинами, они должны действовать относительно этих инструкций.

---

[1] *Пример заимствован у Брачера (Bracher 1993: 30), который также пишет о ключевых знаках (стр. 22 и далее)*

Именно *репрезентация* с помощью кластера знаков, имеющего в центре узловую точку, наделяет человека идентичностью. Идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах. Таким образом, идентичность — это нечто чисто социальное. Таким образом, Лакло и Муфф отклонили традиционное западное понимание индивидуума, в котором идентичность рассматривается как индивидуальная, внутренняя суть, проявляющееся в контексте. Подобным образом, они отбросили исторический материализм с его взглядом на идентичность, которая детерминирована базисом. Вместо этого они "поместили" идентичность в дискурсивную, а следовательно, и в политическую практику.

Таким образом, понимание идентичности в теории дискурса Лакло и Муфф можно подытожить:

- Субъект, по сути, расщеплен, он никогда не станет "самим собой" полностью.
- Он приобретает свою идентичность посредством *репрезентации* в дискурсе.
- Таким образом, идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса.
- Идентичность конституируется дискурсивно посредством *цепочек эквивалентности*, в которых знаки отсортированы и связаны в цепочки, противопоставленные другим цепочкам. Эти цепочки определяют то, чем субъект является, и чем не является.
- Идентичность всегда *относительна*: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является.
- Идентичность, как и дискурсы, *изменчива*.
- Субъект *фрагментирован* или *децентрирован*; он имеет различные идентичности, соответствующие тем дискурсам, часть которых он формирует.
- Субъект — *сверхдетерминирован*; в принципе, в некоторых ситуациях он всегда имеет возможность идентифицировать себя различными способами. Поэтому

данная идентичность *условна*, то есть возможна, но не обязательна.

2. 4. 3. Групповая формация

Как мы уже отмечали, Лакло и Муфф рассматривают коллективную идентичность или группу в соответствии с теми же принципами, что и индивидуальную идентичность. Граница между двумя типами идентичности размыта: очень мало различий между идентификацией с "человеком" и идентификацией с "людьми" как группой.

Как мы уже видели, Лакло и Муфф в своей критике марксизма заявляют, что нет никаких объективных условий, которые определяют, на какие группы разделено социальное пространство. Мы видели, что индивидуумы имеют несколько идентичностей (децентрирующих человека), и что в определенных ситуациях они имеют возможность идентифицировать себя различными способами (*сверхдетерминированность*). Как же в таком хаосе следует рассматривать группы?

Группу следует рассматривать как сокращение возможностей. Люди конституируют группы благодаря процессу, в котором определенные возможности идентификации, как наиболее релевантные, выходят на первый план, а другие игнорируются. В этом процессе устанавливаются цепочки эквивалентности. Возьмем, к примеру, группу "черных". В течение десяти лет после Второй мировой войны "черные" приезжали с разных мест и сформировали некую группу в Великобритании. С этой группой себя идентифицировали те, кто на самом деле не был "черным". Возможно, эти люди предпочли идентифицировать себя с ямайцами, пакистанцами или азиатами — или женщинами, или гомосексуалистами, или водителями такси. Но в британском обществе каждый, кто не был белым, во многих ситуациях приравнивался к "черным". Белые англичане

конституировали коллективную идентичность, противопоставляя себя группе "черных". В 1960-х многие "черные" начали использовать этот ярлык в положительном смысле: "черный — прекрасный". Таким образом, идентификация, конституированная дискурсивно, была мобилизована политически, эту идентификацию стали использовать для выявления и критики социальных условий, в которых находились "черные".

Этот пример мы взяли из статьи Стюарта Холла, в которой он рассматривает, какую категорию "черный" используют сегодня. Как и в других группах, категория "черный" стирает различия, существующие внутри этой группы. Так, например, можно не заметить, что внешность "чернокожих" женщин, в некоторых случаях, имеет больше общего с внешностью "белых" женщин, чем "черных" мужчин. Групповая формация — это всегда *закрытость* в незавершенной области, и как дискурс она функционирует лишь путем исключения альтернативных интерпретаций.

В дискурсивных групповых формациях, "другой" — с которым идентифицируешься — исключается группой, при этом различия внутри группы игнорируются. В результате, все другие способы, с помощью которых группа могла бы быть сформирована, также игнорируются. В этом смысле групповая формация, по сути, политическая[1].

Такие дискурсивные процессы можно передать с помощью двух понятий, введенных Лакло и Муфф, — "логика эквивалентности" и "логика различия". *Логика эквивалентности* функционировала, поскольку всех "не-белых" людей постепенно идентифицировали как "черных": особенности различного цвета кожи и происхождения обобщились в одну категорию "черный", и эта категория был

[1] *Более подробно о цепочках эквивалентности и коллективной идентичности смотреть у Сильвермана (Silverman, 1985). Понимание идентичности у Лакло и Муфф отражает принципы постструктурализма. Но некоторые авторы значительно более понятны, чем Лакло и Муфф, например, Холл (Hall 1990, 1991 и 1996). Подобное понимание идентичности, основанное на идеях Холла, представлено в главе 4*

определена как оппозиция всему, чем она не являлась, то есть как "не-белый". Таким образом, социальное пространство разделилось на полярные оппозиции, в которых единственными доступными способами идентификации были "черный" и "белый". В противоположность этому, Стюарт Холл предлагает *логику различий*, тем самым, он пытается распределить полярную оппозицию на большее количество более точных способов идентификации. Согласно Холлу, релевантные категории — это не только "черный" и "белый", но также "пол". При этом социальное пространство в его репрезентации включает, по крайней мере, четыре разных вида идентичности: черные женщины, черные мужчины, белые женщины и белые мужчины.

Этот пример показывает, что ни логику эквивалентности, ни логику различия, как некие политические проекты, *априори* нельзя считать прогрессивным способом развития. С одной стороны, *логика эквивалентности* предоставила "черным" общую платформу для заявлений о равных правах, но она же завуалировала внутригрупповые различия и несправедливость, которые есть и среди черных, и среди белых.

Логика различий Стюарта Холла может пролить свет на эту несправедливость, но одновременно она может ослабить общую платформу для мобилизации "черных".

2. 4. 4. Представительство

Важный элемент процесса формирования группы — это *представительство*. Поскольку группы социально не пре-детерминированы (заранее не заданы), то они не существуют до тех пор, пока не конституированы в дискурсах. Это приводит к тому, что кто-то говорит о группе или говорит от имени группы.

Представительство означает в основном то, что некто, как участник группы, может поручить представлять

свои интересы другому (например, доверенному) лицу, но при этом сам физически отсутствовать. Например, при обсуждении политических проблемы все граждане одновременно не могут присутствовать в парламенте, и именно поэтому практикуется *представительская* демократия. Граждане выбирают представителей, которые будут присутствовать и действовать от их имени, когда сами они присутствовать не могут.

В идеале существует соглашение между представителем и группой, которую он или она представляют. Представитель группы должен выражать желание всей группы. Но, согласно Лакло и Муфф, нет никаких объективных групп, так как группы всегда создаются посредством условных конструкций эквивалентности на фоне других элементов. Таким образом, не бывает так, что сначала формируется группа, а потом у нее появляется представитель. Группа и представитель конституируются одновременно. Этого не происходит до тех пор, пока кто-нибудь не начнет говорить о группе, или от имени группы, или не сообщит, что группа конституирована.

Когда бы группа не была представлена, целостное представление общества о ней последует, как только группа будет противопоставлена другим группам.

Основной момент состоит в следующем: я не могу утверждать, что существует другая идентичность, если я не выделяю ее из контекста. Таким образом, в процессе выявления отличия я в то же самое время подтверждаю и контекст.

Формирование групп, таким образом, играет важную роль в борьбе за то значение, которым необходимо наполнить миф об обществе. И, наоборот, различные представления об обществе делят социальное пространство на различные социальные группы. Например, традиционная классовая борьба подразумевает идею деления общества на классы, которые воюют друг с другом, в то время как феминистский взгляд на общество подчеркивает деление

людей по половому признаку. Господствующее понимание общества и, соответственно, деление на группы, которое оно подразумевает, имеет критические последствия для наших социальных действий.

Эрик Хобсбаум (с точки зрения, близкой к марксисткой) проанализировал процессы коллективной идентификации перед началом Первой мировой войны[1]. В конце 19-го столетия возросло значение принадлежности к национальному государству. А разделение мира по национальному признаку казалось все более и более естественным. Одновременно с этим росла и идентификация рабочих как рабочих, и это формирование группы подразумевало другое понимание мира — он конституирован рабочими, которые противостоят "капиталистам" независимо от национальных различий. В начале это не представляло большой проблемы, поскольку, как мы убедились, субъект фрагментирован и конституирован относительно нескольких различных субъектных позиций. Но на пороге Первой мировой войны эти два взгляда на мир вошли в конфликт друг с другом. Или, используя термин теории дискурса, который мы введем в следующем разделе, возрос антагонизм. Сторонники устройства мира по национальному принципу боролись против сторонников классового устройства мира за благосклонность людей. В конце концов, национальная артикуляция возобладала.

Хобсбаум интерпретирует это как фактор, стимулирующий войну — войну между национальными государствами. Эта война была бы немыслимой, если бы при формировании групп принципы классовой борьбы установились как объективная истина.

Хобсбаум не практикует дискурс-анализ, но, как мы показали, его анализ служит примером того, как мог бы выглядеть дискурс-анализ дискурсивных и политических процессов.

---

[1] *Hobsbawm 1990: 122 и далее*

Этот вид анализа был бы сфокусирован на артикуляциях, которые конституируют отдельные группы посредством представительства, и изучал бы представление об обществе, которые подразумеваются в этих артикуляциях. Когда в дискурс-анализе исследуется коллективная (и индивидуальная) идентичность, в начале необходимо определить, какие субъектные позиции — индивидуальные или коллективные — для дискурсивных структур являются релевантными. Это можно сделать, определив узловую точку, вокруг которой организована идентичность. Это может быть "иммигрант", "домохозяйка" или "рабочий".

Затем можно проанализировать способ, с помощью которого узловая точка приобретает свое значение при сопоставлении с одними знаками и противопоставлении с другим. Важно проследить, как различные дискурсы борются за разделение общества на группы, и как конкурируют за наполнение ключевых знаков различным содержанием путем сопоставления их с другими знаками. Например, появление понятия "новый человек" поставило под вопрос традиционный дискурс о маскулинности, который противопоставлял "мужчину" и "чувства". Конструкция субъектных позиций и идентичностей — это некий полигон, где различные констелляции элементов борются за господство. В следующей части мы представим некоторые детали этой борьбы у Лакло и Муфф.

2. 5. Антагонизм и гегемония

Борьба за создание значения — основная тема этой главы; с позиции теории дискурса, конфликт и борьба "пронизывают" всю область социального, поэтому борьба становится важным предметом специального анализа. Здесь мы детальнее проанализируем, как с позиции теории дискурса можно рассматривать антагонистические конфликты.

Отправная точка теории дискурса состоит в том, что дискурс не может быть сформирован полностью и окончательно. Он всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-другому определять реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. В определенные исторические моменты некоторые дискурсы могут казаться наиболее естественными и относительно не оспариваться и не подвергаться сомнению. Именно к этому феномену относится понятие объективности. Но принятые, натурализованные дискурсы никогда не сформированы абсолютно определенно, и их *моменты* могут снова стать элементами и, таким образом, объектами для новых *артикуляций*.

Социальный антагонизм возникает тогда, когда различные идентичности взаимоисключают друг друга. Несмотря на то, что субъект имеет разные идентичности, тем не менее, совсем необязательно, что они антагонистичны по отношению друг другу. Для иллюстрации пример Хобсбаума — можно быть одновременно и "рабочим", и "шотландцем". Но если, например, идентификация с "рабочим" исключает обязательства по отношению к своей стране во время войны, или если национальная идентичность вынуждает людей убивать тех, кого они считают своими товарищами (рабочими других стран), тогда отношения между этими двумя идентичностями становятся антагонистическими. Эти две идентичности выдвигают противоположные требования относительно одних и тех же действий «на общей территории» и неизбежно блокируют друг друга. Индивидуальные дискурсы, которые конституируют каждую идентичность, — часть другой области дискурсивности. И когда возникает антагонизм, то все, что исключается в индивидуальном дискурсе, угрожает разрушить дискурс и стабильность его значения. Таким образом, условность дискурса и условность иден-

тичностей, которые он конституирует, становится очевидной[1].

Антагонизм может возникнуть там, где сталкиваются дискурсы. Антагонизм может быть разрешен посредством *интервенции гегемонии. Интервенция гегемонии* — это артикуляция, которая воссоздает ясность с помощью силы. Таким образом, причина вербовки солдат из рабочих во время Первой мировой войны была в том, что *интервенция гегемонии* подавила идентичность рабочего в пользу национальной идентичности.

"Гегемония" подобна "дискурсу", потому что оба термина обозначают фиксацию *элементов* в *моментах*. Но интервенция гегемонии достигает этой фиксации в антагонистических дискурсах. Один дискурс "удаляет" с дискурсивного поля другой, как бы "пересиливая" его, и даже более того, он может его "аннулировать", реартикулируя элементы.

Интервенция гегемонии успешна, если там, где прежде был конфликт, доминирует один единственный дискурс, и антагонизм разрешается. Например, тот факт, что во время Первой мировой войны люди различных национальностей пошли друг против друга, говорит о том, что *гегемонная артикуляция* "немцы" и "французы" победила артикуляцию "рабочие". Таким образом, "интервенция гегемонии" — это процесс, который происходит на антагонистической территории, а дискурс — это результат новой фиксации значения.

---

[1] *Лакло (Laclau 1998) проводит различие между "социальным антагонизмом" и "дислокацией". Дислокация относится к общему условию — идентичность формируется путем исключения внешней конституирующей области, которая всегда угрожает разрушить любую фиксацию идентичности (стр. 39). Никакой дискурс не может обеспечить постоянство и целостность структуры. Дислокация — это термин, обозначающий разрушение сложившейся структуры со стороны внешней конституирующей области (стр. 50). "Социальный антагонизм" один из способов обозначения дислокации. Здесь дислокация проецируется на врага, благодаря чему дискурс об идентичности приписывает ответственность за свою неудачу в конституировании полной и фиксированной идентичности "кому-то другому"*

Установление *гегемонных дискурсов* как объективности и их исчезновение в новой политической борьбе – важный аспект социальных процессов, которые как раз и исследуется в дискурс-анализе. Согласно Лакло, исчезновение гегемонных дискурсов также входит в практику дискурс-анализа. Для таких интервенций Лакло использует концепт *деконструкции* Жака Деррида, и рассматривает деконструкцию и гегемонию как "две стороны одного и того же действия".

Гегемония – это условная артикуляция элементов в какой-либо неразрешенной области. *Деконструкция* – это действие, показывающее условность интервенция гегемонии – элементы могли бы быть скомбинированы по-другому. Таким образом, *деконструкция* выявляет неразрешенность, в то время как интервенция гегемонии внедряет (натурализует) отдельную артикуляцию.

Дискурс-анализ направлен на *деконструкции* структур, которые мы принимаем как само собой разумеющиеся; он показывает, что данная организация мира – результат политических процессов, имеющих социальные последствия. Например, если "иммигранты" в конкретном дискурсе приравниваются к "преступникам", то дискурс-аналитик может показать, как эта "связка" значений устанавливается дискурсивно, и какие последствия это имеет для "иммигрантов" и "местных жителей".

Но дискурс-аналитик, как и все другие, не имеет доступа к привилегированной отправной (исходной) точке вне этих дискурсивных структур, поэтому деконструкция должна включить эту отправную точку в данные структуры:

> "Движения деконструкции не уничтожают структуры извне. Они не невозможны и неэффективны, и не могут задать корректную цель, если только не находятся в тех структурах"[1].

[1] *J.Derrida 1998:24*

Дискурс-аналитик мысленно "привязан" к точно таким же дискурсам, как и те, которые хочет проанализировать. И, при любых обстоятельствах, аналитик всегда основывается на определенной дискурсивной структуре. Хотя цель дискурс-анализа в том, чтобы отстраниться от этих дискурсов и "показать их такими, какие они есть", тем не менее, в этой теории, нет никакой возможности избежать влияния дискурсов и претендовать на чистую истину. Сама по себе истина — это всегда дискурсивная конструкция.

Все социально-конструкционистские подходы разделяют это противоречие. Но все же эти подходы отличаются относительно того, как они решают эту проблему (или отказываются ее решать). Лакло и Муфф кратко очерчивают эту проблемы в своем введении к "Гегемонии и социалистической стратегии". Но они не проясняют, как эта проблема влияет на надежность их собственной теории.

Другие исследователи пробовали разрешить проблему с помощью *рефлексивности* исследователя (см. главы 4 и 6). При любых обстоятельствах продукт исследования — например, конкретный анализ дискурса — это своего рода политическая интервенция: условная артикуляция элементов, которая воспроизводит или опровергает существующие дискурсы в бесконечной борьбе за определение мира.

2. 6. Применение теории дискурса

Как мы уже упоминали, Лакло и Муфф не анализируют детально эмпирический материал. Отдельные дискурсы представляют для них интерес, прежде всего, как абстрактные явления, чем как инструменты, которые используют и преобразуют люди в повседневной жизни (см. рис. 1.2). Но это не означает, что теория и понятия Лакло и Муфф нельзя использовать в анализе эмпирического ма-

териала[1]. Необходимо лишь немного воображения. Здесь мы резюмируем некоторые концепты Лакло и Муфф, которые мы считаем важными инструментами для эмпирического анализа:

- узловые точки, ключевые знаки и мифы, которые, в общем, можно назвать основными знаками в структуре дискурса;
- цепочки эквивалентности относятся к формированию значений основных знаков;
- понятия, касающиеся идентичности: формирование группы, идентичность и представительство;
- понятия для анализа конфликта: изменчивые знаки, антагонизм и гегемония.

Сначала о различных основных знаках дискурса: узловых точках, ключевых знаках и мифах. В общем, узловые точки организуют дискурсы (например, "либеральная демократия"), ключевые знаки организуют идентичность (например, "человек"), и мифы организуют социальное пространство (например, "Запад" или "общество"). Все эти понятия относятся к основным знакам в социальной организации значения. Когда основные знаки определены в конкретном эмпирическом материал, можно начинать исследование того, *как* организованы дискурсы, идентичность и социальное пространство. Это можно сделать, изучая комбинирование основных знаков с другими знаками. Что общего у всех основных знаков — так это то, что они являются пустыми знаками: они почти ничего не значат сами по себе, пока в цепочках эквивалентности они не скомбинированы с другими знаками, которые наполняют их значением.

"Либеральная демократия" становится либеральной демократией в результате комбинирования с другими носителями значения, такими как "свободные выборы" и "свобода слова". Исследуя цепочки эквивалентности, можно постепенно определить, как организованы дискурсы,

[1] *Смотри Ховарт (Howarth, 2000) и Норвал (Norval,1996)*

идентичности и социальное пространство. Важно помнить, что нелингвистические методы и объекты, согласно Лакло и Муфф, — это тоже часть дискурсов. Поэтому наблюдатели на выборах, урны для избирательных бюллетеней и состав парламента также относятся к дискурсу либеральной демократии.

Индивидуальные и коллективные идентичности, а также "карты" социального пространства, можно исследовать подобным образом, анализируя комбинации значений в цепочке эквивалентности. Социальное пространство "Запад" связывает в своем значении географическую часть мира, например, "цивилизацию", "белых людей", "Христианскую церковь" и "либеральные демократические институты". Здесь мы снова видим, что цепочки эквивалентности включают как лингвистические, так и нелингвистические элементы. И мы видим, как сущности (дискурсы, идентичности, социальное пространство) *устанавливаются в отношениях* — то есть посредством *отношений* с тем, чем они не являются.

"Запад" противопоставляется "остальному миру", который автоматически не воспринимается как цивилизованный и демократичный, а скорее считается "варварским" и "цветным". Анализ категории "Другой", которая всегда создается вместе с категорией "Мы", подсказывает некоторые идеи о том, что именно исключает этот дискурс "Мы", и какие социальные последствия это имеет. В случае с "Западом", весь остальной мир, исключенный из западного, не имеет с ним ничего общего. Но эта конструкция "Запад" также исключает существование варварства, потому что "Запад" определяется как цивилизованный в противоположность варварству остального мира.

Тем не менее, некоторые считают, что варварство также существует и на Западе. Они указывают, что понимание западного мира как демократического не является бесспорным. "Запад" (подобно "демократии" и "человеку") — изменчивый знак, и различные дискурсы борются за то

чтобы наполнить его значением. Вообще говоря, теоретическая точка зрения Лакло и Муфф о том, что дискурсы никогда не являются полностью стабильными и неопровержимыми, может стать методологическим руководством относительно местонахождения конфликта в эмпирическом материале. Какие другие интерпретации реальности "стоят в оппозиции", и в чем заключается их антагонистическая борьба? Каковы социальные последствия того, что в этой борьбе победит один из дискурсов и закрепит за изменчивым знаком свое значение?

Используя эти понятия, можно исследовать функционирование дискурсов на эмпирическом материале: как каждый дискурс формирует знание и реальность, идентичности и социальные отношения? Где дискурсы функционируют совместно, а где существуют открытый антагонизм. Какие интервенции гегемонии борются за преодоление конфликта, как это происходит и с какими последствиями?

Далее мы представим короткий пример такого анализа, сфокусированного на концептах "идентичности", "антагонизма" и "гегемонии", как аналитических инструментах. Наш материал состоит из двух писем: письмо 21-летней "несчастной" в рубрику датского женского журнала и ответ консультанта рубрики.

Секс и отношения. Любовь противоречит моей вере

Мне 21 год и с тех пор, когда мне исполнилось 11 лет, у меня начались большие психологические проблемы. Без причины я превратилась из счастливой и общительной в неуверенную, с огромным комплексом неполноценности. Я не имею образования, но сейчас у меня есть небольшая фирма и красивая маленькая квартира. Как и мои родители, я состою в одной религиозной общине. Восемь месяцев назад я встретила моего парня, полнейшего атеиста. В начале наших отношений он, когда уходил, каждый уик-енд напивался до чертиков. Он приходил и всячески обзывал меня, насмехался над моей верой и всячески мне угрожал, но никогда не бил. Когда я не открывала

дверь, он оставался и часами звонил в дверь. Он всегда заканчивал угрозой разорвать со мной отношения, но потом, на следующий день, он сожалел и говорил, что возьмется за ум. Теперь он редко напивается, но когда это случается, он становится безумным. Поэтому я боюсь упускать его из виду. Я перестала посещать мою религиозную общину. Я сделала это, когда поняла, что люблю его и потому не могу вести двойную жизнь. Это было трудно, и у меня в настоящее время больше нет друзей, по крайней мере, не так как раньше. Моим родителям трудно было это принять, и отношения между нами на время охладились. К счастью, сейчас они становятся намного лучше.

Мы говорили о помолвке и женитьбе, и я не боюсь этого. Но я все еще волнуюсь, что вечеринки закончатся пьянством. Я буду очень огорчена, если это так и произойдет. Как это предотвратить, когда он вырос в семье с пьянством и насилием, и когда все его семейство склонно к этому? Я знаю теперь, что все мои проблемы во мне, что я и моя эмоциональная жизнь — проблема. Что мне делать с моей жизнью, как контролировать себя, к кому обратиться?

Несчастная

Я не понимаю, как Вы можете отказаться от вашей веры ради такого ужасного парня. Первое, что Вы должны сделать, конечно, это снова обрести веру. Вы легко сможете продолжать верить, не будучи членом религиозной общины.

Должна быть причина, по которой в 11 лету Вас появились психологические проблемы. Вам необходимо пройти курс терапии, чтобы снова обрести себя и использовать свою веру себе во благо.

Что касается вашего друга, я должна настоятельно отговорить Вас от помолвки, свадьбы и рождения детей, пока на протяжении длительного периода времени он не проявит твердости в отказе от спиртного. Я советую Вам пройти длительный курс терапии.

Я не знаю терапевта поблизости с Вами. Но Вы можете поговорить со своим доктором или может быть с местным священником о том, кто сможет оказать хорошую психотерапевтическую помощь.

Бриджит Дагмар Йохансен

"Несчастная" состояла в религиозной общине, которую она покинула после того, как встретила своего друга. Она пишет о себе как о человеке, имеющем две идентичности — две субъектные позиции. Она отказалась от одной идентичности, созданной вокруг узлового знака "религиозный" или "член религиозной общины", чтобы принять идентичность "подруги". Она указывает, что чувствует несовместимость этих двух идентичностей — не может "справиться с двумя жизнями". Это потому, что ее идентичность как "подруги" (по крайней мере, с этим конкретным мужчиной) приравнивается к "не-религиозности" (он "насмехался над моей верой").

В терминах теории дискурса Лакло и Муфф, эти две идентичности находятся в антагонизме, поскольку являются взаимоисключающими — как "подруга" девушка не может быть "религиозной", и как "религиозный человек" она не может быть подругой.

В пространстве, которое она построила, единственное решение — это выбор между этими двумя идентичностями. С одной стороны была жизнь с другом, которая означала любовь и атеизм; с другой стороны, религиозная община, ее родители и друзья. Она совершила интервенцию гегемонии в пользу идентичности как "подруги" ("Я оставила мою религиозную общину и сделала это, когда я поняла, что люблю его"). Но не об этом решении она спрашивала совета у консультанта рубрики. Что она действительно хочет знать — так это то, как она может удержать друга от пьянства, и как ей поступить самой, чтобы лучше себя чувствовать.

Прочитав письмо, можно засомневаться, действительно ли она была успешна в установлении гегемонии, как утверждает сама. Основная часть ее письма касается конфликта между двумя идентичностями и ее решением исключить одну из них. Хотя это никак не помогает ей в конкретном вопросе по представленной проблеме. Кроме того, есть грамматическая оговорка: "Как и мои родители,

я *состою* одной религиозной общине" (наш курсив), вместо — "я была".

Несомненно, консультант рубрики, Бриджит Дагмар Йохансен, основывает свой ответ на этой оговорке. Она подвергает сомнению интервенцию гегемонии, которую совершила "Несчастная" ("я не понимаю, как Вы можете отказаться от вашей веры ради такого ужасного парня") и предлагает ей иначе артикулировать действительность.

Более того, в ее ответе идентифицирован антагонизм в жизни молодой женщины — но не столько между "верой" и "подругой", сколько между "подругой" и "психологическим благополучием" ("Что касается вашего друга, я должна настоятельно отговорить Вас от помолвки, свадьбы и от рождения детей, пока на протяжении длительного периода времени он не проявит твердости в отказе от спиртного. Я советую Вам пройти курс психотерапии").

"Психологическое благополучие" — повторяющаяся тема в "письме Несчастной", но она не согласуется с другими частями текста ("я знаю теперь, что все мои проблемы во мне самой, я и моя эмоциональная жизнь — проблема"). Напротив, в ответе Йохансен "психологическое благополучие" связано в цепочке эквивалентности с "верой", "терапией" и "заменой друга". Ответ Йохансен потом реартикулирует элементы "письма Несчастной", таким образом, создает иную ситуацию и доступные альтернативы другим способом, указывающим на очевидные действия.

Теперь существует выбор между "верой", "терапией" и, возможно, "сменой друга", с одной стороны, и "недостатком веры", "другом-алкоголиком" и "психологическим страданием", с другой. И эта артикуляция указывает на другое гегемонное решение, чем то, о котором думала "Несчастная": она должна утвердиться в своей "религиозной" идентичности, и лишь потом, после смены друга, серьезно рассматривать идентичность как "подруги".

В следующих двух главах мы представим дискурс-анализ, проведенный согласно подходу критического дис-

курс-анализа и дискурсивной психологии — от постановки проблемы исследования до получения эмпирического материала, анализа и представления результатов исследования.

Лакло и Муфф не предлагают подобного руководства, но в исследованиях, согласно их теории дискурса, можно использовать шаги и рекомендации других подходов. Наоборот, инструменты анализа, принадлежащие подходу Лакло и Муфф (те, которые мы только что представили), можно применять в исследованиях, использующих критический дискурс-анализ или дискурсивную психологию. Если кто-то захочет работать на пересечении подходов или использовать только дискурс-анализ Лакло и Муфф, то рекомендации, представленные в следующих главах, позволят построить структуру собственного проекта дискурс-анализа.

2. 7. Условность и постоянство

Сейчас уже понятно, что отправная точка теории дискурса Лакло и Муфф в том, что все условно. Все дискурсы и артикуляции, а потому и все аспекты социального, могли бы быть или могут стать иными.

Эта основная предпосылка и вызвала критику теории Лакло и Муфф, за то, что в ней явно переоцениваются возможности изменения[1]. Лилли Чоулиараки и Норман Фэркло. Например, критики заявляют, что Лакло и Муфф игнорируют тот факт, что не все люди и группы имеют равные возможности для реартикуляции элементов и, следовательно, создания изменений. Например, они ссылаются на ситуацию, в которой предприниматель имеет жесткие обязательства перед клиентом соблюдать определенные стандарты качества, которые включают документацию производственных процессов. Для предприятия это означает

[1] *например, Chouliaraki 2002; Chouliaraki и Fairclough 1999; Larrain 1994*

адаптацию новой практики — новых правил организации работы и новых способов обсуждения производственного процесса (например, его разделения, структурирования и документирования).

Предприниматель вынужден жить в соответствии с требованиями клиента, если он хочет сохранить с ним контракт. Рабочие вынуждены делать то же самое, если хотят остаться на своих рабочих местах. Таким образом, люди на фабрике изменяют свой дискурс так, что артикулируют элементы новыми способами, — однако это не результат их собственного выбора. Согласно Чоулиараки и Фэркло, этот пример показывает, что дискурс людей часто подвержен ограничениям, причины которых лежат не на уровне дискурса, а на уровне структурных отношений зависимости. Важные структурные условия, которые могут ограничивать возможности акторов, включают классы, этническую принадлежность и пол.

Чоулиараки и Фэркло доказывают, что Лакло и Муфф упускают влияние этих структурных ограничений, потому что они слишком сосредоточены на условности: все непрерывно меняется, и все возможности открыты. Чоулиараки и Фэркло считают, что очень важно точно определить *структурную область*, в которой структуры создаются социально, но при этом инертны и слабо изменяемы — по крайней мере, для доминирующих групп. Кроме этой структурной области, они вводят *условную область* для тех аспектов, которые могут обсуждаться и изменяться.

Мы согласны с Чоулиараки и Фэркло в том, что в любом анализе социального важно учитывать постоянство и ограничения. Мы также согласны с ними в том, что этот аспект иногда выпадает из теории дискурса Лакло и Муфф например, когда они говорят, что "каждый дискурс постоянно переполнен бесконечными вариантами значений, скрытыми в области дискурсивности". Тем не менее, ин-

терес к постоянству и распределению возможностей для действия в теории дискурса все-таки присутствует[1].

Во-первых, даже если *принципиально* все может быть другим (отличным от настоящего), это отнюдь не значит, что все постоянно меняется, или что изменения обязательно проходят легко. Лакло и Муфф проводят различие между объективным и политическим. Тем самым, они подчеркивают, что хотя все и условно, но всегда существует объективная область *осадочного* дискурса — длинный ряд социальных договоренностей, которые мы принимаем на веру, и поэтому не задаем к ним вопросов и не пытаемся их изменить.

Во-вторых, Лакло и Муфф признают, что не все акторы имеют равные возможности делать и говорить что-либо новыми способами, чтобы их реартикуляцию приняли. В своем подходе Лакло и Муфф рассматривают акторов — отдельных людей или группы — как субъектные позиции, детерминированные дискурсами. Не все имеют одинаковый доступ к субъектным позициям, и ограничения в нашем обществе могут, например, зависеть от таких категорий, как класс, этническая принадлежность и пол.

Как мы уже говорили, существуют ограничения относительно того, что пациент может сказать доктору на консультации (если, конечно, он хочет, чтобы его воспринимали всерьез). Одна из задач дискурс-анализа как раз и заключается в изучении способов категоризации (деления на классы) людей и того, как это влияет на их возможности действий. Таким образом, теория дискурса Лакло и Муфф включает концептуализацию *постоянства* и *ограничений*. Но все же мы согласны с Чоулиараки и Фэркло, что Лакло и Муфф недоработали этот аспект социальной практики.

Лакло и Муфф признают, что существуют достаточно обширные социальные пространства, где наблюдается стабильность и постоянство, но они не уточняют, как можно

---

[1] *Смотри также наше обсуждение условности/постоянства в теории дискурса Лакло на странице 85*

идентифицировать и исследовать эти фиксации в различных социальных областях. Мы предполагаем, что их подход можно было бы усилить введением концепта "порядок дискурса". Как мы увидим в главе 3, критический дискурс-анализ использует это понятие, хотя и несколько иначе, чем предлагаем мы.

Лакло и Муфф оперируют двумя концептами: "дискурс" и "область дискурсивности". Если понятие "дискурс" служит для обозначения процесса частичной фиксации значения, то уже термин "область дискурсивности" определить значительно труднее. Это понятие используется для обозначения дополнительных значений, то есть всего того, что исключается из области дискурса. Но, как мы уже обсуждали ранее, неясно, то ли это понятие относится к любому значению из любой области вне конкретного дискурса, то ли оно используется в более узком смысле и относится только к *потенциально конкурирующим* системам и фрагментам значения.

В нашем обсуждении мы задавали вопрос: относить ли футбол, например, к области дискурсивности традиционного западного медицинского дискурса, поскольку он не включен в медицинский дискурс? Или же "область дискурсивности" включает лишь те значения, которые потенциально угрожают существующим значениям в той же предметной сфере, — например, дискурсы об альтернативном лечении в случае с медицинским дискурсом. Мы считаем, что эти два случая употребления понятия "область дискурсивности" необходимо различать. Мы считаем, что Лакло и Муфф, проигнорировав это различие, недоработали вопрос отношений между различными дискурсами, а в результате и вопрос постоянства и условности.

В нашей формулировке "дискурс" относится к частичной фиксации значения, в то время как "область дискурсивности" относится к любому актуальному или потенциальному значению вне конкретного дискурса (то есть футбол принадлежит области дискурсивности медицинс-

кого дискурса). Между двумя понятиями ("дискурс" и "область дискурсивности") мы предлагаем включить "строй дискурса". Оно будет обозначать социальное пространство, которое одновременно "покрывают" различные дискурсы и конкурируют в том, чтобы наполнить его своим собственным значением. Например, с этой точки зрения, сейчас футбол не принадлежит к тому же строю дискурса, что и западная медицина[1]. Теперь отношения между дискурсом и внешней к нему областью можно сформулировать с помощью трех понятий. "Дискурс" остается термином для структурирования определенной области с помощью моментов. Он всегда структурирован путем исключения других возможных значений, и термин для общей внешней области — "область дискурсивности". Но "строй дискурса" обозначает два дискурса или более, которые "стремятся" закрепиться в одной и той же области. Поэтому, "строй дискурса" — это также термин для потенциальной или актуальной зоны дискурсивного конфликта. Концепты "антагонизм" и "гегемония" в этой конструкции находятся на уровне "порядок дискурса". "Антагонизм" — открытый конфликт между различными дискурсами в определенном порядке дискурса, а "гегемония" — это разрешение конфликта за счет переноса границ между дискурсами.

Так, "область дискурсивности" рассматривается как общий резервуар для всех значений, не включенных в конкретный дискурс. Этот концепт необходим, поскольку оно подчеркивает условность и принципиальную открытость

---

[1] *Лакло и Муфф вводят понятие "дискурсивной формации" (1985: 105), заимствованное у Фуко (Foucault 1972: глава 2). Мы рассматриваем понятие "дискурсивная формация" Фуко, как некую структуру для различных и потенциально конфликтующих дискурсов, действующих в одной и той же области. Оно соответствует концепту "порядок дискурса", который мы так назвали, используя концепт Фэркло. Так и остается неясным, разделяют ли Лакло и Муфф это понимание "дискурсивной формации". Как мы видим, они приравнивают "дискурс" и "дискурсивную формацию". В любом случае, они фактически не используют концепт "дискурсивной формации" — вводят его, но затем не развивают*

всех социальных явлений. Например, футбол может в какой-то момент угрожать разрушением западному медицинскому дискурсу. Но в данной ситуации не все возможности одинаково вероятны, и не все аспекты социального одинаково открыты для изменений.

Лакло и Муфф не проводят различий между двумя этими случаями. Поэтому они не предлагают никакого понятия, которое бы описывало существование вероятности — одни значения более вероятны, чем другие. Одни аспекты становятся объектами открытой борьбы, в то время как другие в данный момент не вызывают вопросов. Однако различия, которые Лакло и Муфф проводят между объективным и политическим, создают возможность для появления концепта "строй дискурса" и для дальнейшего анализа условий постоянства и изменения.

Подытожим эти рассуждения примером такого анализа. Как уже упоминалось, порядок дискурса обозначает группу дискурсов, которые действуют на одной и той же социальной территории — либо в конфликте, либо в согласии друг с другом.

Например, политические дебаты в Дании о Европейском Союзе можно рассматривать как порядок дискурса в эмпирическом исследовании, направленном на выявление объектов борьбы, с одной стороны, и широко принимаемых и разделяемых аспектов, с другой стороны. Например, в дебатах о Евросоюзе, принимается как само собой разумеющееся, что датчане относятся к ЕС с национальных позиций. Несмотря на различия во мнениях о том, кто такие датчане, большинство участников дебатов признают, что нация существует и вопрос об этом релевантен даже в дебатах о Евросоюзе. Напротив, существует борьба между различными дискурсами в том, идентифицируют ли себя датчане с европейцами, и какое значение имеет европейская идентичность для национальной[1].

[1] *Смотреть у Ларсона (Larsen, 1999) об артикуляциях знака "Европа" в различных дискурсах Дании*

Дебаты о Европейском Союзе показывают, что появление европейской идентичности более вероятно, чем исчезновение датской национальной идентичности. Это потому, что существует открытый конфликт вокруг европейской идентичности, который делает такую идентичность реальной возможностью. В то же самое время, есть практически не обсуждаемый, неявный консенсус в том, что национальная идентичность все-таки существует — этот консенсус блокирует европейскую идентичность, поскольку внезапно исчезнет релевантная (национальная) категория для идентификации. Но нет ничего определенного: возможно, национальное государство перестанет быть источником идентификации, а возможно, никогда не появится европейская идентификация. Открытость возможностей — это то, что подразумевается под условностью. Но, в настоящее время, вопрос национальной идентичности скорее принадлежит области объективности — национальная идентичность считается естественной и само собой разумеющейся, и поэтому не подвергается сомнению. И наоборот, вопрос о европейской идентичности принадлежит области политики (используя определение политики Лакло и Муффа): его открыто обсуждают и продвигают, поэтому легко представить, как его изменить.

Такая оценка ограничений в оппозиции к возможностям для изменений требуется концепт "порядок дискурса", с помощью которого можно исследовать взаимосвязи различных дискурсов.

В следующей главе, при изложении критического дискурс-анализа мы представим и обсудим использование концепта "порядок дискурса". Мы продолжим разработку этого концепта главе в 5.

3 Критический дискурс-анализ

Критический дискурс-анализ (сокращенно КДА) содержит теории и методы для эмпирического исследования отношений между дискурсом и социальным, культурным развитием в различных социальных областях. Термин "критический дискурс-анализ" несколько запутан — его используют двумя способами. Норман Фэркло применяет его *и* для того, чтобы описать подход, который он разработал, *и* для того, чтобы обозначить более широкое научное течение в рамках дискурс-анализа, включающее несколько подходов, в том числе и его собственный. Это широкое течение имеет скорее размытое содержание и нет однозначности в том, кто к нему принадлежит[1]. Подход Фэркло к дискурс-анализу включает несколько философских предпосылок, теоретических методов, методологических руководств и специфических техник лингвистического анализа. В отличие от него, бо-

---

[1] *В своем обзоре критического дискурс-анализа Фэркло и Уодак рассматривают следующие подходы, как элементы широкого научного течения критического дискурс-анализа. Французский структуралистский дискурс-анализ (например Pecheux 1982); критическая лингвистика (например, Fowler и др. 1979; Fowler 1991); социальная семиотика (например, Hodge и Kress 1988; Kress и Van Leeuwen 1996; Kress, Leite-Garcia и Van Leeuwen 1997); критический дискурс-анализ Фэркло (например, Fairclough 1989, 1992b, 1995a, 1995b); социо-когнитивный анализ (например, Van Dijk 1991, 1993); дискурсный исторический метод (например, Wodak 1991; Wodak и Menz 1990); анализ чтения (например, Maas, 1989) и Дисбургская школа (например, Jager 1993; Jager и Jager 1992). Важно отметить, что три из них — кроме подхода Фэркло — их сторонники представили как критические дискурс-аналитические: социо-когнитивный, социально-семотический и дискурсно-исторический*

лее широкое научное течение критического дискурс-анализа состоит из нескольких подходов, имеющих сходства и различия. Ниже мы кратко представим некоторые ключевые элементы, которые разделяются во всех подходах. В конце главы мы изложим подход Фэркло, поскольку, на наш взгляд, по сравнению с другими направлениями критического дискурс-анализа, это наиболее разработанная теория и метод исследования коммуникации, культуры и общества.

3. 1. Пять характерных особенностей

Среди различных подходов к КДА (критическому дискурс-анализу) можно выделить пять общих особенностей. Именно они позволяют определить принадлежность подходов к одному и тому же течению. В дальнейших рассуждениях мы будем основываться на обзоре Фэркло и Уодака.

3. 1. 1. Лингвистико-дискурсивный характер социальных и культурных процессов и структур

Дискурсивные методы, с помощью которых тексты *производятся* (создаются) и *потребляются* (воспринимаются и интерпретируются) представляют собой важную форму социальной практики, которая вносит свой вклад в *конституирование* социального мира, включая социальные идентичности и социальные отношения. Отчасти именно в процессе дискурсивных практик повседневной жизни (процессов производства и потребления текста) происходит социальное и культурное воспроизводство и изменение. Из этого следует, что некоторые социальные феномены не имеют лингвистико-дискурсивного характера.

Цель критического дискурс-анализа — пролить свет на лингвистико-дискурсивное измерение социальных, культурных феноменов и современных процессов изменений. Критический дискурс-анализ распространяется на такие сферы, как организационный анализ, педагогика, массовая коммуникация и проблемы расизма, национализма, формирование идентичностей, массовая коммуникация и экономика, рыночные отношения и массовая коммуникация, демократия и политика[1].

Дискурс включает не только письменную и разговорную речь, но также и визуальные образы. В критическом дискурс-анализе принято, что исследование текстов с визуальными образами должно учитывать особенности визуальной семиотики и отношения между языком и образами. Однако в критическом дискурс-анализе (как и в дискурс-анализе, в целом) существует тенденция анализировать рисунки как лингвистические тексты. Исключение — социальная семиотика, которая пытается разработать теорию и метод для анализа полимодальных текстов (текстов, использующих различные семиотические системы, например, письменную речь, визуальные образы и звук)[2].

3. 1. 2. Дискурс конституирует и конституируется

Для критического дискурс-аналитика, дискурс — это форма социальной практики, которая и *конституирует* социальный мир, и *конституируется* в других социальных практиках. Социальная практика и дискурс находятся в *диалектических отношениях* с другими социальными измерениями. Эти отношения не только вносят вклад в формирование и изменение социальных структур, но также и отражает их. Когда Фэркло анализирует то, как дискурсив-

---

[1] *Mumby и Clair 1997; Chouliaraki 1998, 1999; Van Dijk 1991; Wodak и gp. 1999; Richardson 1998; Fairclough 1993, 1995a, 1995b, 1998, 2000*

[2] *Hodge и Kress 1988; Kress и Van Leeuwen 1996, 2001*

ные практики СМИ участвуют в образовании новых форм политики, он также учитывает, что сами дискурсивные практики подвержены влиянию социальных сил не дискурсивного характера (таких как структура политической системы и институциональная структура СМИ). Такой концепт дискурса отличает этот подход от большинства постструктуралистских подходов, таких как теория дискурса Лакло и Муфф (см. рис. 1.1).

В критическом дискурс-анализе *язык-как-дискурс* — одновременно *и* та форма действия, с помощью которой люди могут изменить мир, *и* та форма действия, которая сама находится в историческом и социальном контексте и связана диалектическими отношениями с другими аспектами социального[1].

Фэркло в качестве примера приводит семью, иллюстрируя то, как социальная структура влияет на дискурсивные практики. Он говорит, что отношения между родителями и детьми отчасти конституируются дискурсивно. Но, в то же время, семья — это институт с конкретными практиками, сложившимися отношениями и идентичностями. Первоначально эти практики, отношения и идентичности были конституированы дискурсивно, но потом стали *осадочными* в институтах и не дискурсивных практиках. Конститутивные результаты работы дискурса действуют вместе с другими практиками, такими как распределение домашних обязанностей. Более того, социальные структуры играют независимую роль в формировании и ограничении дискурсивных практик в семье:

> "Дискурсивное формирование общества вызвано отнюдь не свободной игрой идей в головах людей. Это следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры[2]".

---

[1] *Austin, 1962*

[2] *Fairclough 1992b: 66.*

Здесь Фэркло говорит, что рассматривать дискурс только как конститутивный, значит утверждать, что социальная действительность возникает исключительно в головах людей. Но, как мы увидели в главе 2, среди теоретиков дискурс-анализа существует разногласие относительно того, считать ли идеализмом точку зрения об исключительной конститутивности дискурса. Например, Лакло и Муфф выступают против обвинения в идеализме на том основании, что конститутивный дискурс не означает отсутствия физических объектов. Скорее, физические объекты приобретают значение только посредством дискурса.

3. 1. 3. Использование языка необходимо анализировать эмпирически в социальном контексте

Критический дискурс-анализ занимается конкретным, лингвистическим текстовым анализом использования языка в социальном взаимодействии. Это отличает его как от теории дискурса Лакло и Муффа, в которой отсутствуют систематические эмпирические исследования использования языка, так и от дискурсивной психологии, в которой проводится только риторический (не лингвистический) анализ использования языка (см. рис. 1.2). В заключительной части этой главы мы приведем пример текстового анализа с позиции критического дискурс-анализа.

3. 1. 4. Дискурс действует идеологически

Критический дискурс-анализ утверждает, что дискурсивные практики вносят вклад в создание и воспроизводство неравного распределения власти между социальными группами — например, между социальными классами, женщинами и мужчинами, этническими меньшинством

и большинством. Эти результаты рассматриваются как *идеологические эффекты.*

В отличие от теоретиков дискурса, включая Фуко, Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ в этом вопросе существенно не отклоняется от марксистской традиции. Некоторые подходы в критическом дискурс-анализе действительно принимают точку зрения Фуко о том, что власть – это скорее *продуктивная* сила, а не собственность отдельных людей, с помощью которой они влияют на других (см. главу 1).

Но в то же время, критический дискурс-анализ отличается от подхода Фуко в том, что применяет понятие идеологии для теоретических рассуждений о подчинении одних социальных групп другим. Исследования критического дискурс-анализа соответственно сосредоточены *как* на дискурсивных практиках, которые конструируют репрезентации мира, социальных объектов и социальных отношениях, включая распределение власти, *так и* на роли, которую эти дискурсивные практики играют в продвижении интересов определенных социальных групп. Фэркло определяет критический дискурс-анализ как подход, который систематически исследует:

> "Неясные отношения причинности и детерминированности между (а) дискурсивными практиками, событиями и текстами и (b) более широкими социальными и культурными структурами, отношениями и процессами [...]; как такие практики, события и тексты возникают и идеологически формируются в результате распределения и борьбы за власть [...]; каким образом неясность отношений между дискурсом и обществом становится фактором, защищающим власть и гегемонию"[1].

[1] *Fairclough 1993: с. 135; 1995а: с. 132*

Критический дискурс-анализ является "критическим" в том смысле, что направлен на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти.

Цель критического дискурс-анализа — способствовать социальным изменениям и одновременно более равномерному распределению власти в коммуникативных процессах и обществе в целом.

3. 1. 5. Критическое исследование

Критический дискурс-анализ не позиционируется как политически нейтральное направление (то есть как объективистская социальная наука). Напротив, он представлен как критический подход, который политически причастен к социальным изменениям. "Под флагами свободы", критический дискурс-анализ принимает сторону притесняемых социальных групп. Критика должна раскрыть роль дискурсивной практики в поддержании неравного распределения власти с тем, чтобы использовать результаты критического дискурс-анализа в борьбе за радикальные социальные изменения[1]. Интерес Фэркло к "объяснительной критике" и "критическому осознанию языка" (мы к ним еще вернемся) направлен на достижение этой цели.

3. 1. 6. Различия между подходами

Однако, кроме пяти общих особенностей, характерных для подходов критического дискурс-анализа, у них есть

[1] Сегодня природа и последствия критической работы — это предмет обширных дискуссий внутри многих научных направлений социальных наук, включая постмарксизм, постструктурализм, феминизм и постмодернизм. Для подробного обсуждения критических социальных исследований можно обратиться, например, Калун (Calhoun, 1995). Для подробного рассмотрения критических культурных исследований см. Келлнер (Kellner, 1989, 1995). Мы продолжим обсуждение критического социального исследования в главе 6

большое количество отличий относительно теоретического понимания дискурса, идеологии и исторической точки зрения, а также относительно их методов эмпирического исследования использования языка в социальном взаимодействии и идеологических эффектов.

Например, как мы уже говорили, некоторые критические дискурс-аналитические подходы не разделяют взглядов Фуко на власть как на продуктивную силу. Среди них, например, социокогнитивный подход Ван Дейка, который, будучи когнитивным, отличается и от большинства других подходов (см. главу 4 о критике когнитивизма с позиции дискурсивной психологии). Мы вернемся к этим различиям в конце главы.

3. 2. Критический дискурс-анализ Фэркло

Фэркло построил полезную структуру для анализа дискурса как социальной практики, которую мы опишем в деталях. Как и в случае с Лакло и Муфф, здесь мы сталкиваемся с целым "взрывом" концептов, поскольку *структура* Фэркло содержит ряд различных концептов, которые взаимосвязаны в сложной трехмерной модели.

Кроме того, в различных работах Фэркло значения концептов несколько отличаются, так как сама структура постоянно развивается. В нашем изложении теории Фэркло мы основываемся на его работах "Дискурс и социальные изменения", "Критический дискурс-анализ, "Медиадискурс", а также "Дискурс современности", написанный в соавторстве с Лилли Чоулиараки[1]. Когда изменения концептов станут критическими для понимания структуры, мы специально обратим на это внимание. В первой части мы представим структуру Фэркло, вначале изложим центральные понятия, а затем объясним их взаимосвязь. Затем

[1] *Chouliaraki u Fairclough, 1999*

мы приведем один из эмпирических примеров самого Фэркло, с помощью которого проиллюстрируем применение структуры.

Как мы уже отмечали, важное отличие концепции Фэркло (и критического дискурс-анализа в целом) от постструктуралистской теории состоит в том, что он считает дискурс не только *конституирующим*, но и *конституируемым*. Центральное место в его подходе занимает представление о том, что дискурс — важная форма социальной практики, которая одновременно *и воспроизводит, и изменяет* знания, идентичности и социальные взаимоотношения, включая отношение власти, и в то же время сам дискурс *формируется* другими социальными практиками и структурами. Таким образом, дискурс находится в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. Фэркло рассматривает *социальную структуру* как социальные отношения *и* в обществе в целом, *и* в специальных институтах. Он считает, что *социальная структура* состоит как из дискурсивных, так и из недискурсивных элементов[1]. Прежде всего, недискурсивная практика — физическая практика, которая существует, например, при строительстве моста. В отличие от нее журналистика и связи с общественностью — это, главным образом, дискурсивная практика.

В то же время, Фэркло отдаляется от структуралистской и приближается к постструктуралистской позиции, утверждая, что дискурсивная практика не только воспроизводит уже существующую дискурсивную структуру, но также и оспаривает ее за счет употребления слов, обозначающих то, что лежит вне этой структуры[2].

Однако подход Фэркло существенно отличается от постструктуралистской теории дискурса в том, что сконцентрирован на создании теоретической модели и методологических инструментов для эмпирического исследова-

---

[1] *Fairclough 1992b: 64*

[2] *Однако здесь Фэркло не упоминает постструктурализм открыто*

ния дискурса в повседневном социальном взаимодействии. В отличие от постструктуралистов, Фэркло подчеркивает важность систематического анализа разговорной и письменной речи, например, СМИ или исследовательских интервью (рис. 1.2).

Подход Фэркло — это *тексто-ориентированная* форма дискурс-анализа, которая объединяет три традиции[1]:

- детальный лингвистический анализ текста (включая функциональную грамматику Майкла Холлидея);
- макросоциологический анализ социальной практики (включая теорию Фуко, в которой отсутствует методология анализа отдельных текстов);
- микросоциологическую, интерпретативную традицию в социологии (включая этнометодологию и конверсационный анализ), где повседневная жизнь рассматривается как продукт действий людей, следующих набору разделяемых правил и процедур на уровне "здравого смысла".

Фэркло использует детальный анализ текста, чтобы разобраться в том, как дискурсивные процессы *лингвистически функционируют* в конкретных текстах. Однако он критикует лингвистические подходы за их концентрацию исключительно на текстовом анализе и за упрощенное поверхностное понимание отношений между текстом и обществом. Для дискурс-анализа Фэркло одного лишь текстового анализа не достаточно, поскольку текстовый анализ сам по себе не проясняет связи между текстами, социальными и культурными процессами и структурами. Необходим междисциплинарный подход, в котором сочетается текстовый и социальный анализ. Применение макросоциологической традиции в дискурс-анализе дает преимущество, поскольку позволяет учитывать, что социальные практики формируются социальными структурами и распределением власти, и что люди часто не осознают эти процессы. Интерпретативная традиция обеспечивает

[1] *Fairclough 1992b: 72*

понимание того, как в повседневной жизни люди активно создают мир, ограниченный правилами[1].

Центральный момент в теории Фэркло — это трактовка дискурса одновременно и как *конституирующего*, и как *конституируемого*. Фэркло рассматривает отношения между дискурсивной практикой и социальными структурами как комплексные и изменяемые с течением времени. Поэтому его теория отличается от подходов критического дискурс-анализа, в которых эти отношения рассматриваются как очень стабильные.

3. 3. Трехмерная модель Фэркло

3. 3. 1. Ключевые концепты

Фэркло применяет концепт *дискурса* тремя различными способами. В наиболее абстрактном смысле дискурс относится к *использованию языка как к социальной практике*. Раньше мы несколько раз использовали этот термин в таком значении, например в утверждении: "дискурс и конституирующий, и конституируемый". Во-вторых, дискурс понимается как *разновидность языка, используемого внутри специфической области*, например политический или научный дискурс. И, в-третьих, в наиболее конкретном значении, дискурс используется как исчисляемое существительное (любой дискурс, этот дискурс, эти дискурсы, какие-то дискурсы), которое относится к *способу говорения, который придает значение жизненному опыту с определенной позиции*. В последнем случае, концепт относится к любому дискурсу, который можно отличить от других, таких, как, например, феминистский дискурс, неолиберальный дискурс, марксистский дискурс, консьюмеристский дискурс или экологический дискурс[2].

---

[1] *Fairclough 1992b*

[2] *Fairclough 1993: 138; Fairclough 1995a: 135*

Фэркло ограничивает концепт "дискурс" семиотическими системами, такими как язык и образы, в отличие от Лакло и Муфф, которые все социальные практики трактуют как дискурс. Мы вернемся к этому аспекту теории Фэркло в конце главы. Дискурс участвует в конструировании:

- социальной идентичности;
- социальных отношений;
- системы знаний и значений.

Таким образом, дискурс имеет три функции: функцию идентичности, функцию отношения и функцию означивания. Здесь Фэркло основывается на многофункциональном подходе М. Холлидея к языку[1].

В любом анализе важными и центральными моментами являются два измерения дискурса:

- *коммуникативное событие* — отдельный случай использования языка, например, газетная статья, фильм, видео, интервью или политическое выступление[2];
- *дискурс-строй* — конфигурация всех *типов дискурсов*, которые используются в каком-либо социальном институте или социальной области. Типы дискурсов состоят из дискурсов и жанров[3].

---

[1] *См. Холлидей (Halliday,1994) о системной лингвистике. Описание того, как Фэркло использует подход Холлидея, подробнее у Холлидея (Halliday 1992b: Глава 6). См. также Фаулер (Fowler и другие, 1979 и Fowler,1991) в качестве другого подхода в критическом дискурс-анализе — критической лингвистики — которая, как и Фэркло, использует системную лингвистику Холлидея (включая системную грамматику Холлидея). Фэркло привлекает критическую лингвистику для текстового анализа (см. раздел о методах), игнорируя некоторые из ее предположений, такие как тенденция принимать идеологическое влияние текстов как само собой разумеющееся*

[2] *Fairclough 1995b*

[3] *В своей более ранней работе Фэркло выделяет другие типы дискурсов — "тип активности" и "стиль" (1992a: 124 и далее). В более поздней работе он в основном делает различия между "дискурсом", "типом дискурса" и "жанром" — иногда с аналитическими подтверждениями, но чаще всего просто наугад (см. Fairclough 1995b). В этом описании мы, главным образом, используем термин дискурс, чтобы охватить все три типа дискурса*

Жанр — это особое использование языка, которое составляет часть отдельной социальной практики, например, жанр интервью, жанр новостей или рекламный жанр. Примерами *дискурс-строя* могут служить порядки дискурса СМИ, службы здравоохранения или частной больницы. Внутри строя дискурса существуют определенные дискурсивные практики, посредством которых производятся, потребляются или интерпретируются тексты и разговоры[1].

Например, внутри дискурс-строя больницы дискурсивныепрактикивключаютконсультации "доктор — пациент", научный технический язык персонала (и письменный, и устный), язык продвижения сотрудника службы PR (устный и письменный). В каждой дискурсивной практике — а именно, при производстве и потреблении текста и разговора — типы дискурсов (дискурсы и жанры) используются особыми способами.

Каждый речевой случай является коммуникативным событием, содержащим три измерения:

- *текст* (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание);
- *дискурсивную практику*, которая включает производство и потребление текстов;
- *социальную практику*.

На рисунке 3.1 представлена трехмерная модель Фэркло. Эта модель представляет собой аналитическую структуру для эмпирического исследования способов коммуникации, а также общества в целом. Все три измерения должны быть включены в специальный дискурс-анализ коммуникативного события. Следовательно, анализ необходимо сосредоточить на (1) лингвистических особенностях текста (*текст*), (2) процессах воспроизводства и потребления текста (*дискурсивная практика*); и (3) более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие (*социальная практика*).

[1] ***Fairclough 1998: 145***

Рисунок 3.1 *Трехмерная модель Фэркло для критического дискурс-анализа*

Важно понимать, что анализ лингвистических особенностей текста неизбежно повлечет за собой анализ дискурсивных практик, и наоборот[1]. Тем не менее, в модели Фэркло текст и дискурсивная практика представляют два различных измерения и, следовательно, аналитически должны быть разделены.

Анализ дискурсивной практики сконцентрирован на том, как при создании текстов их авторы используют уже существующие дискурсы и жанры, а также и на том, как получатели текстов применяют доступные дискурсы и жанры при потреблении, восприятии и интерпретации текстов. Например, телевизионные новости — жанр новостей, который может транслировать различные дискурсы (например, дискурс о благосостоянии или неолиберальный дискурс) и различные жанры (например, "тяжелые ново-

[1] *Fairclough 1992b: 73*

сти" или "легкие новости"). То, что зрители хорошо знакомы с теленовостями как с новостным жанром, формирует их интерпретацию и, позже, обсуждение с другими тем, затронутых в новостях. Зрители могут заимствовать в своих обсуждениях дискурсы и жанры, которые использовались в новостях, и комбинировать их с другими дискурсами и жанрами в какие-то гибридные формы.

Анализ текста сконцентрирован на формальных особенностях (таких как лексика, грамматика, синтаксис и связность предложения), с помощью которых дискурсы и жанры реализуются лингвистически.

Дискурсивная практика выступает посредником между текстами и социальной практикой[1]. Следовательно, все происходит только в дискурсивной практике, где люди используют язык для производства и потребления текста. Эту дискурсивную практику формируют тексты, а сама она формируется в социальной практике. В то же время сам текст (формальные лингвистические особенности) влияют на процесс производства и потребления[2].

Те дискурсы и жанры, которые артикулируются вместе для производства текста и используются получателями при интерпретации, имеют особую лингвистическую структуру, которая формирует и производство, и потребление текста. Таким образом, анализ коммуникативного события включает:

- анализ дискурсов и жанров, которые артикулируются при производстве и потреблении текста (*уровень дискурсивной практики*);
- анализ лингвистической структуры (*уровень текста*);
- анализ следующих вопросов: воспроизводит ли дискурсивная практика существующий порядок дискурса или, наоборот, реструктурирует его; каковы последствия

[1] *В издании работы Фэркло (Fairclough, 1995b), "социальная практика" заменилась "социокультурной практикой".*

[2] *Fairclough 1992b: 71; 1993: 136; 1995b: 60*

этого для более широкой социальной практики (*уровень социальной практики*).

Для изучения более широкой социальной практики одного только дискурс-анализа не достаточно, так как она включает как дискурсивные, так и недискурсивные элементы. Дополнительно к дискурс-анализу необходимы социальная и культурная теории. Мы вернемся к этому в конце главы. Главная цель критического дискурс-анализа – изучение связи между использованием языка и социальной практикой. Основной акцент сделан на роли дискурсивной практики в поддержании социального порядка и социальных изменений. Исследование продолжается анализом отдельных случаев использования языка или, в терминах Фэркло, анализом коммуникативного события относительно порядка дискурса. Каждое коммуникативное событие функционирует как форма социальной практики при воспроизводстве или оспаривании порядка дискурса. Это означает, что коммуникативные события одновременно формируют и формируются более широкой социальной практикой, посредством их отношений к порядку дискурса. Мы детально рассмотрим этот вопрос в следующем разделе книги.

Общая цель трехмерной модели — обеспечить аналитическую структуру для дискурс-анализа. В этой модели Фэркло берет за основу и продвигает принцип: изолированное понимание или анализ текстов невозможны — их необходимо рассматривать только во взаимосвязи с "сетью" других текстов и социальным контекстом. Позже Чоулиараки и Фэркло заменяют свою трехмерную модель концептуализацией текстов и разговора как части процесса артикуляции.

В своем концепте *артикуляции* они отчасти основываются на трактовке социальной практики Лакло и Муффа, как продукта совместной артикуляции различных элементов, но отличаются от них в том, как видят природу артикулируемых элементов. Если Лакло и Муфф рассматрива-

ют социальную практику как полностью дискурсивную и объясняют все процессы артикуляции в терминах дискурсивной логики, то Чоулиараки и Фэркло проводят различие между *недискурсивными* и *дискурсивными моментами* социальной практики и рассматривают эти моменты как *разные виды логики*. В своей концептуализации различных логик они основываются на критическом реализме[1]. В частности, они обращаются к теории о том, что социальная жизнь функционирует в соответствии с рядом механизмов, каждый из которых имеет свое собственное, отдельное "*порождающее влияние*" на события. Но в производстве события эти механизмы всегда опосредуют друг друга[2].

При концептуализации этих механизмов в терминах *моментов социальной практики*, Чоулиараки и Фэркло обращаются к работе Дэвида Хэрвея. Он рассматривал моменты как элементы, которые могут включать друг друга, но не сводимы друг к другу.

Например, поход в магазин обычно включает как вербальную коммуникацию с продавцом, так и экономическую сделку. Таким образом, разговор и оплата — это два момента, которые совместно артикулируется в практике посещения магазина. Если бы мы захотели проанализировать посещение магазина, используя концепцию артикуляции Чоулиараки и Фэркло, мы бы анализировали беседу с продавцом как дискурс с помощью лингвистических инструментов. К этому анализу мы должны были бы добавить экономический анализ обмена денег на товар, основанный на экономической теории.

Экономика и дискурс, согласно Чоулиараки и Фэркло, — два разных механизма, их нельзя анализировать с помощью одних и тех же теорий и инструментов. В этом случае, в отличие от Лакло и Муфф, Чоулиараки и Фэркло поддерживают различие между дискурсивным и недискурсивным: *дискур-*

[1] *Bhaskar 1986; Collier 1994*
[2] *Chouliaraki u Fairclough 1999: 19*

сивный — это вид механизма, который для создания социальной практики работает в сочетании с другими механизмами, например, экономическими, физическими, биологическими и психологическими. Механизмы представляют моменты социальной практики, которые находятся в диалектических отношениях, но каждый механизм имеет свою собственную логику и должен рассматриваться в его собственных терминах с помощью соответствующих аналитических инструментов. Чоулиараки и Фэркло считают, что можно эмпирически исследовать особую конфигурацию моментов в отдельной социальной практике и относительную значимость каждого момента в производстве этой практики.

По сравнению с трехмерной моделью, эта новая концептуализация может обеспечить лучшее руководство для анализа дискурсивной и социальной практик (как это называется в трехмерной модели), поскольку спецификация дискурсивных и недискурсивных моментов может подсказать соответствующие теории для анализа различных видов логики.

Несмотря на это, применительно к эмпирическому исследованию, мы не считаем, что это новое понимание настолько сильно отличается от трехмерной модели[1]. Мы выбрали эту модель, чтобы представить базовую структуру Фэркло для дискурс-анализа потому, что она очень методично описывает отношения между текстом и контекстом. Более того, мы считаем, что новая концепция страдает той же самой слабостью, что и трехмерная модель. Остается неясным: как выделить и проанализировать диалектические отношения между различными дискурсивными и недискурсивными моментами социальной практики; как исследовать диалектические отношения между дискурсивными и недискурсивными практиками. Мы вернемся к этой проблеме в заключительных критических комментариях о подходе Фэркло.

---

[1] *И основная идея трехмерной модели, по-видимому, продолжает свое существование в новом понимании (ср. Chouliaraki и Fairclough 1999: 113).*

3. 3. 2. Коммуникативные события и строй дискурса

Фэркло рассматривает отношения между коммуникативным событием и порядком дискурса как диалектические. *Порядок дискурса* — это система, но не система в структуралистском смысле. То есть коммуникативные события не только воспроизводят порядки дискурса, но и могут их изменять посредством творческого использования языка. Например, когда сотрудник отдела PR в больнице использует дискурс потребителя, он "опирается" на систему — строй дискурса — но, тем самым, он также участвует в *конституировании* этой системы. Или, когда журналист использует дискурс, привычный для СМИ, они или она также принимают участие в воспроизводстве медиа-системы.

Порядок дискурса — это совокупность всех жанров и дискурсов, которые используются в определенной социальной области. Прежде всего, порядок дискурса — это система в смысле того, что она *формирует и формируется* благодаря конкретным случаям применения языка. Поэтому она одновременно *и структура, и практика*. Использование дискурсов и жанров в коммуникации как ресурсов регулируется строем дискурса, потому что строй дискурса конституирует доступные ресурсы (дискурсы и жанры). Он ограничивает то, что можно сказать. Но, в то же самое время, пользователи языка могут изменять строй дискурса, по-новому используя дискурсы и жанры или, включая дискурсы и жанры из других строев дискурса. Порядки дискурса особенно открыты для изменений, когда привносятся дискурсы и жанры из *других* дискурс-строев.

Например, определенные дискурсы и жанры были характерны для различных дискурсивных практик, которые как раз и сформировали порядок дискурса Британской службы здравоохранения. Тогда доминировал дискурс благополучия. Но, с начала 1980-х, он "вступил в борьбу" с

другими дискурсами, включая неолиберальный консьюмеристский дискурс, который ранее ассоциировался исключительно со строем рыночного дискурса. Сейчас сотрудники служб PR значительно чаще используют дискурсы, продвигающие услуги здравоохранения, в которых эти услуги представлены как некие товары, а пациенты скорее как потребители, чем как граждане. Это явление можно рассматривать как отражение и движущую силу изменений в более широкой социальной практике. Эти изменения Фэркло рассматривает в терминах "коммерционализации дискурса" — современного социального развития, в котором рыночные дискурсы подчиняют себе дискурсивные практики общественных институтов[1].

Каковы отношения между порядком дискурса и его социальным контекстом? В своих ранних работах Фэркло был склонен относить порядки дискурсов к определенным социальным институтам (например, строй дискурса университета, строй дискурса СМИ и т. д.)[2]. В то же самое время, он подчеркивал, что дискурсы и дискурс-строи могут выходить за пределы существующих институциональных границ. В его более поздней работе, совместно с Чоулиараки, концепт "порядок дискурса" удачно объединен с концептом "поля" Пьера Бурдье[3]. Вкратце, у Бурдье, *поле* — это относительно автономная социальная область, подчиненная определенной социальной логике[4]. Акторы, действующие в определенном поле, например, поле спорта, политики или СМИ, борются за достижение одной и той же цели. Таким образом, они связаны друг с другом конфликтным образом, когда индивидуальная позиция актора в этом поле определяется относительным расстоянием, отделяющим от цели.

---

[1] *Fairclough 1992b, 1993, 1998*

[2] *Fairclough 1995b*

[3] *Chouliaraki и Fairclough 1999: 101*

[4] *Bourdieu и Wacquant 1996: 94*

Например, в политическом поле различные политики и политические партии борются за политическую власть. Они распределены в этом поле в соответствии с их относительной силой. Общество, по Бурдье, состоит из целого ряда таких полей — они регулируются общим "полем власти" и взаимосвязаны сложной сетью отношений.

Чоулиараки и Фэркло предлагают рассматривать строй дискурса как дискурсивный аспект поля[1]. Они критикуют Бурдье за недоработку и недооценку роли дискурса в борьбе внутри и между полями. Для них дискурс-анализ — это необходимое дополнение к теории Бурдье. Однако они все же считают, что Бурдье может обеспечить критический дискурс-анализ теорией, которая "привяжет" строй дискурса к строю социальной практики, и комбинацией дискурсивных и недискурсивных моментов. Они переосмысливают "строй дискурса" и рассматривают его как потенциально конфликтную конфигурацию дискурсов внутри определенного социального поля. Это переосмысление уточняет концепт "строй дискурса" как инструмент анализа. В общем, привнесение теории Бурдье в критический дискурс-анализ открывает возможности для исследований отношений, существующих внутри и между различными полями.

3. 3. 3. Интертекстуальность и интердискурсивность

Когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии, возникает *интердискурсивность.* Через новые артикуляции дискурсов изменяются границы *и внутри* строя дискурса, *и между* различными дискурс-строями. *Творческие* дискурсивные практики, в которых различные типы дискурсов комбинируются новыми и сложными способами — в новые "интердискурсивные комбинации" — это показатель и движущая

[1] *Chouliaraki и Fairclough, 1999: 114*

сила в дискурсивных и социо-культурных изменениях. С другой стороны, дискурсивные практики, в которых дискурсы "смешаны" *общепринятыми* способами — это показатели стабильности, которые одновременно поддерживают установленный строй дискурса и социальный порядок[1].

Воспроизводство и изменение дискурса можно исследовать с помощью анализа отношений между различными дискурсами внутри одного дискурс-строя и между различными строями дискурса.

Интердискурсивность — это форма *интертекстуальности.* Интертекстуальность означает состояние, когда все коммуникативные события основаны на более ранних событиях. Невозможно избежать применения слов и фраз, которые уже использовались ранее. Особая форма интертекстуальности — это *очевидная интертекстуальность,* посредством которой тексты эксплицитно основаны на других текстах, например, цитируют их. Текст можно рассматривать как звено в *интертекстуальной цепи,* в серии текстов, в которой каждый текст включает элементы другого текста или текстов. Это, например, интертекстуальная цепь, которая связывает научный доклад с текстом СМИ, с текстами определенной группы людей или с разговором. Например, журналист включает элементы научного доклада при создании текста СМИ. А в процессе восприятия читатели (слушатели) включают элементы из текста СМИ в конструирование нового текста.

Интертекстуальность относится к влиянию истории на текст и к влиянию текста на историю в том смысле, что текст базируется на более ранних текстах и, вследствие этого, способствует историческому развитию и измене-

[1] Фэркло (1992b, 1992c) отмечает, что "дискурсивное творчество" составляет фундамент интердискурсивности и происходит в социальных условиях, способствующих изменениям. Поэтому это не просто продукт людей с творческими способностями

нию[1]. Если некоторые постструктуралисты[2] считают интертекстуальность и интердискурсивность проявлением крайней нестабильности и изменчивости языка, Фэркло рассматривает их и как признак стабильности, и как признак нестабильности, и как постоянство, и как изменение. Изменение создается за счет нового использования существующих дискурсов, но возможности для изменения ограничены распределением власти, которое, среди прочего, детерминирует доступность дискурсов для различных акторов (см. нашу дискуссию о гегемонии в следующем разделе).

Видимая неограниченность возможностей творчества в дискурсивной практике, которую предлагает концепт *интердискурсивности*, — бесконечная комбинация и "перекомбинация" жанров и бесед — на практике оказывается весьма ограниченной и скованной из-за существующих отношений гегемонии и борьбы за гегемонию[3].

Дискурсивные отношения — это часть социальной борьбы и конфликтов.

Порядки дискурса можно рассматривать как область потенциальной культурной гегемонии с доминирующими группами, которые борются за утверждение и поддержание определенной структуры внутри или между ними[4].

То, что один доминирующий дискурс никогда не управляет всем обществом, вовсе не означает, что все дискурсы имеют равную силу. Например, очевидно, что некоторые дискурсы имеют более сильное воздействие на СМИ, чем другие. Чисто академическому дискурсу значительно труднее присутствовать в СМИ, нежели смешанному, который комбинирует академический (с порядком университетс-

---

[1] *Kristeva 1986: 39; цитируется Fairclough 1992b: 102. Помимо Кристевой, других важным источником для Фэркло (и для других, кто работает с концепцией интертекстуальности) является Бахтин (например, Bakhtin, 1981, 1986)*

[2] *Например, Fiske 1987*

[3] *Fairclough 1993: 137*

[4] *Fairclough 1995b: 56*

кого дискурса) и популярный дискурс (с порядком повседневного дискурса). Чтобы понять распределение власти между различными дискурсами и последствия этого, мы обратимся к концепциям *идеологии* и *гегемонии* Фэркло.

3. 4. Дискурс, идеология и гегемония

Идеология для Фэркло — это "значение на службе власти". Более точно он понимает идеологию как определенные конструкции значений, которые способствуют производству, воспроизводству и трансформации отношений доминирования[1].

Идеологии создаются в обществах, в которых отношение доминирования базируется на таких социальных структурах, как класс и пол. В соответствии с определением Фэркло, дискурсы могут быть более или менее идеологическими. *Идеологические дискурсы* способствуют поддержанию и трансформации распределения власти. Мы полагаем, что это определение довольно трудно операционализировать. Сразу возникает вопрос, а существуют ли дискурсы, которые *не* влияют на власть или доминирование в обществе. Трудно отличить, что является идеологией, а что нет.

Точка зрения Фэркло, что идеология является частью дискурсивной практики, основана на понимании идеологии Джона Томпсона. Он рассматривает ее как практику, которая возникает при производстве значения в повседневной жизни, где значение используется для поддержания распределения власти[2]. Эта точка зрения отличается от концепции идеологии у большинства марксистских подходов. Марксисты не интересовались структурами отдельных идеологий, или тем, как идеологии артикулируются в конкретных социальных контекстах. Вместо этого они

[1] *Chouliaraki и Fairclough 1999: 26*
[2] *Thompson 1990*

трактовали идеологию как абстрактную систему ценностей, которая действует как социальный цемент, который связывает людей и, таким образом, сохраняет целостность социального строя[1].

Фэркло, как Томпсон и многие другие теоретики в социальной и культурной областях, сформулировавшие подходы к *идеологической практике*, основывается на работе Альтюссера и, в большей степени, Грамши. В главе 1 мы упоминали, что оба теоретика представляют важные формы культурных марксистских подходов и оба приписывают производству значения в повседневной жизни важную роль в поддержании социального порядка. Фэркло поддерживает консенсус, существующий внутри критических культурных учений в том, что отклоняет часть теории Альтюссера, где люди представлены как пассивные идеологические субъекты, а их возможности для действия недооцениваются.

В коммуникативных и культурных учениях в настоящее время существует консенсус в том, что значение текстов частично создается в процессе интерпретации. Фэркло разделяет эту позицию. Тексты имеют несколько *потенциалов значения*, которые могут противоречить друг другу, и быть открытыми для нескольких различных интерпретаций.

Люди могут оказывать противодействие каким-либо значениям даже тогда, когда они не осознают идеологических измерений своей практики:

> "Субъекты позиционированы идеологически, но они также способны действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывать эти практики и структуры"[2].

---

[1] *Критический анализ с этой точки зрения представлен у Томпсона (см. Thompson, 1984, 1990)*

[2] *Fairclough 1992b:91*

Фэркло также отвергает понимание идеологии Альтюссера, который рассматривал ее как некую обобщающую сущность. Фэркло полагает, что люди могут быть позиционированы внутри различных и конкурирующих идеологий, и это может привести к ощущению неопределенности, в результате чего и осознается влияние идеологии. Эта точка зрения основана на идее Грамши, что "здравый смысл" включает несколько конкурирующих элементов, которые являются результатами *переговоров о значении*. В этих переговорах участвуют все социальные группы[1].

Гегемония — это не только доминирование, но также и процесс переговоров, в результате которых возникает консенсус относительно значения. Такие конкурирующие элементы сохраняют зачатки сопротивления, поскольку элементы, которые оспаривают доминирующие значения, обеспечивают людей ресурсами для сопротивления. Вследствие этого, гегемония никогда не бывает стабильной, она изменяющаяся и незавершенная. А консенсус — это всегда лишь вопрос "равновесия противоречивого и нестабильного"[2].

Согласно Фэркло, концепт гегемонии предоставляет средства для анализа того, каким образом дискурсивная практика участвует в более обширной социальной практике, включающей распределение власти. Дискурсивную практику можно рассматривать как аспект гегемонной борьбы, который содействует воспроизводству и трансформации порядка дискурса, частью которого является сам (и, следовательно, частью существующего распределения власти). Дискурсивные изменения происходят, когда дискурсивные элементы артикулируются по-новому.

---

[1] *Gramsci 1991*

[2] *Fairclough 1992b: 93*

3. 5. Дизайн и методы исследования

Мы продолжим обзор методов исследования, которые предлагает Фэркло для анализа дискурса, как текста, как дискурсивной практики и как социальной практики. Нет необходимости использовать *все* методы или использовать их точно таким же образом в конкретных исследовательских проектах. Выбор и применение инструментов зависит от проблемы исследования и области проекта. Для большинства подходов (включая те, что представлены в этой книге) и для качественного исследования вообще — не существует никакой фиксированной процедуры получения материала или его анализа: дизайн исследования необходимо строить в соответствии со специальными характеристиками проекта.

В дальнейшем анализе с применением структуры Фэркло мы представим шесть стадий исследования, от формулировки проблемы до использования результатов. Мы сконцентрируемся на стадии анализа, структурируя ее в соответствии с трехмерной моделью Фэркло (рис. 3.1). Описание последовательности этапов и их внутреннего порядка следует рассматривать как нечто идеальное. На практике исследование не может идти по линейной схеме; скорее исследователь неоднократно двигается между уровнями назад и вперед, прежде чем обнаружит соответствующий уровень и начнет двигаться дальше.

В нашем обзоре этапов и методологических инструментов мы основываемся на главе 8 работы Фэркло *"Дискурс и социальные изменения"*, в которой представлен перечень всех стадий, концептов и аналитических инструментов, уже изложенных ранее в нашей книге. Мы не сможем охватить все аспекты структуры анализа, поэтому прежде чем проводить критический дискурс-анализ, желательно

посмотреть главу 8 и другие работы Фэркло дополнительно к нашему обзору[1].

Для иллюстрации методологии проведения исследования, мы выбрали отрывки из анализа двух рекламных объявлений о найме на работу, который провел сам Фэркло[2]. Рекламные объявления представлены в примерах 3.2 и 3.3.

3. 5. 1. Выбор проблемы исследования

В соответствии с названием, критический дискурс-анализ предназначен для *критического* социального исследования, способствующего изменению несправедливости и неравенства в обществе. Чоулиараки и Фэркло определяют критический дискурс-анализ как *объяснительную критику*, заимствуя этот концепт у Роя Баскара[3].

Точки отсчета объяснительной критики — это проблема, которую исследование как раз и призвано помочь решить. Это может быть проблема, которую идентифицируют отдельные люди или группы в обществе, формулируя отсутствующую ранее потребность. Это может быть проблема, которую идентифицирует исследователь, желающий раскрыть "*искажение*" — несоответствие между реальностью и представлением людей об этой реальности, ставшее идеологией. Концепт "*искажение*" подразумевает, что исследователь имеет доступ к более адекватному описанию реальности, чем те люди, которых он изучает. Без такого доступа исследователь был бы не способен идентифицировать описания как искажения.

Многие социальные конструкционисты, включая нас, будут возражать против такого рода превосходства научных знаний, и мы продолжим более подробное обсужде-

---

[1] *См. также у Фэркло (Fairclough 2001) описание этапов исследования и инструментов, основанных на более современных версиях структуры Фэркло*

[2] *Fairclough, 1993; 1995a*

[3] *Roy Bhaskar 1986, Chouliaraki и Fairclough 1999: 33; Fairclough 2001: 235-236*

ние этой проблемы в главе 6. При идентификации проблемы дизайн исследования включает анализ дискурсивных и других социальных измерений, а также барьеров, которые могут возникнуть на пути их решения[1].

3. 5. 2. Формулировка основных вопросов исследования

Трехмерная модель Фэркло структурирует все компоненты дизайна исследования, включая формулировку вопросов исследования. Основной принцип состоит в том, что дискурсивные практики находятся в диалектических взаимоотношениях с другими социальными практиками: дискурс "встроен" социально.

Специфический характер дискурсивной практики зависит от социальной практики, которую она частично формирует. Поэтому при формулировке основных вопросов исследования мы начнем с социальной практики. Чтобы маркировать социальную практику и сформулировать вопросы исследования, необходимо взять за основу научную дисциплину или дисциплины, которые изучают интересующую нас социальную область. Этими дисциплинами, например, могли бы быть социология, социальная психология, политология или история. Благодаря одновременному привлечению дискурс-анализа возникает междисциплинарный анализ взаимоотношений между дискурсивной и социальной практиками. Одна из главных целей анализа — показать связи между дискурсивными практиками и более широкими социальными, культурными изменениями и структурами. Базовая посылка состоит с том, что дискурсивная практика не только отражает, но и активно способствует социальным и культурным изменениям.

---

[1] *Пятиэтапный план исследования для объяснительной критики (см. Chouliaraki и Fairclough, 1999: 59 и далее).*

На примере объявления о приеме на работу Фэркло исследует дискурсивную практику в одном университете, в контексте распространения консьюмеристской культуры в Британском обществе. В этом случае, распространение консьюмеристской культуры — это более широкая социальная практика, которая обеспечивает контекст для дискурс-анализа фактических текстов, объявлений о приеме на работу. Более точно, в этом примере изучается то, как "промоушн"-дискурсы содействуют распространению консьюмеристской культуры в университете — социальной области, которая раньше была организована согласно другим принципам[1].

3. 5. 3. Выбор материала для исследования

Выбор материала для исследования зависит от нескольких аспектов: от вопросов исследования, от знаний исследователя о релевантности материала для определенной социальной области или интересующего нас института, и также от того, как можно получить доступ к материалу.

В анализе Фэркло, который мы здесь представляем, используется широкий перечень различных материалов, но мы ограничимся лишь двумя рекламными объявлениями о приеме на работу: объявление Британского государственного университета, Ньюкасл-на-Тайне (пример 3.2), и объявление Политехнического университета Шеффилд Сити, недавно получившего этот статус (пример 3.3).

---

[1] *Как мы уже упоминали, Фэркло проводит различия между дискурсами, типами дискурсов и жанрами. В этом примере он использует оба термина, дискурс и жанр. Но в нашем описании его анализа, мы позволим себе сократить его терминологию и, главным образом, будем использовать термин "дискурс" для всех трех концептов.*

Пример 3.2. Объявление Политехнического университета Шеффилда.

«ПОВЛИЯЙТЕ НА БУДУЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Школа инженерного искусства

Мы, один из ведущих центров Великобритании с репутацией университета с высококлассным обучением и инновациями в исследованиях, влияем на будущее поколение новаторов и бизнес-лидеров в области инжиниринга — и Вы можете в этом помочь.

С Вашими амбициями, энергией и опытом, Вы будете преподавать как студентам старших курсов, так и аспирантам, получая преимущества от наших тесных связей с промышленностью и от инициативы в проведении прикладных исследований, повышая как свою, так и нашу репутацию.

Должность старшего научного руководителя. Технология экологического контроля транспорта

Заработная плата до £31,500, возможно существенное повышение при собеседовании.

Школа инженерного искусства известна своими нововведениями в технологии экологического контроля транспорта и является лидером в области исследований автомобилей.

Необходим лидер команды, который присоединиться к активной рабочей группе и поможет усилить наш успех.

На эту руководящую должность требуется выдающийся инженер, который может привнести свой опыт хотя бы в одно из направлений: транспортные загрязняющие выхлопы, гибридные средства передвижения, системы качественной вентиляции. В процессе преподавания студентам старших курсов и аспирантам Вам также предстоит включиться в обширные исследования и консультирование.

Кроме соответствующей квалификации, знаний технологии и производственного опыта, Вам необходимо обладать энергией, энтузиазмом и умением общаться, чтобы мотивировать свою команду.

Мы предлагаем отличную зарплату и социальный пакет, но, что более важно, идеальное окружение и возможность внести реальный вклад в будущее автомобильной инженерии.

Вы можете получить звание профессора, если будете соответствовать критериям.

Для неофициального собеседования позвоните, пожалуйста, профессору Девиду Тидмаршу — руководителю Школы инженерного искусства, по телефону (0742) 533389.

Формы заявлений и дальнейшую информацию можно получить по указанному внизу адресу. Справки — 40/92.

Преподаватели /старшие преподаватели / ведущие преподаватели

£10,949 — £28,851 в год

Технология производства

Специалисты в одной или более областях: обработка металлов и полимеров, нестандартное производство, влияние производства на окружающую среду. Справки — 43/92.

Операционный менеджмент

Специалисты в одной или более областях: экспертные системы, моделирование, базы данных, планирование и контроль производства. Справки — 44/92.

Промышленная экология (две должности)

Должность 1: специалисты в одной или более областях: химия загрязнения воздуха/воды, влияние геологии, гидрологии и экологии на окружающую среду, влияние транспорта на окружающую среду. Справки — 45/92.

Должность 2: специалисты в области электро-гидравлических систем контроля, автоматизации, PLC, шумов в окружающей среде, контроля шума, акустики, вибрации. Справки — 46/92.

Материаловедение: Институт исследования материалов

Требуется опытный ученый в области материалов или металлургии. Идеально, если Вы имеете соответствующую ученую степень, чтобы возглавить научно-исследовательскую работу научной групп по исследованию металлов и керамики. Исследовательская работа включает использование сканирующего электронного микроскопа и оборудования

для анализа поверхности, применяемого для решения ряда проблем металлургии. Справки — 47/92.

Для всех должностей: было бы превосходно, если бы Вы имели опыт работы на производстве дополнительно к ученой степени и свидетельствам Ваших достижений в исследовательской и/или консультационной деятельности. От Вас потребуется высокий уровень преподавания как при работе со студентами, так и при работе с аспирантами, а также энтузиазм и способность быть частью активной рабочей группы, инициировать и руководить исследованиями, консультационным проектами и короткими программами.

Если Вы чувствуете, что обладаете идеями и знаниями и можете повлиять на динамичную и развивающуюся среду, пожалуйста, присылайте резюме в отдел кадров, 3-й этаж.

Мы активно поддерживаем политику равенства возможностей и ищем людей, разделяющих наши взгляды.

Возможно совместительство. В этой области мало женщин, поэтому заявления от этой группы особо приветствуются.

Наш университет сотрудничает с промышленными и профессиональными объединениями.

Политехнический университет Шеффилда

ПЕРСПЕКТИВНОЕ БУДУЩЕЕ

Пример 3.3. Объявление Университета Ньюкасл-на-Тайне

Университет Ньюкасл-на-Тайне

Факультет английской литературы

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Принимаются заявления на место преподавателя на факультете английской литературы от кандидатов, специализирующихся в области позднего средневековья. Заявления принимаются с 1-го октября 1992 или в сроки, ближайшие к этой дате.

Зарплата соответствует уровню преподавателя по шкале А: 12,860 – 17,827 фунтов в год в зависимости от квалификации и опыта.

Дальнейшие подробности можно получить у директора по персоналу, инспектора по кадрам, университет Ньюкасл-на-Тайне, Кенсингтон Терраса, Ньюкасл-на-Тайне NEI 7RU. Резюме (3 копии) с именами и адресами трех рекомендателей необходимо заполнить прямо при них не позднее 29-го мая 1992.

Пожалуйста, укажите: 0726/THES

(18704) B9905

3. 5. 4. Транскрипция

В примере Фэркло нет транскрипции, поскольку его корпус материала не включает интервью или другие разговорные формы. Но если разговор используется в качестве материала, его, или, по крайней мере, его части, необходи-

мо транскрибировать. Что необходимо транскрибировать – необходимо решить, исходя из исследовательских целей. Это не только вопрос выбора, но также и вопрос интерпретации. Как отмечает Окс[1], транскрипция неизбежно является *теорией*, потому что процесс транскрипции включает интерпретацию разговорного языка[2].

Например, давайте представим беседу трех человек, в которой 80% времени говорит только один из них. Как отмечает Фэркло, мы можем представить это как "разговор", в котором каждый говорит по очереди, или как "монолог" с перебиванием и вмешательством других участников беседы. Если реплики участников беседы накладывается друг на друга, аналитик должен решить, кто кого прерывает. А если в записи есть паузы, необходимо решить, кому из собеседников следует их приписать.

Специалист в области дискурс-анализа должен выбрать между системами транскрипции; ни одна система не может показать все. Он должен решить, что требуется относительно основных вопросов исследования. Очевидно, что если цель – провести детальный микролингвистический анализ, необходимо использовать довольно детальную систему транскрипции как, например, система Гэйла Джефферсона (Ван Дейк использует ее как стандартную систему транскрипции во введении в дискурс-анализ). Но если предстоит сделать менее детальный текстовый анализ, будет достаточно системы, которая показывает паузы, периоды молчания и наложение реплик. Для этих целей может служить более простая версия системы Гэйла Джефферсона, которая часто используется в дискурсивной психологии[3].

[1] *Ochs, 1979*

[2] *Fairclough 1992b: 229*

[3] *Potter и Wetherell 1987; Wetherell и Potter 1992*

3. 5. 5. Анализ

В своей трехмерной модели, Фэркло проводит различие между дискурсивной практикой, текстом и социальной практикой, как тремя уровнями, которые можно аналитически разделить. В этом разделе на примерах рекламных объявлений о приеме на работу мы проследим то, что должен искать аналитик на каждом из трех уровней. В целях обучения мы проинтерпретируем каждый уровень вместо того, чтобы представить комбинированный анализ всех трех уровней, как это делается обычно в исследовании. Заметим, что Фэркло анализирует объявление Политехнического университета Шеффилд более глубоко, нежели объявление Университета Ньюкасл.

Дискурсивная практика

Предмет анализа дискурсивной практики — это то, как производится и потребляется текст. Есть несколько подходов к этому. Если, например, эмпирический материал — газетная статья, исследователь может изучить условия производства газеты: какие технологические процессы проходит текст, прежде чем выйти в свет, и какие изменения он претерпевает в течение этих процессов. Возможно, исследователь сможет проследить *интертекстуальную цепочку* текстов, где один и тот же текст может рассматриваться в ряду с различными версиями. При анализе интертекстуальной цепочки, можно увидеть, как трансформируются структура и содержание, и подойти к формулированию гипотезы о различных условиях производства, в которых субъектами являются различные версии текста[1].

С позиции потребления текста можно изучить аудиторию для того, чтобы выяснить, как читатели интерпретируют текст. К сожалению, очень немногие специалисты в области критического дискурс-анализа делают это.

[1] *Fairclough 1995b: 77*

В большинстве своих собственных исследований Фэркло не изучает способы производства или декодирования текстов с социологической позиции. Чаще всего он проводит анализ конкретных текстов с лингвистической точки зрения, определяя, на основе каких дискурсов созданы тексты (*интердискурсивность)*, и как они *интертекстуально* используют другие тексты.

Пример

Объявление о вакансии Политехнического университета Шеффилда содержит высокую степень интердискурсивности. Различные промоушн-дискурсы артикулируются вместе с традиционными дискурсами, образуя сложное интердискурсивное соединение. Один из промоушн-дискурсов — это "рекламный" дискурс. Это, например, артикулируется в заглавии "Повлияйте на будущее поколение" и в персонификации как читателя, так и самого университета (обращение "Вы" и "мы"). Используя персонификацию, реклама моделирует разговорный дискурс.

В тексте присутствуют явные элементы из "корпоративного рекламного" дискурса, например, в таких фразах, как "с нашей репутацией", а также и в логотипе. Дополнительно в объявлении используется повествовательный жанр, когда речь идет о воздействии университета на будущее поколение ("Мы, один из ведущих центров Великобритании с репутацией университета с высококлассным обучением и инновациями в исследованиях, влияем на будущее поколение новаторов и бизнес-лидеров в области инжиниринга").

Другие элементы интердискурсивного соединения — это дискурс о личностных качествах (например, "с Вашими амбициями, энергией и опытом") и менеджмент-дискурс ("обучение высокого качества и исследовательские новации"; "репутация"; "исследовательские инициативы"). В то же время, текст использует традиционные образователь-

ные дискурсы и элементы, общие для всех университетов и подобные университетским объявлениям, например, "Формы заявлений и дальнейшую информацию можно получить по указанному внизу адресу".

Напротив, объявление Университета Ньюкасл имеет низкую степень интердискурсивности. Относительно интертекстуальности, в каждом утверждении текст использует традиционный академический дискурс, артикулируя дискурс общепринятым способом.

Согласно теории Фэркло, высокий уровень интердискурсивности ассоциируется с изменением, в то время как низкий уровень интердискурсивности говорит о том, что текст просто воспроизводит установленный порядок. На этом этапе на основе анализа эмпирического материала мы делаем вывод, что объявление Политехнического университета Шеффилда — это проявление более широких социальных изменений, в то время как объявление Университета Ньюкасл поддерживает традиционный строй дискурса университетов.

Текст

С помощью детального анализа лингвистических характеристик текста, используя специальные аналитические инструменты, можно выяснить то, как дискурсы активируются текстом, как «подводят» и обеспечивают особую интерпретацию.

Фэркло предлагает несколько инструментов для анализа текста. Те, кто имеет лингвистическую подготовку, вероятно, узнают следующий перечень:

- интеракциональный контроль — отношения между собеседниками, включая вопрос о том, кто определяет тему беседы[1];
- этос — как посредством языка, мимики и жестов сконструированы идентичности;

[1] *Fairclough 1992b: 152*

- метафоры;
- выбор слов[1];
- грамматика.

Все эти инструменты проясняют способы, которыми тексты "трактуют" события и социальные отношения, и, как следствие, конструируют определенные версии реальности, социальной идентичности и социальных отношений.

Сейчас мы более подробно рассмотрим два важных грамматических элемента, *транзитивность и модальность*[2].

При анализе *транзитивности* в центре внимания находится связь событий и процессов с субъектами и объектами. Интерес представляет исследование идеологических последствий, которые могут иметь различные (грамматические) формы. Так, в предложении "50 медсестер были уволены вчера", используется страдательный залог и, следовательно, агент, совершивший действие, не упоминается. Увольнение медсестер представлено как естественное явление — что-то случилось без ответственного агента (например, администратора больницы). Структура предложения "освобождает" агента от ответственности за счет акцента на результате и игнорирования действия и процесса, которые и стали причиной события.

Другая лингвистическая особенность, которая уменьшает агентивность (значимость агента действия) и подчеркивает результат, — *номинализация.* Посредством этого существительное заменяет процесс (например, "в больнице было много увольнений").

---

[1] *Гегемонная борьба может происходить вокруг значений ключевых слов. Чтобы проанализировать это, можно использовать понятие "изменчивый знак" Лакло и Муфф. См. также Филлипс (Phillips, 1996, 1998) для получения информации об анализе ключевых слов и фраз при составлении и трансформации дискурса Тетчэризма*

[2] *В анализе транзитивности и модальности Фэркло опирается на критическую лингвистику (например, Fowler 1991; Fowler и другие. 1979). Однако он отрицает мнение, устоявшееся в критической лингвистике, рассматривающей аудиторию как пассивную, принимающую на веру идеологическое влияние текстов. Прагматику можно также отнести к этому типу анализа (см. например, Leech 1983; Mey 1993)*

Анализ *модальности* проясняет степени близости (персонификации) или вовлеченности говорящего в свое высказывание. Утверждения "холодно", "я думаю, что холодно" и "возможно, немного холодно" — это различные способы выражения своего отношения к температуре. А именно, они имеют различную модальность, посредством которой говорящие выражают различную степень убежденности в своем высказывании. Выбранная модальность влияет на дискурсивную структуру не только социальных отношений, но также знаний и систем значений.

Один из типов модальности — *истина*. Говорящий полностью убежден в своем утверждении. Например, утверждение "отвердение артерий поражает артерии почти всего организма"[1] представляет определенное утверждение знаний как истинное и неопровержимое, в то время как утверждение "отвердение артерий может поражать артерии почти всего организма" выражает меньшую степень уверенности, убежденности. Пример модальности, которая конструирует социальные отношения специфическим способом, — *разрешение*. Говорящий занимает позицию, на основе которой он может давать разрешение собеседнику что-нибудь сделать: "Несколько недель после того, как Вы стали победителем в соревнованиях, Вы не должны обращать на это внимания. Вы *можете* заниматься спортом, сексом, рожать и ходить на работу"[2].

Модальность также может быть выражена интонационно (например, нерешительный тон может выражать неуверенность в утверждении) или с помощью *уклонения от прямого высказывания (ответа)*. Говорящие уклоняются от прямого высказывания, когда они смягчают утверждение, и, тем самым, выражают невысокую причастность к нему.

---

[1] *Этот пример взят из Lcenge leve livet: en handbog om dit hjerte og kredslob. Hjerteforeningen 1994 [Живите долго: руководство о вашем сердце и кровообращении. Ассоциация Сердечно-сосудистых заболеваний]. Переводы и курсив в последней цитате наши*

[2] *Также из "Laenge leve livet: en handbog om dit hjerte og kredslob"*

Например, они могут использовать такие слова, как "хорошо" или "несколько". И вместо предложения "медицинское учреждение сделало это неправильно" используется "ну, возможно, они сделали только часть необходимого".

В различных дискурсах используют разные формы модальности[1]. Например, СМИ часто представляют интерпретации так, как будто они являются фактами, при этом они частично используют категоричную модальность и, скорее, предпочитают объективную, чем субъективную модальность. Например, они могут говорить "опасно", вместо того, чтобы сказать "мы думаем, что это опасно". С помощью категоричной объективной модальности СМИ подчеркивают и усиливают свой авторитет.

Пример

Чтобы проанализировать конструкцию идентичности и социальных взаимоотношений в объявлениях о приеме на работу, Фэркло исследует то, как эти объявления конструируют репрезентации читателя и института. Поскольку в объявлении университета Шеффилд выражена интердискурсивность, его текст содержит конфликтующие интерперсональные значения, которые соответствуют различным артикулированным дискурсам. Но это промоушн-дискурсы и, следовательно, доминирует их конструкция идентичности. Например, университет характеризуется номинализациями "преподавание высокого качества и исследовательские инновации"; "квалификация"; "исследовательские инициативы".

Продвижение определенной идентичности посредством таких номинализаций персонифицировано. В то же время, объявление "активно формирует" для претендента профессиональную идентичность, в соответствии с которой успешный претендент должен иметь определенный набор личных качеств — например "с Вашими амбициями,

[1] *Fairclough 1992b: 160*

энергией и опытом, Вы будете преподавателем". Таким образом, университет утверждает и свой авторитет, и авторитет идентичности претендента ("мы" и "Вы"), — это применяется и в отношении личных качеств, и условий работы, и процедуры подачи заявления. Обратите внимание, что персонификация университета и читателя стимулирует диалог, который способствует созданию личностных и партнерских отношений между университетом и претендентом.

Есть много подчиненных придаточных предложений с модальным глаголом "было бы" (например, " было бы превосходно, если бы Вы имели опыт работы на производстве"), обозначающих будущее и проявляющих высокую модальность причастности. Однако при этом нет явной модальности облигатива, как, например, "Вам *следует* иметь опыт работы на производстве". Предложения типа "Для всех должностей [...] *было бы превосходно,* если бы у Вас был опыт работы на производстве" уменьшают облигатив и сохраняют альтернативы поведения. Эта особенность также "продвигает" персонифицированные и партнерские отношения между университетом и претендентом.

В отличие от объявления Политехнического университета Шеффилда, институциональный тон объявления Ньюкасл безличный, консервативный и отстраненный. Анализ показывает, что традиционная структура объявлений для академических вакансий воспроизводится так: название, которое идентифицирует институт; основное название, которое относится к вакансии; информация о вакансии, зарплате и процедуре подачи заявления. Институт проявляет свою власть в условиях работы, процедуре устройства на работу с помощью изъявительных придаточных предложений, имеющие модальность с высокой причастностью, такие как "открыта вакантная должность" и "зарплата соответствует". Однако университет не заявляет о своей власти над идентичностью читателя, и поэтому попытка сконструировать профессиональную идентичность претендента отсутствует.

Что касается транзитивности, то в объявлении университета Ньюкасл есть два лингвистических элемента, которые способствуют продвижению безличных отношений между университетом и претендентом: пассивный залог и номинализация. В предложении "Принимаются заявления на место преподавателя " (вместо, "Мы приглашаем Вас на работу преподавателя") используется глагол в пассивном залоге (принимаются) без указания агента, не упоминается и сам институт. Номинализация "заявления" также используется без агента, и это означает, что потенциальный претендент отсутствует. Выбор формальных и устаревших слов способствует созданию безличной, отстраненной институциональной идентичности, что очень типично для старых университетских дискурсов.

Из анализа текстового измерения становится ясно, что тексты представляют два разных дискурса; каждый имеет собственные лингвистические особенности, которые конструируют социальные отношения между институтом и претендентом на вакансию различными способами.

Объявление университета Шеффилда "активно конструирует" идентичности и для института, и для претендента, и одновременно подразумевает, что обе стороны имеют равные позиции в отношениях. Напротив, объявление университета Ньюкасл сухо представляет условия, которым должен соответствовать претендент, чтобы его приняли, и "не вмешивается" в то, какой должна быть идентичность претендента.

Социальная практика

Теперь, после того как мы проанализировали объявление, рассмотрев его и как текст, и как дискурсивную практику, обратимся к более широкой социальной практике (текст и социальная практика — это ее части).

Существует два аспекта такой контекстуализации. Во-первых, необходимо исследовать отношения между дис-

курсивной практикой и порядком дискурса. К какой сети дискурсов принадлежит дискурсивная практика? Как дискурс распределяется и регулируется в текстах? Во-вторых, следует определить частично не дискурсивные, социальные и культурные отношения и структуры, которые конституируют более широкий контекст дискурсивной практики — *социальную матрицу дискурса* в терминах Фэркло[1]. Например, каким институциональным и экономическим условиям в целом подчиняется дискурсивная практика?

По мнению Фэркло, на такие вопросы нельзя ответить с помощью дискурс-анализа. Необходимо основываться на других теориях — например, социальной или культурологической теориях. Они как раз и прояснят исследуемую социальную практику

Так, проведение критического дискурс-анализа всегда включает междисциплинарную интеграцию различных теорий внутри одной мультиперспективной структуры исследования. Лингвистическая теория и анализ никогда не смогут в достаточной степени объяснить недискурсивные аспекты рассматриваемого феномена. Чоулиараки и Фэркло очерчивают способы плодотворного дополнения социального и дискурсивного анализа и указывают на формы недискурсивной аналитической теории, которые можно было бы использовать в структуре дискурс-анализа.

Различные дискурс-аналитические и не дискурс-аналитические теории, которые используются для выполнения отдельного исследовательского проекта, необходимо преобразовать в интегрированную теоретическую и аналитическую структуру. Они должны быть адаптированы друг к другу, а также к цели исследовательского проект[2]. В главе 5 мы более подробно обсудим проблемы и потенциальные преимущества мультиперспективного дискурс-анализа.

---

[1] *Fairclough 1992b: 237*

[2] *Chouliaraki и Fairclough 1999: 112 и далее*

Именно анализ отношений между дискурсивной практикой и более широкой социальной практикой позволяет сформировать заключительные выводы исследования. К этому этапу адресованы вопросы, связанные с социальными изменениями и идеологическими последствиями.

Воспроизводит ли дискурсивная практика порядок дискурса и поддерживает ли баланс социальной практики? Или же, наоборот, порядок дискурса трансформировался и, таким образом, способствовал социальным изменениям? Каковы идеологические, политические и социальные последствия дискурсивной практики? Усиливает ли дискурсивная практика неравные отношения власти, сложившиеся в обществе, или же она оспаривает позиции власти посредством новой репрезентации реальности и социальных отношений? Посредством таких выводов исследовательский проект превращается в политический и критический. Мы вернемся к этому аспекту в разделе "Результаты".

Пример

Интердискурсивное соединение промоушн-дискурса и традиционного университетского дискурса в объявлении Университета Шеффилд стирает границы между двумя дискурс-строями — дискурса высшего образования и бизнес-дискурса. Традиционные университетские дискурсы объединяются с промоушн-бизнес-дискурсами. Распространение промоушн-дискурсов среди других порядков дискурсов — движущая сила более широкого социального изменения, которое Фэркло назвал "коммерциализацией дискурса".

Если проанализировать связь объявления университета Шеффилда с другими социальными практиками в Великобритании, то применение промоушн-дискурса можно понять в свете гегемонного проекта Маргарет Тэтчер. В связи с этим проектом неолиберальный консьюмеристский дис-

курс (вместе с традиционным дискурсом консерваторов и популистским дискурсом) проник в социальную и политическую области, тем самым, способствуя социальным, культурным и политическим изменениям в Великобритании.

Чтобы выявить более широкие социальные процессы, которые включают также и недискурсивные силы, Фэркло основывается на современных теориях. Например, он использует теорию посттрадиционного общества Энтони Гидденса. В ней утверждается, что социальные взаимоотношения людей и идентичности вряд ли основаны на стабильных социальных позициях, а, скорее, создаются в процессе переговоров в повседневном взаимодействии[1]. В свете этой теории, объявление Университета Шеффилд можно рассматривать как отражение и катализатор изменений в направлении к посттрадиционному обществу. В то же время объявление Ньюкасл — пример воспроизводства традиционного университетского дискурса.

Для того чтобы проанализировать роль экспансии промоушн-дискурса в распространении консьюмеристской культуры и реструктуризации экономики "от производства к потреблению", Фэркло применяет теории культуры потребителя[2].

Если рассмотреть эти два объявления в более широком социальном контексте, можно обнаружить продолжающуюся борьбу за то, как должны функционировать университеты и как их должны воспринимать в современной Англии. С одной стороны — существуют силы, "продавливающие" переопределение университетов, благодаря которому они становятся институтами, где продукт продается, покупается и обсуждается.

Именно новый Политехнический университет, представитель одной из сторон этой борьбы, отчасти можно рассматривать в свете сильных исторических связей

[1] *Giddens 1991*

[2] *Featherstone, 1991; Wernick, 1991*

между политехническими институтами и бизнесом. Эти институты всегда значительно сильнее ориентировались на профессиональную квалификацию, чем традиционные университеты. По другую сторону борьбы находится старый университет Нью-Касл, который поддерживает границы между университетом и сектором бизнеса. Он воспроизводит более традиционное определение того, какими должны быть университеты.

3. 5. 6. Результаты

По мнению Фэркло, дискурс-аналитики должны рассматривать этические вопросы, связанные с использованием результатов их исследования в обществе. Исследователь должен осознавать риск того, что результаты могут стать ресурсом для социальной инженерии. Фэркло рассматривает такое использование результатов как проявление "технологизации дискурса".

Посредством "технологизации дискурса" исследование дискурса используют для изменения дискурсивных практик, а также для обучения людей новым формам дискурсивной практики, например, для подготовки бизнес-менеджеров.

Как уже говорили, цель критического дискурс-анализа как объяснительной критики состоит в продвижении эгалитарных и либеральных дискурсов и, тем самым, дальнейшей демократизации. Один из шагов в этом направлении – заставить людей осознать, что дискурс функционирует как форма социальной практики, которая отражает и усиливает неравное распределение власти. С этой целью исследователь может применить технический прием, который Фэркло называет *критическим осознанием языка*[1]. Крити-

---

[1] *Для иллюстрации того, как использовать критическое осознание языка в целях обучения, подробнее у Фэркло (Fairclough 1992a, 1995a: главы 9 и 10). Для быстрого знакомства с кратким описанием целей критического понимания языка в обучении СМИ, см. Fairclough (1995b: глава 10) о критической "граммотности" СМИ. Обсуждение критического обучения СМИ с точки зрения культурологии см. у Келлнера (Kellner, 1995).*

ческое осознание языка должно дать людям представление о сути дискурсивной практики, в которой они участвуют, когда используют язык и воспринимают тексты. Оно также должно прояснить то, как дискурсивная практика формируется, изменяет социальные структуры и распределение власти. Тренируя критическое осознание языка, люди могут лучше осознавать ограничения своей жизни, а также возможности для сопротивления и изменения[1].

Если исследователь стремится к продвижению такого развития, важно предоставить результаты таким образом, чтобы они были доступны людям, на которых направлено исследование. Если исследование показывает, что определенная группа людей контролирует процесс коммуникации, то другие группы должны иметь возможность использовать его результаты для развития форм коммуникации с равным распределением власти[2].

3. 6. Критические замечания

В заключение мы представим несколько комментариев о критическом дискурс-анализе — подходе Фэркло и методе в целом.

Среди различных подходов к критическому дискурс-анализу, Фэркло, на наш взгляд, создал наиболее продуманную структуру для анализа отношений между *использованием* языка и социальными практиками в целом. Основная проблема подхода Фэркло в том, что теоретические различия между дискурсивным и недискурсивным не получили ясного эмпирического подтверждения.

---

1 Fairclough 1992b: 239

2 Книга Фэркло о языке Нового Труда (2000) направлена на аудиторию как вне, так и внутри научных циклов. Таким образом, ее можно рассматривать как попытку распространить критическое осознание действия современного языка риторики в области политики

Как можно эмпирически показать, что нечто диалектически связано с чем-то другим? Где провести демаркационную линию между двумя (или более) вещами, которые находятся в диалектическом взаимодействии? И как точно показать, *где* и *как* недискурсивные моменты влияют и изменяют дискурсивные моменты — и наоборот? В отдельных исследованиях эта проблема часто дает о себе знать, когда более широкие социальные практики представлены как *фон* для практик дискурсивных. Например, анализ объявления о приеме на работу (университет Шеффилда) можно критиковать уже на том основании, что он "вводит" посттрадиционное общество потребления как объективную социальная реальность, которая в большей или меньшей степени отражена в других дискурсивных практиках. Следовательно, профиль дискурсивной промоушн-практики Шеффилдского политехнического университета соответствует духу времени, тогда как объявление Университета Ньюкасл представляет собой нечто антикварное и устаревшее.

Сам по себе анализ рекламных объявлений не дает каких-либо новых знаний или гипотез о больших социальных структурах. В конечном итоге, у нас очень мало оснований утверждать, что борьба еще не закончена, а дискурсивные практики до сих пор *работают*, чтобы менять социальный порядок. И это несмотря на то, что сам Фэркло делал упор на то, что дискурсы формируют социальный мир. Одна из причин этой проблемы, вероятно, в том, что Фэркло ограничился только единичными текстами. Значительно легче показать, как динамичные дискурсивные практики "участвуют" в конституировании и изменении социального мира, если проанализировать воспроизводство и трансформацию дискурса *через* набор текстов[1].

Один из способов решения этой теоретической проблемы (различий между дискурсивным и недискурсивным) — трактовать его скорее как *аналитическое*, чем

Chouliraki u Fairclough 1999: 51

эмпирическое различие. Как утверждают Лакло и Муфф, трудно провести точную границу между дискурсивным и недискурсивным. Взять, к примеру, экономику: следует ли ее рассматривать как недискурсивную систему со своей собственной логикой, отличной от логики создания значений. Или это скорее бесконечное число отдельных выборов (решений) людей, совершенных на основе приписывания значения, которые и составляют в сумме "экономику"?

Во втором случае экономику можно анализировать как дискурсивную практику, тогда как первая точка зрения привела бы к различным способам анализа экономики как недискурсивной системы. Следовательно, одна проблема в том, *где* проводить различие между дискурсивным и недискурсивным. Другая проблема в том, как исследователи с помощью дискурс-анализа могут проанализировать то, что (по крайней мере, частично) находится вне дискурса?

Лилли Чоулиараки[1] считает, что даже если мы можем иметь информацию о социальной реальности только через ее репрезентацию, мы все равно можем анализировать ее, *как будто бы* социальная реальность — это нечто большее, чем производство значений. Это значит — *то*, что исследователь называет недискурсивной логикой, и *то*, где находятся границы между дискурсивным и недискурсивным — это результат теоретического и аналитического выбора. Критический дискурс-анализ "способен" привлекать социальные теории, чтобы создать *карту* других частей области изучения, чем те, что включает специфический дискурс-анализ, без обозначения эссенциальной границы между дискурсивным и недискурсивным[2].

Ограничение теории Фэркло, как и других типов критического дискурс-анализа, — это теоретическая "слабость"

---

[1] *Lillie Chouliaraki, 2002*

[2] *В главе 5, мы приводим пример исследования, основанного частично на критическом дискурс-анализе. В нем проведены скорее аналитические, чем онтологические различия между дискурсивным и не дискурсивным. Различные социальные теории привлекаются для того, чтобы прояснить широкую социальную практику*

объяснения процессов формирования группы, субъекта и агентивности, включая вопрос *субъективации* и *субъективности* и вопрос, как часто люди используют контроль в процессе применения языка.

Фэркло подчеркивает, что дискурсы принимают участие в конституировании социальной идентичности и социальных отношений (дополняя знания и системы значений). Поэтому нельзя сказать, что Фэркло полностью отрицает эти социально-психологические аспекты, но они — слабое место его теории[1]. Этот недостаток критического дискурс-анализа Фэркло (как и других типов дискурс-анализа) усиливается дефицитом эмпирических исследований процесса потребления текстов (не опровергая его мнения о том, что люди активны в процессах интерпретации, а тексты полисемичны). Главным образом, исследования Фэркло состоят из анализа текста, несмотря на его настойчивость в комбинации текстового анализа и анализа *тексто-производства* и *тексто-потребления*[2].

В отличие от критического дискурс-анализа, игнорирующего социально-психологические аспекты, теория дискурса Лакло и Муфф обеспечивает глубокое понимание процесса дискурсивного формирования групп. Дискурсивная психология разработала хорошо продуманную теорию об индивидууме и социальном мире и эмпирически исследует применение языка как динамическую дискурсивную практику. В главе 4 представлена дискурсивная психология, а в главе 5 — построение структуры конкретного дискурс-анализа, сочетающего элементы теории дискурса, дискурсивной психологии и критического дискурс-анализа.

---

[1] *Описание понимания Фэркло роли дискурса в конструировании идентичностей и социальных отношений, см. у Фэркло (Fairclough, 1992a: глава 5). См. также Чоулираки и Фэркло (Chouliaraki и Fairclough 1999: глава 6) для более глубокого понимания субъекта с помощью концептов габитус и залог*

[2] *Fairclough 1995b: 33*

Вначале мы описали критический дискурс-анализ как одну (общую) школу. Однако если использовать более, чем один подход, безусловно важно осознавать различия между разными подходами внутри критического дискурс-анализа.

Важное различие между подходом Фэркло и другими критическими дискурс-аналитическими подходами в более выраженном постструктуралистком понимании дискурсивного и социального. Концепция дискурса как частично конститутивного составляет основу его эмпирического интереса к динамической роли дискурса в социальных и культурных *изменениях*. Напротив, в других подходах к критическому дискурс-анализу существует тенденция рассматривать дискурс как отражение лежащей в основе структуры социальных отношений и концентрировать эмпирические исследования на изучение роли дискурса в *социальном воспроизводстве*.

Главные различия, существующие между подходами к критическому дискурс-анализу, можно проиллюстрировать тем фактом, что дискурс-аналитический подход Ван Дейка тоже рассматривается как один из подходов к критическому дискурс-анализу. В отличие от большинства других подходов, в социо-когнитивном подходе Ван Дейка, *когнитивные структуры* рассматриваются как *опосредующие* социальные и дискурсивные практики (см. критический анализ когнитивизма в следующей главе). Более того, Ван Дейк считает власть не *продуктивной* (в смысле Фуко), а наоборот, *репрессивной*. Власть, по мнению Ван Дейка, всегда репрессивна, она служит интересам определенных групп и, как правило, навязывается пассивным субъектам. Эта концепция власти резко отличается не только от постструктуралистского понимания власти как продуктивной или же репрессивной (согласно Фуко), так и от концепции гегемонии Грамши, на которой базируется Фэркло (в ней власть — "договорная" в том смысле, что люди могут до не-

которой степени действовать как агенты, обладающие возможностями сопротивления).

Вследствие своего понимании власти Ван Дейк склонен отрицать возможности людей к сопротивлению. И хотя он разделяет существующий консенсус об активных интерпретаторах и полисемичных текстах, он все же склонен принимать идеологическое влияние текстов как само собой разумеющееся (например, то, что люди примут расистские высказывания).

Несмотря на это, большинство критических подходов к дискурсу действительно обладают важными общими особенностями. Подход Фэркло, французский структуралистский дискурс-анализ, социальная семиотика, анализ чтения и дисбургская школа — все они основываются на теории дискурса Фуко (также и подход Лакло и Муфф). Они рассматривают дискурс отчасти как конституирующий знания, субъектов и социальные отношения. В то же время, все эти подходы пытаются сделать дискурс-анализ *тексто-ориентированным.* То есть пытаются систематически анализировать использование языка как социальную практику — *фактические случаи использования языка* – относительно более широкой социальной практики, частью которой является дискурсивная практика. В этом они отличаются от Фуко и от более абстрактного дискурс-анализа Лакло и Муфф. И это одна из наиболее важных причин, по которой упомянутые подходы не стоят "под одной крышей" критического дискурс-анализа.

Но дискурсивная психология (тема следующей главы) также включает подробный текстовый анализ и, в общем, имеет много общего с критическим дискурс-анализом, хотя таким образом и не рассматривается. Если мы воспользуемся описанием ключевых характеристик критического дискурс-анализа Фэркло и Уодака, нам станет ясно, что дискурсивная психология тоже имеет необходимую квалификацию для "членства в этом клубе". Хотя при этом дис-

курсивная психология практикует скорее риторический, чем лингвистический анализ[1].

То, что дискурсивные психологи не рассматриваются как члены клуба — это, возможно, вопрос преданности своей научной дисциплине. Критический дискурс-анализ имеет лингвистические корни, в то время как дискурсивная психология возникла из социальной психологии. Как мы и предлагали (глава 1), можно рассматривать дискурс-анализ как строй дискурса, в котором различные подходы представляют собой различные дискурсы о языке, общении и обществе, и в котором некоторые дискурсы сильнее других. Границы дисциплин стали более свободными, но они не исчезли и играют роль относительно власти и влияния, которое может иметь тот или иной подход.

---

[1] Фэркло и Уодак отмечают, что не лингвистический подход, критические феминистские исследования относятся к критическому дискурс-анализу, но полностью его не охватывают (1997: 281)

4 Дискурсивная психология

Традиционно в социальной психологии доминировала когнитивистская парадигма, которая объясняла социальные психологические феномены в терминах *когнитивных процессов* — мышления, восприятия и логического обоснования[1]. Применяя, в основном, экспериментальные методы, исследование направлено на идентификацию универсальных когнитивных процессов как причин социального действия. Основной интерес привлекает социальное познание, понимаемое как ментальная обработка информации о социальном мире.

В этой главе мы рассмотрим социально-конструкционистские формы дискурс-анализа, которые были разработаны в социальной психологии как вызов и критика когнитивизма[2]. Дискурс-анализ стал одним из наиболее важных социально-конструктционистских подходов в социальной психологии (в дальнейшем мы используем *дискурсивную психологию* как обобщающий термин для этого подхода).

В когнитивистских подходах к языку письменную и устную речь рассматривают как отражение внешнего мира или как продукт ментальных репрезентаций, лежащих в их основе. В отличие от когнитивизма, дискурсивная психология трактует письменную и устную речь как

---

[1] *В оригинале используется reasoning (англ.) — процесс логического мышления, мнения и идеи, которые базируются на логическом мышлении (прим. науч. ред.)*

[2] *См. например, Edwards 1996; Edwards и Potter 1992; Gergen 1985, 1994a, 1994b; Potter и Wetherell 1987*

конструкцию мира, сориентированную на социальное действие[1].

Все социально-конструкционистские подходы разделяют структуралистскую и постструктуралистскую посылку (см. главу 1): язык — динамичная форма социальной практики, которая формирует социальный мир, включая идентичности, социальные отношения и понимание (представление) мира. Эта посылка приводит к представлению о том, что ментальные процессы и категории конституируются через социальную, дискурсивную практику, а не являются "внутренними", как в когнитивной психологии и психоанализе.

В этом дискурсивная психология отчасти основана на поздней философии Людвига Витгенштейна, в которой подчеркивается, что утверждения о психологических состояниях следует интерпретировать как *социальные практики*, а не как проявления глубинных "сущностей", стоящих за словами[2]. Высказывания сориентированы на действие в специфическом социальном контексте, и поэтому их значения зависят от особого применения, в которое "встроены". Таким образом, использование языка *контекстуально связано* или *оказионально* [зависит от условий применения]. Именно *использование языка* в этом смысле дискурсивные психологи определяют как *дискурс*.

В эмпирическом анализе дискурса как ситуативного использования языка, дискурсивная психология отличается от подходов когнитивной психологии, которые изучают абстрактные структуры языка (включая подход Хомского). Это также отличает ее и от структуралистских и постструктуралистских теорий дискурса (включая теории

---

[1] *Основные исследования в дискурсивной психологии включают исследования Биллига (Billig, 1992), Эдвардса и Поттера (Edwards и Potter, 1992), Поттер и Уетерелл (Potter, Wetherell, 1987), Шоттерп и Гергена (Shotter, Gergen, 1989), Уетерелл (Wetherell, Potter, 1992), Уидикомб и Уоффитта (Widdicombe, Wooffitt, 1995)*

[2] *Пример применения философии Витгенштейна смотреть у Эдвардса, Поттера (Edwards, Potter, 1992), Шоттера (Shotter, 1993) и Биллига (Billig, 1997)*

дискурса Фуко, Лакло и Муфф), которые не изучают отдельные случаи социальных интеракций.

В этой главе мы представим основные элементы дискурсивной психологии как теорию и метод исследования коммуникации, культуры и общества. Во-первых, мы опишем ее корни — это был вызов когнитивной социальной психологии. Мы не даем детального описания когнитивной социальной психологии, а скорее приводим краткий обзор ключевых аспектов подхода и дискурсивно-психологической критики этих аспектов. Цель — создать первоначальное впечатление о дискурсивной психологии, проследив ее корни в парадигматическом вызове когнитивизму. Аспекты когнитивной социальной психологии, которые мы выбрали, — это ее концепт "Я" и ментальных процессов; и две основных области исследования — исследование аттитюдов и групповых конфликтов. Мы выбрали эти ключевые моменты, поскольку они центральны для социальной психологии и релевантны для социального исследования в целом.

Во-вторых, мы представим социально-конструкционистские посылки, лежащие в основе дискурсивной психологии, очертим и сравним три различных направления в дискурсивной психологии. Вслед за этим, мы подробно остановимся на том, как дискурсивная психология рассматривает "Я" и идентичность. Мы также рассмотрим позицию дискурсивной психологии по отношению к *рефлексивности* в исследованиях и производстве знаний. Наконец, мы рассмотрим методы эмпирического исследования в дискурсивной психологии и приведем некоторые примеры применения дискурсивной психологии в дискурс-анализе.

В целом, мы основываемся на работах Джонатана Поттера и Маргарет Уэтерелл относительно теории, метода и эмпирического исследования, поскольку их работа сыграла ключевую роль в развитии дискурсивной психологии и обеспечила некоторыми полезными инструментами ис-

следования. В частности, их книга "Дискурс и социальная психология" (1987) сыграла решающую роль в возникновении дискурсивной психологии как вызова когнитивной психологии. В их работе "Картография языка расизма" (1992) представлено описание одного из наиболее обширных исследований в дискурсивной психологии. В нашем описании дискурсивной психологии мы будем постоянно обращаться к этой работе. Предмет их исследования — это дискурсы пакехов (*pakeha*, белых новозеландцев) о культуре Маори (*Maori*) и социальные последствия этих дискурсивных конструкций.

4. 1. Дискурсивная психология как вызов когнитивной психологии

4. 1. 1. "Я" и ментальные процессы

Когнитивная психология приписывает современной концепции *индивидуума* значение автономного, ничем не ограниченного агента с набором аутентичных характеристик. Индивид и общество рассматриваются как отдельные сущности, что подразумевает существование *дуализма* между индивидом и обществом. Социальный мир трактуется как информация, которую нужно обработать. Люди рассматриваются как изолированные "обработчики" информации, с помощью когнитивных процессов, они наблюдают за миром и, таким образом, аккумулируют структуры знаний и опыт, которые в последствии и управляют их восприятием мира.

Основная посылка когнитивной психологии состоит в том, что человек управляет массой информации о мире, используя когнитивные процессы, которые категоризуют мир особыми способами. Предположение, лежащее в основе этой посылки, — мир содержит так много информа-

ции, что человек не способен создать значение из хаоса, если он не использует категории. Категории рассматриваются как ментальные структуры, которые управляют нашими действиями[1]. Эта точка зрения построена *на перцептуализме* — на идее о том, что категоризация базируется на непосредственном эмпирическом опыте[2]. Мы наблюдаем мир *непосредственно* и на базе нашего восприятия конструируем ментальные структуры или репрезентации, которые затем используем для категоризации информации о мире.

В когнитивистском исследовании идентифицированы две ментальные репрезентации — *схемы* и *сценарии*. Сценарии содержат краткие описания обычных (повторяющихся) ситуаций, а также соответствующего уместного поведения человека. Например, студенты имеют сценарий того, что происходит на семинаре: Вы входите, садитесь, слушаете, возможно, задаете вопрос и стараетесь не заснуть. Затем этот сценарий обеспечивает студента руководством для действия.

"Теории *согласованности*"[3] представляют подход к процессу обработки информации, который был очень популярен до начала 1980-х и вызвал критику с позиции дискурсивной психологии.

Эти теории, включая "*теорию когнитивного диссонанса*" Луи Фестингера (1957), базируются на предположении о том, что люди стремятся к согласованности своего мышления. На основе определенного количества экспериментов Фестингер пришел к выводу: если человек испытывает *диссонанс* — то есть противоречие между двумя или более когнициями — у него возникает дискомфортное состоя-

---

[1] *Condor и Antaki 1997*

[2] *Пример применения философии Витгенштейна смотреть у Эдвардса, Поттера (Edwards, Potter, 1992), Шоттера (Shotter, 1993) и Биллига (Billig, 1997)*

[3] *В оригинале авторы используют consistency (англ.), что означает, кроме согласованности, последовательность, непротиворечивость, целостность (прим. науч. ред.)*

ние психологического напряжения и мотивация изменить когниции так, чтобы они снова стали согласованными. Например, если человеку недостаточно платят за его работу, то это можно рационально объяснить как очень полезный опыт — и это уменьшит его диссонанс.

В соответствии с этим подходом, различия между аттитюдами и действиями не считается чем-то обычным или естественным, а рассматриваются как психологически дискомфортные состояния. Что касается специально запланированной[1] коммуникации, например, теория когнитивного диссонанса предполагает: если слушатель или читатель не чувствует, что его коммуникативное мнение совпадает с мнением отправителя, то отправитель будет иметь проблемы с тем, чтобы быть воспринятым.

Социальные конструкционисты считали, что сторонники теории когнитивной согласованности, так же как и другие когнитивисты, недооценивают *социальную* природу психологических состояний, поскольку формируют свои объяснения на гипотезах об универсальных процессах. Майкл Биллиг[2] отмечает, например, что когнитивисты приняли универсальность этих процессов как само собой разумеющийся факт, вместо того, чтобы разобраться в них посредством кросс-культурных исследований. В дискурсивной психологии считают, что наши способы понимания и категоризации мира не универсальны, а исторически и социально специфичны, то есть *условны*. Более того, дискурсивные психологи приводят исследования, которые ставят под сомнения факты "когнитивной согласованности". Эти исследования показывают, что *вариации* в речи людей, из-за которых они противоречат сами себе, встречаются очень часто, а попытки достичь согласованности мнений (то есть уменьшить вариацию) — относительно редки.

---

[1] *В оригинале авторы используют planned (англ.), что означает "спланированная, целенаправленная, специально разработанная, спроектированная" (прим. науч. ред.).*

[2] *Michael Billig, 1982:141*

Понимать ли что-то как согласованное или несогласованное — зависит и от социальной ситуации, и от самого человека. Согласованность и несогласованность — это уже само по за себе *вариативное* состояние. А один из аспектов, который особенно интересует дискурсивных психологов, — это то, как согласованность и несогласованность используются в качестве риторических стратегий в ситуативном применении языка.

Предположение, что это универсальные, индивидуальные когнитивные процессы в основе индивидуального и коллективного действия, — общее для когнитивистского взгляда на человека как изолированного, автономного агента. Отличие между этой точкой зрения и социально-конструкционистским концептом "Я", как мы увидим позже, — ключевое для разграничения этих двух научных традиций.

4. 1. 2. Исследование аттитюдов

Исследования аттитюдов, основанные на когнитивизме, рассматривают аттитюды как *управляющие* действия людей *через* производство постоянных ментальных оценок окружающего мира. Важная цель исследования — увеличить возможность запланированной коммуникации (информационных кампаний) изменять аттитюды и установки. Реализации этой цели препятствует "проблема аттитюд/поведение" — конкретный аттитюд *не обязательно* вызывает поведение, соответствующее аттитюду. В изучении аттитюдов было предпринято несколько исследований, которые показали, что существует низкий уровень соответствия между аттитюдами людей и их действиями[1].

[1] Для критического обзора этой области см. Поттера (Potter, 1996a). В рамках коммуникативного планирования в КАР-исследованиях ("Knowledge, Attitudes, Practices") или КАВ-исследованиях ("Knowledge, Attitudes, Behaviour") применяется изучение мнений

В исследовании аттитюдов, теория "запланированного действия"[1] представляет попытку улучшить способность измерения аттитюдов, чтобы предсказывать действия. Желание человека вести себя особым образом (например, покупать органическую пищу) рассматривают как результат действия трех факторов: отношения человека к объекту действия (например, к органической пище); впечатления человека о том, что подумают об этом действии значимые другие, друзья или семья (нормативное измерение); управления своим действием (например, может ли позволить себе купить органическую пищу, или продает ли ее местный магазин). Такая модель предсказывает действия намного лучше, чем более ранние модели аттитюдов. Но сам факт того, что необходимо учитывать такой широкий перечень комплексных, нормативных факторов и факторов условий уменьшает применимость концепции аттитюда[2].

С позиции дискурсивной психологии, исследование аттитюдов "страдает" от определенного количества базовых проблем. Например, исследователи рассматривают каждый аттитюд как изолированную сущность, а не как часть более общей системы значения. Не сформулировано ни одной теории для того, чтобы объяснить способы, которыми связаны аттитюды человека. В своей критике этой проблемы Поттер точно формулирует ее с помощью метафоры:

> "В исследовании аттитюдов аттитюды рассматриваются как объекты, "рассеянные" в мозге подобно изюму во фруктовом пироге".

С проблемой, которую обозначил Поттер, связана другая проблема: в исследовании аттитюдов игнорируют то, как аттитюды конструируются в социальных интеракциях людей в повседневной жизни. И возможно еще бо-

---

[1] *Azjen 1988; Fishbein u Azjen 1975*

[2] *Для детального объяснения этих проблем смотреть Поттера (Potter, 1996a)*

лее важный момент — вариации, столь характерные для коммуникации людей совсем "не вяжутся" с идеей о том, что аттитюды просто отражают лежащие в основе универсальные когнитивные процессы и устойчивые структуры. Таким образом, социальные конструкционисты критикуют базовую посылку исследования аттитюдов: причины формирования тех или иных аттитюдов следует искать в индивидуальных когнитивных структурах. Напротив, они убеждены, что формации аттитюдов конституируются в *социальных действиях.*

4. 1. 3. Групповые конфликты

Когнитивные подходы к стереотипам и групповым конфликтам "пытаются" разобраться в типичных социальных психологических процессах, которые создают конфликты между группами. Одна из центральных идей состоит в следующем — когда люди становятся членами группы, они начинают себя с ней идентифицировать, смотрят на социальную реальность с этой позиции. Они начинают считать членов своей группы лучше участников других групп. Так, расизм и этноцентриз можно рассматривать как результат групповой принадлежности. Этот подход подразумевает, что вследствие универсальных ментальных процессов каждый человек действует более или менее одинаково.

Этот подход также содержит элемент *перцептуализма*, поскольку предполагает, что изменение стереотипов происходит только тогда, когда новая информация противоречит сложившимся стереотипам. Это означает, что если бы "жертвы" стереотипа действовали по-другому, то люди интерпретировали бы новую информацию нестереотипно. Следовательно, "жертвы" стереотипов рассматриваются как причины предубеждений, а предубеждения людей трактуются как неизбежные *эффекты* определенных стратегий обработки информации.

В дискурсивной психологии *теория социальной идентичности* рассматривается как один из наиболее плодотворных когнитивных подходов[1]. Теория социальной идентичности в отличие от других когнитивистских подходов подчеркивает, что конфликты между группами коренятся в особом социальном и историческом контексте. Однако эта теория сохраняет когнитивный аспект — она рассматривает категоризацию как психологический процесс. Цель — определить, что происходит с идентичностью людей, их оценками, восприятием и мотивацией, когда они взаимодействуют в группах.

Основная проблема в том, что когнитивные процессы людей меняются, поскольку самокатегоризация как участника группы приводит в большей степени к выражению социальной идентичности, чем индивидуальной; а при выражении социальной идентичности начинают действовать стереотипы. Представление о себе начинает базироваться на идеях относительно группы (например, что значит быть студентом, христианином или европейцем).

В соответствии с социальной теорией идентичности, самооценка человека "переплетена" с группой. Чтобы чувствовать себя хорошо, человек должен хорошо чувствовать себя в группе. В результате люди предпочитают собственную группу ("внутригрупповой фаворитизм") и начинают дискриминировать другие группы ("внегрупповая дискриминация"). Именно таким образом возникают конфликты между группами.

Дискурсивные психологи начали критиковать теорию социальной идентичности за те же самые проблемы, что и другие когнитивные подходы. Они подвергли сомнению посылку о том, что существует универсальный психологический процесс, который вызывает групповые конфликты. Как и в случае с теорией когнитивной согласованнос-

---

[1] *Тайфел (Tajfel, 1981) включает много ключевых текстов о теории социальной идентичности. Для краткого обзора смотреть также Абрамса и Хогга (Abrams, Hogg, 1990), а также Утерелл (Wetherell, 1996b) для критического чтения*

ти, теория социальной идентичности также не обеспечена результатами кросс-культурных исследований. Напротив, результаты кросс-культурных исследований показывают, что дети из другой культурной среды не дискриминируют другие группы таким же образом, как, например, это делают британские и северно-американские дети. Результаты исследований соответствуют социально-конструкционистскому предположению о том, что процессы идентификации и категоризации, составляющие основу социальной идентичности, имеют историческую и социальную специфику. Результаты показывают, что дискриминация групп отнюдь не обусловлена автоматической психологической связью между групповой идентификацией и конкуренцией между группами, а обусловлена интерпретацией групповых отношений на базе культурных структур понимания. Именно этот культурно обусловленный процесс интерпретации определяет, приведет ли идентификация с группой к "внутригрупповому фаворитизму" и "внегрупповой дискриминации" или вообще будет иметь другой результат.

4. 1. 4. Позиция дискурсивной психологии: резюме

В отличие от когнитивизма, социальный конструкционизм, включая дискурсивную психологию, "говорит в пользу" *социального конструирования* аттитюдов, социальных групп и идентичностей. Социальный конструкционизм отклоняет когнитивистскую попытку объяснить отношения и поведение в терминах, лежащих в основе универсальных ментальных состояний или процессов. Вместо того чтобы рассматривать психологические процессы (включая и процессы социальной классификации) как частные ментальные действия, произведенные в процессе индивидуальной обработки информации, социальные конструкционисты

понимают их социальные действия. Более того, они не рассматривают аттитюды как устойчивые ментальные диспозиции (индивидуальные особенности), а считают их продуктами социально интеракции.

В соответствии с дискурсивной психологией, язык не просто выражает опыт; скорее, язык также *конституирует* и опыт, и субъективную психологическую реальность[1]. В следующем разделе мы подробно обсудим социально-конструкционистский подход дискурсивной психологии и его понимание "Я" и идентичности.

4. 2. Социальный конструкционизм и дискурсивная психология

Как мы упоминали в главе 1, социальные конструкционисты считают, что способы нашего понимания и категоризации мира в повседневной практике — это не прозрачное отражение мира "вне" нашего, а продукт исторически и культурно специфического понимания мира, и поэтому они условны. Эти способы понимания мира созданы и поддерживаются посредством социальных интеракций людьми в повседневной жизни. Эта точка зрения базируется на *антиэссенциализме*: то, что социальный мир конструируется социально, означает, что его характер изначально не предопределен и не задан заранее, и что люди не имеют внутренних "сущностей" — набора врожденных, аутентичных и неизменных характеристик[2].

Согласно подходу дискурсивной психологии, дискурсы *не описывают* внешний мир "за пределами нашего", как описывают схемы и стереотипы в когнитивистском подходе. Скорее, дискурсы *создают* мир, который кажется говорящему реальным или истинным. Как мы уже го-

[1] *Potter u Wetherell 1987; Shorter 1993; Wetherell 1995*

[2] *Для сравнения эссенциалистских и неэссенциалистских взглядов на идентичность см. Вудварта (Woodward, 1997: 1 и далее)*

ворили в главе 1, это постструктуралистская точка зрения. Язык не рассматривается как канал, который прозрачно передает заранее существующую психологическую реальность, которая является базой для опыта. Скорее, субъективные психологические реальности *конституируются посредством дискурса, определяемого как ситуативное использование языка* или *использование языка в повседневных текстах и речи*.

Утверждения о психологических состояниях скорее следует интерпретировать как социальные, дискурсивные действия, чем как выражение более глубоких "сущностей", стоящих за словами. Мы придаем значение опыту с помощью доступных слов, при этом *результирующие значения* участвуют в производстве опыта скорее, чем остаются его простым описанием или следствием какого-то события. Как утверждают Поттер, Стрингер и Уэтерелл, дискурс "конструирует" реальность, в которой мы живем.

Идея о том, что реальность, в которой мы живем, формируется дискурсивно, отнюдь не означает, что в дискурсивной психологии социальные явления не имеют материальных аспектов, или что вне дискурса не существует физической реальности. Согласно Лакло и Муфф, дело в том, что социальные явления только получают значение в общении людей, и что *инвестиции в значения* тех или иных явлений участвуют в создании объектов и субъектов. Уэтерелл и Поттер подчеркивают это в своем исследовании дискурсивной практики в Новой Зеландии:

> "Новая Зеландия не становится менее реальной из-за того, что конституируется дискурсивно — если Ваш самолет врежется в холм, Вы все равно погибнете, независимо от того, считаете ли Вы, что холм — продукт вулканического извержения или застывшая форма мифического кита. Однако материальная действительность не становится менее дискурсивной из-за того, что мы можем летать на самолетах. То, как рас-

> сматривать эти смертные случаи [...] и что считать их причиной, — конституируется через нашу систему дискурсов[1]".

В отличие от Лакло и Муфф, большинство дискурсивных психологов утверждают, что условия существования социальных событий, отношений и структур лежат за пределами дискурса. Например, они утверждают, что национализм формируется не только с помощью дискурсов, но также и через государственное принуждения и материальную силу, которые в то же самое время конструируются внутри дискурса как нечто *значимое*. Так, дискурсивная психология "помещает" определенные социальные практики за пределы дискурса, хотя при этом в ней не проводится четких различий между дискурсивными и не дискурсивными практиками, как это сделано, например, в критическом дискурс-анализе.

Дискурсивная психология также отличается от теории дискурса Лакло и Муфф тем, что отклоняет постструктуралистскую тенденцию анализировать дискурсы как абстрактные явления, а не как ситуативные и окказиональные социальные практики.

> "Исследование дискурса может [...] стать чем-то очень похожим на геологию тектонических пластов — пласты/дискурсы "яростно трутся" друг о друга, вызывая землетрясения и извержение вулканов, а иногда они спокойно "скользят" один по другому. Дискурсы стали рассматриваться как *потенциальные причинные агенты*, имеющие свои собственные права. Интерес представляют процессы работы одного (абстрактного) дискурса внутри другого (абстрактного) дискурса, или предложения или "утверждения" о дискурсах, работающих автоматически и согласованно, чтобы произвести объекты и субъекты"[2].

[1] *Wetherell и Potter 1992:65*

[2] *Wetherell и Potter 1992: 90, см. также Potter, 1996b: 87*

Дискурсивная психология заимствует постструктуралистское понимание "Я", как дискурсивного субъекта, но только в модифицированном форме, поскольку также "присоединяется" к интеракционистской позиции: люди активно используют дискурсы как *ресурсы* и, следовательно, люди не только производят дискурсы, но и сами являются *продуктами дискурсов*.

4. 3. Различные направления дискурсивной психологии

Хотя дискурсивные психологи, в целом, дистанцируются от абстрактного концепта дискурса (например, как Лакло и Муфф), предпочитая более интеракционистскую позицию, у них нет согласия в том, как "балансировать" между широкой циркуляцией паттернов значений в обществе, с одной стороны, и производством значений, возникающим в специфическом контексте, с другой стороны.

Мы проведем различия между тремя течениями дискурсивной психологии. В этом разделе мы "очертим их контуры" как различающихся подходов внутри области дискурсивной психологии в отношении теории и эмпирического исследования. Кратко эти три различных течения можно представить следующим образом:

- постструктуралистский подход, основанный на теории Фуко о дискурсе, власти и субъекте;
- интеракционистский подход, который построен на конверсационном анализе и этнометодологии;
- синтетический подход, который объединяет два предыдущих подхода.

Различия между этими тремя направлениями можно проиллюстрировать с помощью континуума (глава 1, рис. 1.2). С правой стороны расположены подходы, в которых исследователь идентифицирует абстрактные дискурсы без детального изучения их использования

в различных социальных контекстах. С левой стороны расположены подходы, в которых исследователь изучает детали использования языка как действия в социальной интеракции без систематического анализа связей между деталями и широкими социальными, культурными процессами и структурами. Первый подход относится к правой части континуума, второй — к левой части, а третий — занимает среднее положение.

Предмет первого, поструктуралистского подхода (самого близкого к наиболее абстрактному концепту дискурса) — как люди понимают мир, как создаются и изменяются идентичности в специфических дискурсах, и каковы социальные последствия этих дискурсивных конструкций[1].

Второй подход (интеракционистский) анализирует ориентацию текста и речи в социальной интеракции на действие. Применяя конверсационный анализ и этнометодологию, этот подход "изучает", как *производится* социальная организация через речь и интеракцию. Исследователь анализирует диалоги людей как проявление мира, который участники создают сами. Цель исследователя — сохранить собственный теоретический подход к миру вне анализа. Это можно рассматривать как некий "наскок" на эмпирический материал, чтобы применить фреймы понимания и объяснения, не тематизируя их так, как это делают информанты[2].

В третьем подходе постструктуралистский интерес к тому, как специфические дискурсы конституируют субъекты и объекты, комбинируется с интеракционистским интересом к тем способам, с помощью которых дискурс людей

---

[1] См., например, Холлвэя (Hallway, 1984, 1989) и Паркера (Parker, 1992)

[2] См., например, Антаки (Antaki, 1994), Антаки и Уидикомб (Antaki и Widdicombe, 1998), Уидикомб и Уоффитта (Widdicombe, Wooffitt, 1995). Для краткого введения в этнометодологию и конверсационный анализ см., соответственно, Уотсона (Watson, 1997) и Хэритэдж (Heritage, 1997, 2000). Для краткого обзора этнометодологии см. Хэритэдж (Heritage, 1984) и для описания конверсационного анализа см., например, Хэритэдж (Heritage,1984), Сакса (Sacks, 1992), Тэн Хавэ (Ten Have, 1999) и Уоффитта (Wooffitt, 2001)

сориентирован на социальное действие в специфических контекстах интеракций[1]. Одинаковый акцент на двух вопросах: что люди делают со своим текстом и речью и какие дискурсивные ресурсы они используют в своих практиках. Вместо концепта "дискурс" часто используется концепт *интерпретативный репертуар*, чтобы подчеркнуть, что дискурсы используются в социальном взаимодействии как гибкие ресурсы. Сторонники этой синтетической точки зрения отделяют себя как от постструктуралистского дискурс-анализа, так и от конверсационного анализа. С одной стороны, они критикуют постструктуралистский дискурс-анализ за *материализацию дискурсов* — интерпретацию их как сущностей "вне этого мира" — и за отрицание ситуативного использования языка[2].

В постструктуралистском дискурс-анализе определенных областей (например, таких как секс, политика и СМИ) считается, что дискурсы — это некие монолитные структуры, которым подчиняются люди. При этом недостаточно внимания уделяется тем способам, с помощью которых речь приобретает определенную форму и изменяется в зависимости от контекста интеракций; в этом контексте происходит разговор, и он на него сориентирован[3].

С другой стороны, они считают, что конверсационный анализ, как его практикуют в конверсационном анализе и в "чистом" интеракционистском подходе в дискурсивной психологии[4], отрицает более широкие социальные и

---

[1] *Например, Поттер и Уэттерелл (Potter, Wetherell, 1987), Уэттерелл и Поттер (Wetherell, Potter, 1992), Филипс (Phillips, 2000a, 2000b), и Поттер и Ричер (Potter, Reicher, 1987)*

[2] *Например, Wetherell 1998*

[3] *О критике постструктуралистского дискурс-анализа с позиции конверсационного анализа см. Щеглофф (Schegloff, 1997)*

[4] *Отметим, что эта критика направлена скорее на область конверсационного в целом, чем исключительно на его использование с позиции интеракционизма в дискурсивной психологии. Мы считаем, что критический анализ также относится к точке зрения интеракционизма в дискурсивной психологии. См., например, наше обсуждение Уидикомб и Уоффитта (Widdicomb, Wooffitt, 1995) далее в этой главе*

идеологические последствия использования языка[1]. Эти последствия, как утверждают сторонники синтетического подхода, например, Уэтерелл и Биллиг, можно и необходимо исследовать, применяя социальную теорию дополнительно к конверсационному или дискурс-анализу.

Конверсационные аналитики исключают эту возможность на том основании, что объектом своего анализа считают производство смысла самими участниками разговора, а не интерпретации этого разговора в терминах более широкого социального паттерна. Однако, согласно Биллигу, заявление о производстве исследования собственных представлений участников, свободных от "аналитических загрязнений", — это выражение эпистемологической наивности, оно нежелательно с позиции критического исследования.

Весь анализ мира, как отмечает Биллиг, базируется на особых предположениях — следовательно, невозможно полностью понять речь людей, если пользоваться только их собственными терминами. Дополнительно необходимо задействовать систематизированную теорию социального (а также и скрытые предположения), чтобы провести критическое исследование роли повседневного разговора по отношению к более широким вопросам социальной практики и власти — этот тип исследований был предпринят в синтетическом подходе[2].

Хотя мы будем ссылаться на первые два направления в случае рассогласования между тремя направлениями дискурсивной психологии, все же основное внимание в этой главе мы уделим третьему (синтетическому) подходу, в частности, работам Поттера и Уэтерелл. Их подход занимает

---

[1] *Тексты Биллига (Billig, 1999a, 19990) составляют часть критического диалога со специалистом в области дискурс-анализа Эммануэля Щеглоффа. Биллиг (Billig, 1999a) представляет критический комментарий к анализу Щеглоффа постструктуралистского дискурс-анализа (Schegloff, 1997). (См. Schegloff, 1999a, 1999b) — возражения Биллигу*

[2] *См. главу 6 о более широком обсуждении различных социально-конструктивистских позиций относительно критического исследования*

центральное место в развитии дискурсивной психологии и предлагает особо полезные и широко используемые инструменты для исследования коммуникации, культуры и языка. Дальше мы изложим их представление о дискурсах как "*интерпретативных репертуарах*". И в конце главы мы приведем пример эмпирического анализа дискурса *пакехов* (белых новозеландцев) о культуре *Маори* (проведенного Поттером и Уэтерелл, 1992). Это пример эмпирической работы в рамках подхода, который привлекает конверсационный анализ и этнометодологию.

4.3.1. Интерпретативные репертуары

Центральное место в модели Поттера и Уэтерелл занимает представление о дискурсах как "интерпретативных репертуарах", которые используются в качестве ***гибких*** *ресурсов* в социальных интеракциях. Цель — глубже разобраться в вопросах коммуникации, социального действия, формирования "Я", "Других" и мира. Поттер и Уэтерелл анализируют, как сконструирован дискурс относительно социального действия; как люди конструируют свои представления о мире в процессе социальных интеракций; как их представления функционируют идеологически для того, чтобы поддерживать формы социальной организации, основанной на неравном распределении власти.

Поттер и Уэтерелл определяют дискурс несколькими способами: как все типы вербальных интеракций и письменных текстов, как значения, разговоры, нарративы, объяснения, описания и анекдоты. В своем эмпирическом исследовании дискурса *пакехов* в Новой Зеландии они используют словосочетание "интерпретативный репертуар" вместо "дискурса", чтобы подчеркнуть, что использование языка в ежедневной жизни гибкое и динамичное. Интерпретативный репертуар состоит из "ограниченного числа терминов,

которые используются специфическим стилистическим и грамматическим способом", или, как они пишут:

> "Под *интерпретативным репертуаром* мы понимаем хорошо узнаваемые кластеры терминов, описаний и фигур речи, часто организованные вокруг метафоры или ярких образов[1]".

Каждый репертуар обеспечивает ресурсы, которые люди могут использовать для конструирования версий реальности. В то время как Поттер и Уэтерелл подчеркивают, что термин "дискурс" можно использовать для описания этого же процесса — они время от времени так и делают в своих исследованиях, — однако сами предпочитают использовать концепт "интепретативный репертуар". Они делают это, чтобы дистанцировать себя от представления о дискурсе как об абстрактном, материализованном феномене, как мы уже говорили. Вместо этого они подчеркивают, что люди активно используют дискурсы как гибкие ресурсы для придания формы социальным действиям в текстах и речи. Как гибкие ресурсы, интерпретативные репертуары, в то же самое время, — это идентифицируемые сущности, которые репрезентируют иные способы наделения мира значениями *и* изменчивыми формами, которые подвержены преобразованиям при риторическом использовании.

> "Рассмотрение конструкции, например, "культура-как-наследие", в качестве интерпретативных репертуаров дает преимущество — это предполагает существование доступной "хореографии" интерпретативных движений — подобных движениям конькобежца — из которых можно выбрать те, которые наиболее эффективно подходят контексту. Это подчеркивает и гибкость обычного использования язы-

[1] *Potter и Wetherell 1992:90*

> ка, и то, что интерпретативные ресурсы *организованы вместе, неким развивающим способом*. Видно, как в исследованиях об использовании дискурсов разрушается "тектонический образ[1]".

Цель анализа состоит *не* в том, чтобы категоризировать людей (например, на националистов, расистов или "зеленых"), а в том, чтобы идентифицировать дискурсивные практики, *через* которые эти категории конструируются. Нельзя ожидать от людей согласованности, скорее можно ожидать, что их тексты и разговоры *меняются*, поскольку они задействуют *различные* дискурсы в *различных контекстах. Таким образом, в анализе также сделан акцент* на содержании дискурсов в социальных интеракциях как на том, что важно само по себе, а не только как отражение психологических процессов, лежащих в их основе. Этот подход, как мы уже отмечали, сочетает постструктуралистский акцент на способах, с помощью которых специфические дискурсы (как интерпретативные репертуары) конституируют субъекты и объекты, с интеракционистским акцентом на способах, с помощью которых дискурсы людей сориентированы на социальное действие в определенных контекстах.

В связи с тем, что отправная точка подхода Поттера и Уэтерелла — генеалогическая теория Фуко, они не заинтересованы в выяснении того, являются ли интерпретативные репертуары истинным или ложным отражением реальности. Их интерес — это анализ практик, через которые эти репертуары конструируются, воспринимаясь как истинные или ложные. Они анализируют то, как описания людей самих себя, своего опыта и событий устанавливаются как устойчивые, реальные и стабильные, и как конкурирующие описания "попадают в разряд" ложных или искаженных. Но в отличие от Фуко — и в соответствии с критическим дискурс-анализом, — они интересуются

[1] *Potter u Wetherell 1992:92*

идеологическими эффектами описаний. Они определяют *идеологию* как дискурсы, которые категоризируют мир так, что легитимизируют и поддерживают социальные паттерны. Они отвергают понимание *идеологии* как "ложного сознания", а *власти* — как собственности определенных людей или групп. Как и в критическом дискурс-анализе, они рассматривают идеологию как практику, а ее влияние считают распределенным и организованным дискурсивно. Об идеологическом содержании дискурса можно судить по его *эффектам*. Цель — продемонстрировать, что эффект определенных дискурсов состоит в продвижении интересов одной группы за счет интересов другой.

4. 4. Взгляды, самости и идентичности

Как мы уже говорили, дискурсивная психология базируется на социально-конструктивистской посылке: *самость* человека — это не изолированная, автономная сущность, она, скорее, находится в постоянном динамическом взаимодействии с социальным миром[1]. Взгляды, самости и идентичности формируются, обговариваются и приобретают новую форму в социальных интеракциях[2]. Дискурсивные психологи (отчасти на основе работ Бахтина, Мида и Выготского) рассматривают взгляды и самости как сущности, сконструированные *через* интернализацию социальных диалогов. Например, в соответствии с риторической психологией Майкла Биллига, каждое мнение — это скорее позиция в споре, а не изолированная индивидуальная оценка. Эта точка зрения базируется на риторической

[1] Об обзоре социально-конструкцинистских подходов к самости см. Уэтерелл Мэйбен (Wetherell, Mayben,1996). Основные подходы представлены у Гергена (Gergen,например, 1991, 1994a, 1994b), Харра (Harr, например, 1983) и Харра и Джиллетт (Harr, Jillett,1994)

2 Например, Брандсон (Brundson,1991) и Уолкердин (Walkerdyne, 1990, 1993) исследовали социальную конструкцию гендера

модели мышления Михаила Бахтина. Бахтин считал, что мысль — это внутренний диалог, возникающий в результате интернализации общественной дискуссии[1].

Социальные диалоги, которые формируют основу самости, "сделаны" из культурных нарративов и дискурсов, которые "помещают" людей в особые социальные категории, такие как пол. Дети развивают смысл своего "Я" с помощью интернализации своего позиционирования в категориях внутри различных нарративов и дискурсов. Слушая описания мира, дети обучаются говорить о себе и других (включая мысли и эмоции) соответствующим способом. Через истории, которые дети рассказывают, они репрезентируют, "апробируют" и договариваются об аспектах "Я". "Я" не формируется раз и навсегда в детстве, "Я" находится в постоянном процессе конструирования на протяжении всей жизни человека через участие в нарративных и дискурсивных практиках в социальном взаимодействии. Благодаря такому пониманию "Я" различие между внешним и внутренним психологическим миром человека "смягчается". "Я" рассматривается как относительное и распределенное:

> "Человек, сознание, взгляды и "Я" рассматриваются как социальные — от начала до конца. Вследствие этого нет смысла спрашивать, что детерминировано "изнутри" и что — "извне" [...]. "Я" в этом подходе — это не тот объект, который можно описать раз и навсегда, а рассматривается как непрерывно меняющаяся и подвижная история отношений[2]. Джером Брунер прекрасно подмечает этот момент, когда говорит о том, что "Я" следует рассматривать как *фрагментарную* и *не локализованную* сущность, — это бильярдные шары, которые непрерывно "разбегаются",

[1] *Бахтин, 1981*
[2] *Gergen 1991, 1994*

изменяются, группируются и перегруппировываются в изменчивой социальной области[1]".

Как мы уже говорили, дискурсивная психология отвергает модернистскую идею о том, что самость человека состоит из единственной устойчивой идентичности, вместо этого рассматривает "Я" как множественные, дискурсивно конституированные идентичности[2]. Хотя дискурсивные психологи и разделяют мнение о том, что идентичности формируются через те способы, с помощью которых люди *позиционируют* себя в текстах и разговорах повседневной жизни, все же они отличаются своим специфическим пониманием дискурсивной конструкции идентичности. Различия базируются на трех основных направлениях в дискурсивной психологии, которые мы представили раньше (стр. 114 – 116).

С интеракционистской позиции, в теоретических рассуждениях и эмпирических исследованиях идентичности рассматриваются как ресурсы, которые люди используют для выполнения речевой задачи[3]. Здесь акцент – на способах использования отдельных идентичностей в разговоре в неком специфическом контексте для выполнения социальных действий, таких как легитимизация особой установки. В отличие от этого подхода, два других направления в дискурсивной психологии – постструктуралистский подход и подход, сочетающий постструктуралистский и интеракционистский подходы – определяют и анализируют специфические способы разговора, в который "встроены" идентичности как некие *дискурсы*, структурирующие и задающие границы разговора в контексте взаимодействия. В постструктуралистском подходе Фуко идентичности рас-

---

[1] *Wetherell и Maybin 1996; 222; курсив в оригинале*

[2] *Как мы упомянули в главе 2, Лакло и Муфф также согласны с этим представлением об идентичности, которое можно рассматривать как постструктуралистское*

[3] *Например, Antaki и Widdicomb 1998*

сматривают как продукт субъектных позиций внутри дискурсов[1]. Один из сторонников этого подхода в социологии, Стьюарт Холл, на которого ссылаются многие дискурсивные психологи, раскрывает эту концепцию идентичности следующим образом:

> "Я использую "идентичность", чтобы обозначить [...] "момент встречи" Это встреча между дискурсами и практиками, которые "апеллируют", говорят с нами или "обращаются" к нам как социальным субъектам отдельных дискурсов, с одной стороны, и процессами, которые производят *субъективности*", с другой стороны. Таким образом, идентичности — это моменты временного "прикрепления" к субъектным позициям, которые сконструированы в дискурсивной практике"[2].

Третье направление (включает постструктурализм в комбинации с интеракционизмом) трактует идентичность как продукт специфических дискурсов *и* как ресурс для социальных действий при интерактивном разговоре. В этом направлении концепт *позиционирования* разрабатывали такие теоретики, как Дэвис, Харрэ, Лангенхов[3].

Позиционирование рассматривается как неотъемлемая часть процессов, с помощью которых люди конструируют мнение о себе при взаимодействии с другими людьми. Здесь эти процессы понимаются как процессы переговоров, поскольку люди активно занимают позицию в различных, а иногда конкурирующих, дискурсах. Люди трактуются *и как* продукты определенных дискурсов, *и* "производители" *разговора* в специфических контекстах, так что они и *субъекты* дискурса, и *агенты* в социальном и культурном воспроизводстве и изменении. Они ограниче-

---

[1] *Например, Hollway 1989; Parker 1992*

[2] *1996 Hall: 5f*

[3] *Например, Davies и Harre 1990; Harre и Langenhove 1999*

ны словами, которые существуют как ресурсы для коммуникации, но используют их как гибкие ресурсы при аргументации, комбинируя по-новому, — таким образом, они могут вносить вклад в социальные изменения.

И постструктуралистский подход, и подход, который комбинирует постструктурализм и интеракционизм, подчеркивают, что в последнее время идентичности стали еще более фрагментарными и непостоянными, поскольку они сконструированы *сквозь* множество противоречивых и часто антагонистических дискурсов[1].

Там, где раньше такие измерения, как нация, класс, пол и семья функционировали как центральные категории, придавая форму другим идентичностям, сейчас существует широкий перечень *центров*, который производит противоречивые идентичности. Например, идентичность "христианин" может противоречить идентичности "феминистки" или "рабочего". Идентичность "потребителя" может противоречить идентичности "экологически сознательного".

Как потребитель, человек может иметь субъектную позицию в "консьюмеристском" дискурсе, который защищает индивидуальную свободу выбора и принцип "качество соответствует цене". Но эта субъектная позиция может конфликтовать с"экологическим" дискурсом, где шоппинг — это способ сохранить коллективное богатство, окружающую среду. Идентичность "зеленый потребитель" может появиться как результат позиционирования человека в гибридном дискурсе, в котором и консьюмеристский и "экологический" дискурс артикулируются вместе. Это можно рассматривать как часть "политики идентичности", где традиционные и устойчивые отношения, основанные, например, на социальном классе, семье или нации, сменились новыми, нестабильными идентификациями, частично

---

[1] *В основном, "Я" рассматривали как онтологически неустойчивую и распределенную сущность, но в последнее время эти характеристики стали особенно интенсивными*

созданными в процессе потребления[1]. Власть функционирует дискурсивно через позиционирование себя и других внутри специфических дискурсивных категорий — например, члена "цивилизованного" Запада или "варварского" исламского мира внутри дискурса "ориентализм"[2].

Постструктуралистский подход может прояснить эти дискурсивные паттерны, фокусируясь на взаимоотношениях между различными дискурсами, субъектными позициями и отношениями власти, которые они конструируют. А вот подход, который сочетает постструктурализм и интеракционизм, может прояснить способы, с помощью которых люди позиционируют себя и других, используя доступные дискурсы как гибкие ресурсы в разговоре, чтобы поддерживать мнения других людей, создавая консенсус значений, оспаривая другие мнения, проводя переговоры о значении. В качестве иллюстрации этого типа анализа мы резюмируем элементы дискурс-анализа разговора *пакехов* (Уэтерелл и Поттер) и представим их исследование в этой главе. Затем, в главе 5 мы приведем анализ "экологического" дискурса.

Во всех трех подходах дискурсивной психологии доминирует точка зрения о том, что идентичности сконструированы на базе различных, изменчивых дискурсивных ресурсов — таким образом, они рациональны, незавершенны и нестабильны, но не полностью открыты. В терминах Холла, мы формируем "*смысл Я*", выбирая одну версию "Я" из всех других возможных версий. Однако эта *закрытость* временна:

> "Но не требует ли принятие вымышленного или нарративного статуса идентичности по отношению к окружающему миру необходимой противоположности — момента произвольной закрытости? Дискурс

[1] *Для обзора исследований политик идентичности, см. Вудварт (Woodvart, 1997, особенно главы 1 и 6)*

[2] *Orientalism (англ.) — культура и нравы, обычаи восточных народов (прим.науч. ред.)*

потенциально бесконечен: безграничная семиотика значения. Но чтобы, в принципе, сказать что-нибудь конкретное, Вам необходимо перестать говорить. Конечно, каждая полная остановка временна. Так что такое "конец"? [...] Это — своего рода ставка, пари: говорят — "мне нужно сказать кому-то кое-что... прямо сейчас". Это *не* навсегда, это — отнюдь не универсальная истина [...]. Но прямо сейчас — это то, что я подразумеваю; это то, кто я есть. В определенной позиции, в определенном дискурсе мы называем эту незавершенную закрытость "Я", "общество", "политика" и т. д. Полная остановка. Хорошо. Здесь (как говорят) не существует таких полных остановок[1]".

Производство значения, а следовательно, конструкция идентичности, ограничены перечнем дискурсивных ресурсов, которые доступны людям, благодаря их социальному и культурному положению и статусу. Некоторым людям проще адаптировать определенные предписанные идентичности, например, идентичность "цивилизованного" жителя Запада в ориенталистском дискурсе, или идентичность "эксперта" — в научном дискурсе. Более того, изменчивая, условная природа идентичности не означает, что всякий раз, когда люди говорят, они вновь и вновь "стартуют" заново — с новой идентичности.

Идентичность, которую артикулируют в данный момент времени, можно рассматривать как *осадок* более ранних дискурсивных практик. Один из факторов, отвечающих за непрерывность, состоит в том, что человек должен презентовать себя приемлемым и узнаваемым способом как для себя, так и для других людей, с которыми он взаимодействует.

Тот факт, что люди создают свои идентичности через временную "закрытость", открывает возможность создания коллективной идентичности, или *воображаемых со-*

---
[1] *Hall, 1993: 136—137*

обществ, которые основаны на идее общей (разделенной) идентичности, — например, идентичность "женщина", или "датчане". В то же время, эти сообщества нельзя считать само собой разумеющимися, так как закрытость, которая создает идентификацию, а следовательно, и конструирует сообщество, — временна. Поскольку субъективность фрагментарна, люди не всегда разделяют интересы, чувствуют себя частью одной и той же группы. В какой-то момент люди имеют политическую мотивацию к аффиляции, при этом позже они могут относиться антагонистично к некоторым членам группы. Например, кенийская женщина-инженер, живущая в Англии, может в различных ситуациях занимать разные позиции — члена доминирующего класса, члена доминирующей группы "женщины" или члена дискриминируемого меньшинства "небританцы". Закрытость приводит к тому, что человек временно фиксируется на одной идентичности: "Вы должны прекратить говорить", как сказал Холл. Но в принципе, идентичность всегда открыта для изменений и, следовательно, сообщество может быть расформировано, а на его месте может быть создано новое.

Концепции *взгляды*, *самости* и *идентичности* как продукты социального взаимодействия, разделяемые во всех трех направлениях дискурсивной психологии, "приводят" нас к анализу *риторической* организации текста и диалога — к анализу того, как текст и диалог сориентированы на социальное действие, а не к анализу *лингвистической* организации текста и разговора, как в критическом дискурс-анализе. Основной интерес — как люди при активном поведении используют дискурсы в качестве ресурсов в *разговорных интеракциях*.

Высказывания рассматриваются как *контекстуально-обусловленные* или "*ситуативные*", а их значения — как зависимые от риторического контекста и их последовательности при подтверждающей аргументации. В этих интеракционистских направлениях дискурсивной психологии

(отдельно и в сочетании с постструктурализмом) особенно подчеркивается: люди в социальном взаимодействии относятся друг к другу как к агентам, которые могут получать пользу (следовательно, имеют вознаграждение) от своих действий[1].

Таким образом, повседневное использование языка включает *диллемы вознаграждения*, поскольку люди борются за то, чтобы утвердить свои взгляды, как реальные и устойчивые репрезентации мира, и разрушить другие взгляды, как продукты индивидуальных или групповых интересов[2].

В этом дискурсивная психология частично опирается на этнометодологию, конверсационный анализ и риторику. При этом этнометодология и конверсационный анализ позволяют выявить правила, которым следуют люди, и методы, которые они применяют, чтобы выполнить задачу общения. А вот риторика объясняет, как организованы конструкции людей о мире, чтобы "противостоять" потенциальным или актуальным опровержениям и "разрушить" альтернативные версии[3].

4. 4. 1. Психологическая инвестиция

Дискурс-анализ сообщает нам о том, как люди формируют идентичности *через* свое позиционирование внутри дискурсов, которые они используют в ежедневных текстах и разговорах. Но сам по себе дискурс-анализ не может объяснить, почему люди позиционируют себя или *инвестируют* в определенные дискурсы. Почему люди иденти-

---

[1] *Potter 1996b*

[2] *См. Поттера (Potter, 1996b) для углубленного объяснения этих процессов*

[3] *Хотя все направления дискурсивной психологии делают акцент на действенном характере коммуникации, тем не менее, как мы уже отмечали, существуют различия. Они касаются того, в какой степени и каким образом этнометодология и дискурс-анализ используются в качестве методов; постструктуралистский подход использует эти методы меньше других. Различия мы проиллюстрируются позже в этой главе*

фицируют себя с одними дискурсами и не идентифицируют себя с другими?

Как мы увидели в главе 2, Лакло и Муфф используют психоаналитическую теорию Лакана, чтобы объяснить психологические механизмы, отвечающие за инвестиции людей в определенные дискурсы. Пытаясь прояснить механизмы психологической инвестиции, некоторые дискурсивные психологи искали ответы в различных формах психоанализа. В этом разделе мы рассмотрим попытки Холвэй и Биллига объединить дискурс-анализ и психоанализ.

Чтобы прояснить вопросы сексуальности и гетеросексуальности, Вэнди Холвэй работает с комбинацией теорий – теорией дискурса Фуко, теорией объектных отношений и теорией Лакана[1]. Ее цель в "смешении этих теорий – концептуализировать пол, власть, субъективность и дискурс, без интерпретации субъективности только лишь как "суммы позиций в дискурсах". В теории объектных отношений, субъективность сформирована переживаниями в "предэдиповой стадии", во время которой ребенок переходит от состояния "единого целого" с матерью к отдельному самостоятельному существованию. В начале ребенок не обладает *самопониманием*, независимым от матери, его знание о себе "неотделимо" от матери.

Именно в процессе социальных интеракций ребенок становится "отдельным" от матери и, примерно в возрасте шести месяцев, он начинает видеть себя и мать как отдельных людей. Представители теории объектных отношений рассматривают этот процесс "отделения" от матери как центральный в развитии индивидуального знания себя и уверенности в себе, ощущения онтологической безопасности. В теории объектных отношений считается, что мальчики имеют особую проблему, поскольку они должны отрицать мать больше, чем девочки, — ведь создание у них

---

[1] *См. также Хенрикса (Henriques и др., 1984) и Батлера (Butler, 1990) для знакомства с большим количеством примеров совместного применения теории дискурса Фуко и психодинамической теории*

половой идентичности включает и отрицание женского начала. Холвэй полагает, например, что мужчины сопротивляются стремлению к близости с противоположным полом, потому что эта близость сделала бы их слишком уязвимыми. Чтобы защитить себя от близости, мужчины проецируют свое стремление к взаимному принятию на женщин. Согласно Холвэй, это объясняет то, почему мужчины инвестируют дискурсы, в которых женщины представлены уязвимыми и эмоциональными, а мужчины — сильными и рациональными. Мост между дискурсивной психологией и теорией объектных отношений — это теория Лакана, в которой представлено конструкционистское понимание отношений между матерью и ребенком и результирующего производства "Я". Лакан утверждает (глава 2), что ребенок сначала проходит воображаемую стадию, в которой он получает ощущение завершенности посредством отношения с матерью. Позже, став субъектом языка, он теряет это ощущение завершенности, но постоянно стремится к целостности. Именно это желание человека обрести целостность и подкрепляет его инвестицию в различные дискурсы.

В другой части теории объектных отношений считается, что определенные психологические силы создают общее стремление к безопасности. Для того чтобы удовлетворить это стремление, люди инвестируют в определенные дискурсы. Например, они могут использовать дискурсы о распространении преступности, чтобы справиться с очень быстрым ростом риска, возникшим в последнее время. Они выбирают этот дискурс вместо других, потому что, в отличие от дискурсов о глобальной экологической катастрофе, он "предоставляет" риск с понятным источником (это преступник); он предлагает ясное направление для действий, в котором может участвовать и сам человек (например, купить сигнализацию).

На первый взгляд, кажется, что теория объектных отношений конфликтует с дискурс-анализом, поскольку

указывает на универсальные внутренние ментальные процессы как на причину инвестиций в дискурсы. Но Холвэй и Джефферсон пытаются "помирить" эти подходы, утверждая, что, хотя желание безопасности и целостности вызвано глубинными психологическими силами и общим страхом, тем не менее, внешне оно проявляется по-разному, как функция различных значений, которую различные люди приписывают опыту в различных исторических периодах и социальных контекстах.

Хотя Холвэй и Джефферсон основываются на теории Лакана, чтобы учесть то, что опыт конструируется в значении внутри дискурса, но применение теории объектных отношений приводит к приписыванию слишком большой значимости индивидуальным, подсознательным психологическим силам и ранним непосредственным переживаниям. Подчеркивая эффекты непосредственных переживаний в далеком прошлом, теория объектных отношений вступает в конфликт с дискурс-аналитической посылкой о том, что психологические категории открыты для изменений, благодаря участию человека в дискурсивных практиках, и опыту, который формируется в дискурсе. Если цель – комбинировать подходы, то, по нашему мнению, теорию объектных отношений необходимо значительно сильнее необходимо "перевести" в термины дискурс-анализа, чем это есть в настоящий момент (см. следующую главу об обсуждения проблемы "перевода").

Пытаясь комбинировать психоаналитическую теорию и дискурсивную психологию, Майкл Биллиг проделал много работы по "переводу". Биллиг выбирает теорию Фрейда (а не теорию Лакана), поскольку считает, что Лакан рассматривает язык "оторвано" от повседневного опыта использования языка. Согласно Биллигу, психоанализ и дискурс-анализ можно связать с помощью концепта "*диалогическое подсознательное*". Диалогическое подсознательное состоит из утверждений, которые подавляются в определенных социальных контекстах. Если Фрейд рас-

сматривал социальные действия (включая использование языка) как проявления подсознательных внутренних побуждений, то Биллиг рассматривает подсознание как продукт диалога *с* социальным миром и *в* социальном мире. Идея состоит в том, что именно в процессе диалога люди что-то подавляют, а на более абстрактном уровне — приобретают способность подавлять. Роль языка в процессах подавления можно исследовать с помощью дискурс-анализа. Некоторые способы разговора делают одни темы *возможными*, а другие — *табуированными*. Таким образом, некоторые утверждения не только что-то выражают, но также участвуют в подавлении других. Табу на некоторые темы заставляет говорящего выбирать между различными доступными дискурсами и инвестировать в один конкретный дискурс. Таким образом, поддерживая одни представлений о мире и исключая другие, подавление имеет идеологические *последствия*.

Биллиг приводит пример из своего исследования английских семей, обсуждающих Британскую королевскую семью. Информанты обсуждают вопрос, следует ли разрешить британскому принцу позволить жениться на *не*белой женщине. Информанты говорят, что они не расисты и лично ничего не имеют против такого брака, и не думают, что такой брак стал бы проблемой для королевского семьи. Но, несмотря на это, они и не считают, что наследник трона смог бы выбрать *не*белую женщину, так как "общественность" настроена расистски и, следовательно, никогда не одобрила бы этого. По мнению Биллига, в данном случае респонденты проецируют подавляемый в себе расизм на других, приписывая некой "общественности" свое собственное подавленное неодобрение такого брака.

Теория Биллига о диалогическом подсознательном обеспечивает нас методом "чтения между строк" и идентификации "несказанного". Но не всякое молчание является подавлением. Отправная точка дискурс-анализа состоит в том, что высказывания всегда обусловлены исторически

и социально, и если что-то не сказано, то возможно потому, что не имеет смысла в данном социальном и историческом контексте. Например, когда до недавнего времени люди не говорили о своей национальной идентичности, то это происходило потому, что национальный дискурс был еще просто не доступен. С нашей точки зрения, проблема теории Биллига состоит в том, что он не комбинирует термин "подавление" с анализом дискурсов, доступных в данной социальной и исторической ситуации. В главе 5 мы предлагаем использовать концепт "*порядок дискурса*", чтобы отличать, какие дискурсы и для кого доступны в определенных социальных сферах. После обзора концепта "строй дискурса" можно продолжить анализ риторических средств, с помощью которых устанавливаются табу и подавляются высказывания внутри области возможных утверждений.

Однако необходима осторожность при комбинировании психоанализа и дискурс-анализа, так как в основе этих подходов лежат разные посылки. Необходимо продумать отношения между двумя подходами, опираясь на критическое понимание их противоречивых теоретических предпосылок и типа знаний (условных и отдельных), которые производятся внутри каждого подхода.

4. 5. Рефлексивность

Большинство социальных конструкционистов, включая дискурсивных психологов, рассматривают свои собственные исследования как дискурсивные конструкции. Они *не* обеспечивают единственно возможную репрезентацию мира, а скорее представляют лишь одну из версий, которая сама является частью дискурсивной борьбы в данной исследовательской области. Научное знание рассматривается как *продуктивное*. Как и все другие дискурсы, научный дискурс производит знание, социальные отноше-

ния и идентичности. Это понимание *производства* знания — полная противоположность объективистского взгляда на науку, в котором знание — это отражение реальности. Вследствие другого понимания знания, социальные конструкционисты часто подчеркивают важность *рефлексивности* — они пытаются применять собственные теории к своей исследовательской практике.

Важный вопрос, возникающий в спорах о рефлексивности, связан с *релятивизмом* дискурс-анализа. Дискурсивная психология бросила вызов когнитивной психологии, продемонстрировав, что заявления когнитивной психологии об универсальной истине были просто одной из возможных версий мира. Но как же исследователи могут узнать, что их версии лучше других, и как они могут аргументировать эти заявления? Мы сразу сталкиваемся с проблемой, когда кто-то хочет защитить или придать привилегированный статус своей точке зрения. Например, возможно ли оказывать академическую поддержку какой-либо политической позиции (например, эгалитаристской, антирасистской или феминистской)?

Согласно Уэтерелл и Поттеру, а также Эдвардсу и др., релятивизм дискурс-анализа не снижает академической ценности или политической значимости исследования. Что касается академических стандартов, заявления исследователя можно подтвердить с помощью оценки *валидности* исследования. Хотя дискурс-анализ не принимает объективистские научные требования надежности и валидности, это отнюдь не означает, что он отрицает все требования валидности.

Что касается политической значимости, исследователь может судить о своем исследовании или исследовании других по той роли, которую данное исследование играет в поддержании или опровержении существующего распределения власти в обществе. То есть, анализируя идеологическое значение исследования. Например, Уэтерелл и Поттер считают, что их исследование расизма

и дискурса в Новой Зеландии бросает вызов существующему распределению власти, поскольку вскрывает роль дискурса в дискриминации племени *Маори.* Этот подход отличается от когнитивных подходов к расизму, таких как исследование стереотипов, которые поддерживают существующее распределение власти, утверждая, что стереотипы неизбежны.

Однако принятие релятивизма дискурс-анализа оспаривается *внутри* дискурсивной психологии, например, такими теоретиками, как Паркер и Уиллиг. Их позиция состоит в том, релятивизм социального конструкционизма приводит к "уравниванию" всех утверждений о мире как "одинаково хороших" и делает критическое исследование невозможным. Поэтому они сторонники комбинирования социального конструкционизма с онтологией критического реализма.

Другой аспект спора о рефлексивности включает соображения о распределении власти между исследователем и информантами. Традиционные исследования критикуют за неправомерное приписывание привилегированного статуса знаниям, как объективным знаниям о мире. Чтобы преодолеть это, исследователь может поставить себя и свое собственное мнение на один уровень с информантами и их мнениями.

Комментарии респондентов по поводу того, как исследователь использует и интерпретирует их мнения, можно включить в само исследование. Конечно, это не гарантирует того, что неравенство между исследователем и респондентом исчезнет. Исследователь все еще может делать акцент на собственных интерпретациях. В результате, рефлексивность будет оказывать неправильное влияние на демократизацию и скрывать неравное распределение власти. Однако на это можно возразить — исследователь *должен* делать свое мнение более привилегированным, поскольку он производит другую — ценную — форму знания, используя специальные теории и методы. Независимо от позиции

по отношению к сказанному, соображения, основанные на рефлексивности, заставляют исследователя учитывать собственную роль и аргументировать те решения, которые он принял. В главе 6 мы вернемся и к обсуждению роли исследователя, и к вопросам релятивизма и производства знания.

4. 6. Заключение

Ключевые моменты, характерные для всех направлений дискурсивной психологии, упрощенно можно резюмировать следующим образом:

- Дискурс — как использование языка в повседневных текстах и разговорах — это динамическая форма социальной практики, которая конструирует социальный мир, "Я" и идентичности. "Я" конструируется путем интернализации социальных диалогов. Люди имеют нескольких гибких идентичностей, которые сконструированы на основе различных дискурсов. Власть функционирует посредством позиционирования человека относительно различных дискурсивных категорий. Дискурс — это не выражение *предконституированных* психологических состояний. Скорее, субъективные психологические реальности *формируются* в дискурсе. Утверждения людей о своем психологическом состоянии следует интерпретировать как социальное дискурсивное действие, а не как выражение более глубинных "сущностей", стоящих за словами.
- Дискурс лучше всего рассматривать не как абстрактную систему (тенденция структуралистской и постструктуралистской теорий дискурса), а как "ситуативное" использование языка в определенных контекстах.
- Люди используют дискурс риторически, чтобы совершить социальное действие в определенных контекстах интеракции. Использование языка, в этом смысле, "ока-

зионально", "ситуативно обусловлено". Следовательно, анализ сосредоточен не на лингвистической организации текста и разговора, как в критическом дискурс-анализе, а на их риторической организации. Возникают следующие вопросы. Что делают люди со своим текстом и разговором? Как их мнения становятся устойчивыми, реальными и стабильными репрезентациями? Как организованы репрезентации людей о мире, что кажутся устойчивыми фактами, и как они разрушают альтернативные версии ("проблема вознаграждения")?

- Язык конституирует подсознание так же, как и сознание. Психоаналитическую теорию можно объединить с дискурс-анализом, чтобы объяснить психологические механизмы, лежащие в основе "несказанного", и избирательных инвестиций в определенные дискурсы относительно всех доступных дискурсов.
- Понимание условной природы знаний приводит исследователя к рефлексивному отношению к проблемам, связанным с релятивизмом и ролью исследователя в производстве знания.

4. 7. Дизайн и методы исследования

Каковы следствия этих теоретических и методологических соображений для эмпирического исследования в части мнений, которые выражают люди, например, в исследовательских интервью, медиа-текстах, исследованиях аудитории слушателей и политических выступлениях? Прежде чем привести примеры эмпирического анализа, мы представим методы исследования, которые разделяют все направления дискурсивной психологии, и "прочертим" процесс исследования, состоящий десяти шагов. Уэтерелл и Поттер детализировали эти десять шагов, и мы используем их описание. Важно упомянуть, что дискурсивная психология использует много таких же методов, как и другие

качественные подходы к исследованию. Мы обратим Ваше внимание на наиболее важные области пересечения.

4. 7. 1. Проблема исследования

Как в других качественных подходах, проблемы исследования в дискурсивной психологии связаны с анализом производства значения. Но дискурсивная психология отличается от других качественных подходов — ее основной интерес связан с тем, как производятся значения в дискурсах или репертуарах, которые люди используют как ресурсы для обсуждения тех или иных аспектов мира. Таким образом, сформулированные проблемы влекут за собой изучение того, как люди посредством дискурсивной практики создают конструкции о мире, группах и идентичностях. Если, например, основной вопрос исследования — дают ли возможность электронные медиа строить новые формы социальных отношений, то темой исследования могут быть дискурсивные конструкции новых медиа и их использование.

4. 7. 2. Формирование выборки

Дискурс-анализ занимает много времени. Кроме времени, потраченного на систематический анализ, много времени уходит на чтение и перечитывание текстов. Что касается размера выборки — часто достаточно использовать выборку всего лишь из нескольких текстов (например, до десяти интервью). Причины этого в том, что интерес исследования связан, прежде всего, с использованием языка, а не с человеком, при этом дискурсы могут создавать и поддерживать очень небольшое количество людей[1].

Иногда большое число интервью могут создать работу, которая никак не обогатит сам анализ. Размер выбор-

[1] *Potter и Wetherell 1987: 161*

ки текстов зависит от исследовательской проблемы. Многие дискурс-аналитические исследования изучают один единственный текст и его значение для определенной социальной области. Другие дискурс-аналитические исследования выполнены на больших выборках текстов, потому что исследователи хотели получить доступ к разнообразным и изменяющимся дискурсивным практикам. Другой причиной этого может быть желание исследователей определить, доминирует ли дискурс в определенной области. В общем, нет никакого корректного и естественного ограничения выборки. Важно, чтобы исследователи ясно описывали сформированную выборку текстов и аргументировали свой выбор проблемой и методологией исследования.

4. 7. 3. Производство естественного материала для исследования

Часто дискурсивные психологи используют естественный материал *вместо* или *в сочетании* с материалом, который исследователи создают в контакте с респондентами (например, в интервью). Примеры естественного материала включают транскрипцию повседневных разговоров, научных текстов и медиа-текстов. Преимущества в том, что исследователь никак не влияет на сам материал, а тип собранного материала дает возможность анализировать вариации *сквозь* социальные контексты. Например, человек может излагать одну версию своего представления о мире в интервью и другую в разговоре с друзьями или в письменных текстах. Возникает практическая проблема – транскрипция естественных дискурсов занимает много времени. И, по этическим соображениям, исследователь должен получить разрешение использовать естественный дискурс[1].

---

[1] *Potter u Wetherell 1987: 163; Potter 1997*

Одна из возможностей — изучать интертекстуальные цепочки (см. главу 3), где собраны различные типы текста: например, доклад о загрязнении воды от департамента окружающей среды, комментарии прессы по этому поводу, освещение доклада в новостях, а также интервью с читателями газет и телезрителями в теленовостях и газетных статьях. Так, можно проследить производство и трансформацию дискурса в этих областях[1].

4. 7. 4. Производство материала с помощью интервью

В этом разделе мы сначала сравним дискурсивную психологию с методом наблюдения, затем с другими качественными подходами.

Дискурсивная психология и метод наблюдения

В дискурсивной психологии полуструктурированные и неструктурированные интервью — это основные методы производства материала, в отличие от методов анкетного опроса или структурированного интервью[2]. Участники могут потенциально влиять на перечень вопросов и давать длинные объяснения, а исследователь может анализировать дискурсивные паттерны, которые были созданы, когда участники использовали специфические дискурсивные ресурсы в своей аргументации. В неструктурированных интервью респонденты контролирует направление интер-

---

[1] *См. Филлипс (Phillips, 1993, 1996, 1998) о примере анализа дискурсивного производства и преобразования в политических выступлениях на Конференции британской консервативной партии и на конференции лейбористской партии. сводках новостей об этих выступлениях и интервью с рядовыми членами обеих партий*

[2] *Интервью с группой, включая фокус-группы, особенно подходят для дискурс-анализа, потому что групповые процессы играют центральную роль в динамике социальных интеракций. О фокус-группе как методе исследования см. у Лунда и Левингстона (Lund и Levingstone, 1996)*

вью, в то время как в полуструктурированном интервью исследователь следит за тем, чтобы все темы опросника были охвачены, пусть даже не в строгом порядке и не в тех же формулировках.

Опросники, созданные для метода наблюдения, не подходят для дискурс-анализа, так как они содержат изолированные вопросы и утверждения, по отношению к которым респондент обязан занимать определенную позицию. Это усложняет доступ к дискурсам, на которые респондент опирается в своих ответах. Следовательно, становится очень сложно проанализировать дискурсивную практику людей, включая отношения между различными дискурсами. Более того, вопросы формируются внутри определенного дискурса, и это может влиять на сами ответы[1]. Алан О'Ши приводит пример вопроса из анкеты, "кто мог бы стать подходящей кандидатурой для защиты британского налогоплательщика?" Согласно О'Ши понятие "британский налогоплательщик" скорее, чем термин "гражданин Британии", создает субъектную позицию для человека из дискурса тэтчеризма. И это влияет на ответы. О'Ши делает вывод, что опросы не позволяют исследователю изучить вопросы отношений между различными дискурсами — в нашем случае, например, вопрос о доминировании дискурса тэтчеризма в дискурсивной борьбе за гегемонию.

Другая проблема: опросники построены относительно того, что аттитюды людей — это устойчивые ментальные образования. Как мы уже отмечали, такое представление об аттитюдах вызывает сомнение в связи вариациями, которые есть в ответах при интервью и при опросе. Некоторые исследования показывают, что даже маленькие изменения в формулировке вопросов приводят к существенным различиям в ответах.

Поттер и Уэтерелл отмечают, что противоречивые ответы при опросе часто расцениваются скорее как угроза

---

[1] *O'Shea 1984; Phillips 1998*

надежности исследования, чем как показатель вариативности в использовании языка. В отличие от этого, в дискурсивной психологии вариации и противоречия в ответах считаются сами собой разумеющимися, и такие вариации рассматриваются как показатель использования нескольких дискурсов.

В терминах дискурсивной психологии, метод опроса не подходит для исследования систем значения и идентичности, поскольку в опросах индивидуальные мнения интерпретируются как изолированные, устойчивые и статичные когнитивные сущности — "изюминки во фруктовом пироге". В отличие от опроса, дискурсивная психология сосредоточена на динамических (дискурсивных) практиках, посредством которых создаются и изменяются репрезентации в различных социальных контекстах:

> "Монтаж [бессвязных тем] необходимо изучать, поскольку он *развертывается* в дискурсе скорее, чем "собирается" из ответов на анкеты, напоминающих ряд статических фотографий в сравнении"[1].

Дискурсивная психология сильно отличается от метода контент-анализа, исследуя то, как дискурсы с определенной лексикой используются в социальном взаимодействии. В контент-анализе идентифицируются определенные слова, затем они кодируются относительно различных категорий, а после подсчитываются[2]. Уэтерелл и Поттер отмечают: то, что люди используют слово "нация" три раза, совсем не обязательно говорит об их расизме. Они подчеркивают, что по теоретическим причинам количественные методы исключать не следует, но способы, с помощью которых их до сих пор использовали, не соответствуют подходу дискурс-анализа.

---

[1] *Wetherell, Stiven u Potter 1987: 60*

[2] *О примерах текстового и контент-анализа, см. у Берелсона (Berelson, 1971), Бергера (Berger, 1991), Фиске (Fiske, 1982), Холсти (Holsti, 1969), Криппендорфа (Krippendorf, 1980) и Розенгрена (Rosengren, 1981)*

Дискурсивная психология и другие методы качественного исследования

Дискурсивная психология использует много таких же методов, как и другие методологии качественных исследований. Как и в случае с другими качественными методами, дискурсивная психология отказывается от позитивистской эпистемологии, которая лежит в основе большинства социологических школ и опросов общественного мнения[1].

В позитивистской эпистемологии важно, чтобы в ходе интервью производились ясные и согласованные ответы, которые позволяют исследователю сделать вывод об основополагающих мнениях или приоритетных действиях (например, практиках потребления). Интервью, основанные на позитивистской эпистемологии, обычно структурированы. Задаются стандартные вопросы без отклонения от заранее подготовленных формулировок вопросов, в строгом порядке. В рамках этой традиции исследователи пытаются минимизировать социальное взаимодействие между интервьюером и респондентом. Например, они настаивают на том, что интервьюер должен придерживаться вопросов. Если интервьюер отклоняется от формулировок в опроснике, это угрожает надежности исследования. Формулировки вопросов оцениваются относительно того, производят ли они необходимый тип информации. Неясные формулировки вопросов, "наводящие" вопросы и двойные вопросы (когда два вопроса задаются одновременно) угрожают сбору необходимой достоверной информации. Если вопросы поставлены неправильно, маловероятно, что респондент поймет их так, как они были задуманы, и, следовательно, неправильно ответит. Неправильные ответы разрушают надежность исследования, поскольку вопросы фактически не измеряют того, что они должны были измерять.

---

[1] *Мишлер (Mishler, 1986) дает хороший критический анализ позитивистского интервью*

В качественных методологиях, которые отказываются от позитивистской эпистемологии, интервью рассматривается как форма социального взаимодействия, в формирование которой вносят вклад и исследователь, и респондент. Интервьюер гораздо более активен, и его интервенции сильнее, чем в структурированных интервью. Соответственно, в анализе и интервьюер, и респондент рассматриваются как равные[1]. Интервью рассматривается как путь исследования значений, который создают все участники социальных интеракций. Здесь язык — это одновременно и инструмент анализа, и объект анализа.

Несмотря на то, что качественные методы рассматривают интервью как форму социального взаимодействия, созданного двумя сторонами, все же некоторые исследователи полагают, что "наводящие" вопросы представляют собой проблему[2].

Однако в большинстве качественных исследований, включая все формы дискурс-анализа, "наводящие" вопросы рассматривают не как проблему, а как характерную особенность интервью как интеракции. Однако решающим является то, что при анализе интервью исследователь принимает во внимание формулировку вопроса. Более того, при планировании интервью необходимо продумать и аспекты, относящиеся к содержанию (*тематическое измерение*), и аспекты, касающиеся взаимодействия (*ди-*

---

[1] *Тем не менее, см. также Кондора (Kondor,1997: 116-117) для критического анализа полуструктурированного интервью, которое проводится в дискурсивной психологии: исследователи не участвуют в диалогическом обмене знаниями с респондентами, а, скорее, задают вопросы, на которые респонденты покорно отвечают. Дополнительно к этому, Кондор считает, что существует тенденция анализировать эти ответы отдельно от вопросов и, таким образом, отдельно от диалогического контекста, в котором они были произведены*

[2] *См., например, у Филдинга (Fillding,1993: 141) и Смита (Smitt,1995: 13). Квэйл (Kvale,1996) полагает, что такая точка зрения на наводящие вопросы основана на наивной эмпирической предпосылке, что исследователь может нейтрально наблюдать внешний мир (если он задает нейтральные вопросы). Он утверждает, что наводящие вопросы, вероятно, достаточно не используются в качественных исследовательских интервью*

намическое измерение). Согласно Штайнеру Квале, хороший вопрос интервью должен *тематически* вносить вклад в создание знания, а *динамически* — в создание хорошего взаимодействия. Исследователь должен подбирать хорошие, открытые вопросы, стимулирующие вопросы, и структурирующие вопросы[1].

Самое большое различие между дискурсивной психологией и многими другими качественными подходами состоит в том, что дискурсивная психология иначе рассматривает отношения между языком, значением и психологическими состояниями людей. В дискурсивной психологии значение встроено в язык, и поэтому для анализа значения необходимо исследовать язык. Другие подходы, такие как феноменологическая психология, рассматривают речь респондентов, как отражение более глубокой психологической реальности[2].

4. 7. 5. Транскрипция

В исследованиях, основанных на дискурсивном психологическом подходе, применяются те же самые представления о транскрипции, что и в критическом дискурс-анализе (глава 3). Здесь мы особо подчеркнем значение дискурсивной психологической трактовки интервью как социальной интеракции. Важно выбрать систему транскрипции, которая позволила бы исследователю анализировать интервью как социальную интеракцию. Поттер и Уэтерелл используют более простую версию, чем система Джефферсона, которая часто применяется в критическом дискурс-анализе. Если рассматривать интервью как социальную интеракцию, то необходимо расшифровать и анализировать и вопросы, и ответы. Хорошая транскрипция,

---

[1] *Для более детального описания и примеров, см. Квэйла (Kvale, 1996: глава 7)*

[2] *Для подробного представления о феноменологичной перспективе, см. у Квэйла (Kvale, 1996: особенно главы 3, 11 и 12), Смитта (Smitt, 1995) и Тэйлора и Богдана (Taylor, Bogdan, 1984)*

утверждают Поттер и Уэтерелл, может показать, что ответ респондента, отчасти, — это результат того, как интервьюер оценивает респондента[1].

4. 7. 6. Кодирование

Как исследователь управляет таким огромным количеством материала, полученного, например, в ходе интервью? Как и в других качественных методах анализа, здесь не существует никаких четких процедур или рецептов, которые, например, есть в естественных науках или в социальных научных подходах, имитирующих естественно-научные. Но для дискурсивной психологии, как и для других качественных методов, обычно кодирование — это первый шаг[2].

Для начала следует прочитать и перечитать транскрипции, чтобы выделить *темы*. Это такая форма кодирования, когда фрагменты текста распределяются в категории. Цель состоит не только в идентификации тем, обусловленных теоретическим фреймом, но также и в обнаружении новых тем, которые могут быть найдены в процессе интервьюирования или чтения интервью. Выдержки из интервью могут быть разбиты на различные тематические разделы, и по мере развития понимания темы, можно возвращаться к материалу и искать большее количество примеров. В процессе некоторые темы отклоняются, и создаются новые.

---

[1] *Potter и Wetherell 1992*

[2] *Важно отличать эту форму кодирования от формы кодирования, использованной в исследовании (и количественном, и качественном), основанном на позитивисткой эпистемологии. В позитивистском исследовании важно, чтобы кодирование было стандартизированным, насколько это возможно. Большие различия в способах кодирования, встречающиеся у различных кодировщиков, снижают их надежность. Проводятся "проверки надежности между кодировщиками". Они необходимы для того, чтобы определить, достаточно ли похожи способы и результаты кодирования у различных кодировщиков. В дискурс-анализе эти проверки критикуются не только из-за того, что в нем используются заранее подготовленные категории. Но также и за то, что для того, чтобы понимать интервью, кодировщик основывается на своих собственных дискурсивных впечатлениях от интервью, как о социальном взаимодействии*

Техника, которую можно использовать для проведения анализа, — это поиск критических точек: знаков, указывающих, что нечто в интеракции пошло не так. Эти знаки могут отражать конфликты между различными дискурсами. Признаком может быть то, что один из участников пытается предотвратить нежелательное развитие ситуации, например, повторяя утверждение. Это может быть "заминка", когда участник колеблется или повторяет сказанное, тишина или внезапное изменение стиля. Другая техника — это отслеживание местоимений. Изменения в местоимениях (например, от "я" до "мы") может указывать на смещение от субъектной позиции в одном дискурсе к субъектной позиции в другом дискурсе.

4. 7. 7. Анализ

Различные виды дискурсивной психологии имеют различные подходы к дискурс-анализу. Выбор инструментов анализа зависит от теоретического фрейма и метода. Позже в этой главе мы приведем два примера дискурс-анализа с позиции дискурсивной психологии.

4. 7. 8. Валидность исследования

Распространенная критика качественного исследования с позиции количественного исследования состоит в том, что качественное исследование менее строгое и, следовательно, менее валидное. Это не обязательно так. Конечно, нельзя утверждать, что критерии валидности качественного исследования однозначно определяют его валидность. Но то же применимо и к техниками валидизации в естественных науках.

Один из способов обеспечить валидность дискурс-анализа — это обеспечить *целостность* исследования. Считается, что аналитические утверждения формируют последо-

вательный дискурс; присутствие аспектов анализа, которые не соответствуют дискурс-аналитическому объяснению, уменьшает вероятность того, что читатели примут анализ. Другой способ обеспечить валидность — это оценить *плодотворность* анализа. Этот метод традиционно применялся в различных научных парадигмах. При оценке *плодотворности* анализа основное внимание сосредоточено на объяснительном потенциале аналитической структуры, включая ее способность обеспечить новые объяснения[1].

4. 7. 9. Отчет об исследовании

Отчет — это не только представление результатов исследования; это также и часть валидизации исследования. Исследователь должен представить анализ и выводы в той форме, которая позволяет читателю судить об интерпретациях исследователя. Здесь очень важна *прозрачность*. Отчет должен содержать репрезентативные примеры эмпирического материала плюс детальные пояснения к интерпретациям, которые связывают аналитические утверждения с определенными фрагментами текста. Именно так фиксируются аналитические шаги от дискурсивных данных до выводов исследователя. Читателям нужно дать возможность оценить каждый шаг процесса и сформировать свое собственное впечатление. Большая часть отчета состоит из транскрибированных фрагментов и детальных интерпретаций, которые идентифицируют паттерны в материале. Когда исследователи делают свои собственные интерпретации, проблемы часто становятся очевидными. Дискурсивная структура, которую исследователи считали очевидной, может разрушиться, и тогда необходимо возвращаться к кодировке или транскрипции.

---

[1] *См. Поттера и Уэтерелл (Potter, Wetherell, 1987: 170f) для знакомства со способами оценки валидности анализа, и также главу 5 этой книги для краткого обсуждения валидности*

4. 7. 10. Применение результатов исследования

Коммуникация с людьми о дискурс-аналитических результатах, которые находятся вне поля исследования, – это серьезная проблема. Исследователь должен выбрать целевую аудиторию для сообщения результатов исследования: то ли это научное сообщество; то ли люди, причастные к исследованию (например, интервьюируемые), группа, к которой эти люди принадлежали (например, специфическая субкультура) и/или люди в целом. Одна из возможностей — выбрать в качестве посредника СМИ. Другая возможность — создать диалог с людьми, мнения которых изучали[1]. Здесь применим концепт "критического осознания языка", которое ввел Фэркло[2].

4. 8. Примеры

В следующих разделах мы представим примеры эмпирического использования двух дискурс-аналитических подходов, чтобы сформировать представление о значении отличительных особенностей каждого подхода при проведении этого вида дискурс-анализа. Таким способом мы надеемся донести некоторые идеи, связанные с применением этой теории и метода в других исследовательских проектах.

Первый пример — из исследования дискурса в Новой Зеландии. В своем исследовании Поттер и Уэтерелл комбинируют постструктуралистский интерес — как особые дискурсы особым способом конструируют объекты и субъекты — с этнометодологическим интересом — как ут-

---

[1] *См. дискуссию о диалогическом исследовании, глава 6*

[2] *См. главу 3*

верждения людей функционируют в интеракциях как социальные действия[1].

Другой пример взят из дискурс-анализа дискурсивной структуры культурных идентичностей Сью Уидикомб и Роба Уоффита. Как мы уже отмечали, они основываются на этнометодологии и конверсационном анализе в большей степени, чем Уэтерелл и Поттер. Следовательно, их анализ сфокусирован на речи и не включает более широкие социальные и дискурсивные паттерны или политические взгляды на идеологические эффекты дискурсов. Предмет исследования в том, каким образом вербализация идентичностей направлена на контекст интеракции.

4. 8. 1. Поттер и Уэтерелл: "культура" как дискурсивная конструкция.

Исследование Поттера и Уэтерелл связано с использованием особых дискурсов и интерпретативных репертуаров у *пакехов* (белых новозеландцев), в которых особым образом сконструированы концепты "культура", "раса" и "нация". Поттер и Уэтерелл рассматривают категоризацию — то, как люди категоризируют других и себя относительно группы — как *дискурсивную практику*. Цели анализа являются *критическими* в том смысле, что авторы стремятся показать социальную значимость и социальные последствия определенных интерпретативных репертуаров. Их вывод: внешне "эгалитарные" и "либеральные" дискурсы усиливают расизм и дискриминацию. Например, исследователи показывают, что определенные способы понимания культуры — то есть особая дискурсивная конструкция культуры — легитимизирует дискриминацию племени *маори* в Новой Зеландии.

---

[1] *В той части исследования, на которую мы обращаем Ваше внимание, Поттер и Уетерелл прежде всего, используют постструктуралистские стратегии анализа*

Поттер и Уэтерелл не считают, что расизм — это только лишь вопрос языка. Они говорят, что необходимо также акцентировать внимание на институциональной практике и социальных структурах, которые *частично дискурсивны*. Но они обосновывают, что дискурс — это важная форма социального действия, которая влияет на то, как обращаются с племенем *маори* в различных социальных контекстах и, следовательно, это не "только разговоры". Некоторые из текстов они анализируют, например, следующим образом (слова в скобках — ответы интервьюера).

Пример 1. **Уэтерелл и Поттер**

Найт: *Маори* кажутся более удачливыми, чем аборигены.

Пример 2. **Уэтерелл и Поттер**

Дэвисон: *Маори*, в целом, — это не лидеры, ух, я думаю, что у *маори*, которые лидируют, наверное, много крови *пакехов*. Поэтому в Новой Зеландии нет чистокровных *маори*, и возможно, знаете, в этом все и дело.

Пример 3. **Уэтерелл и Поттер**

Шелл: Я, конечно, я определенно испытываю симпатию к некоторым *маоританга*, это что-то уникальное для Новой Зеландии. Я полагаю, я очень много наслышана (да), и точно также, поскольку мне не нравится наблюдать род, который заканчивает свое существование, мне не нравится наблюдать культуру и язык (да), и все что увядает.

Пример 4. **Уэтерелл и Поттер**

Вильямсон: я думаю, важно, что они крепко держатся за свою культуру (эх), потому что, если я пытаюсь думать об этом, то новозеландец *пакеха* —не имеет культуры (эх). Насколько я знаю, не имеет никакой культуры (эх), кроме

регби, гонок и пива, вот это для него то, что надо! (да) Но у *маори* определенно кое-что есть, Вы знаете, нечто определенное, что они делают и (эх). Нет, я говорю, они крепко держатся за свою культуру.

Пример 5. Уэтерелл и Поттер

Броадмен: Ух, Вы знаете, молодой полинезиец без корней, возможно, немного понятнее, чем молодой европеец без корней, хотя их совсем немного. Как ни странно, по тем же причинам, он все еще очень заметен на улицах (мммгм). Ух, и недавний бурный подъем у *маоританга* стимулировали многих из них вернуться и найти свои корни, и это именно то, что им было нужно (да).

Первые два примера — это мнения, имеющие отношение к "расе", но они не в полной мере расистские. В них прямо не говорится о превосходстве и подчинении, но оба они основаны на *расовом репертуаре*. Хотя в этих мнениях восхваляют племя *маори*, тем не менее, они основаны на расистских предпосылках, поскольку категория "раса" интерпретирует людей как биологические объекты. Принадлежность к группе — вопрос биологических корней. В *расовом репертуаре* характеристики группы задают индивидуальные характеристики. Расовые группы рассматриваются как иерархически организованные. В примере 1, маори расположены по иерархии выше, чем другие "расы", такие как аборигены. В примере 2 "чистокровный" ниже, чем люди со "смешанной" кровью, и они не столь хороши, как белые. Социальные и идеологические последствия этого дискурса очевидны: с позиции этого дискурса социальное изменение невозможно[1].

Несмотря на большое количество примеров расистских объяснений, подобных этим, Уэтерелл и Поттер обнаружили, что произошел общий *дискурсивный сдвиг* от расового дискурса 1970-х к современному культурному дискурсу

[1] *Wetherell и Potter 1992: 122*

или *культурному репертуару*. В центре внимания уже не биологические, а культурные различия. Уэтерелл и Поттер идентифицировали два интерпретативных репертуара, которые по-разному категоризируют "культуру": культура как наследие (культурное наследие/ценная традиция) и культура как терапия.

"Культура как наследие" (примеры 3 и 4) — это дискурсивная конструкция культуры как чего-то традиционного и неизменного в отличие от концепции культуры как динамического процесса. *Маори* "сконструированы" как хранители музея, которые обязаны поддерживать свою культуру ради самих себя. Уэтерелл и Поттер считают, что этот интерпретативный репертуар имеет идеологический эффект, потому что он разделяет культуру и политику таким образом, что проблемы притеснения меньшинств не являются предметом обсуждения. Социальные и политические проблемы рассматриваются как культурные проблемы. Современные социальные практики *маори* не идентифицируются как культурные стратегии, а рассматриваются как дегенеративные формы деятельности, которые "загрязняют" чистую культуру *маори*. Культура приравнивается к традиционной культуре, а контакт с современным обществом считается опасным для тех, чьи корни в "древней" культуре. Если *маори* адаптируются к современному обществу, они могут "потерять свою культуру", и это приведет к "культурному конфликту" и "культурному шоку"[1].

В другом интерпретативном репертуаре "культура как терапия" (пример 5), считается — если бы *маори* чувствовали себя хорошо, то исчезли бы и социальные проблемы. Иметь корни в традиционной культуре — значит быть здоровым, это создает гордость и ощущение уверенности в себе, основанные на признании культурных различий. Такой дискурс конструирует протесты и "антисоциальное" поведение *Маори*, как результат психологических проб-

[1] *Wetherell и Potter 1992: 130*

лем, от которых *маори* страдают больше, когда теряют свою культуру, чем когда оказываются на дне общества (становятся деклассированными членами капиталистического общества). Если *маори* теряют свою культурную идентичность, они автоматически *не* становятся *пакехами* — белыми новозеландцами — или "цивилизованными". Скорее, они становятся "лишенными корней". Согласно Уэтерелл и Поттеру, именно этот способ использования дискурса о культуре является идеологическим.

Какие же тогда идентичности создает дискурс о культуре для белых новозеландцев? Он конструирует их как прогрессивных, либеральных, эгалитарных людей, которые заинтересованы и открыты для других культур. В то время как для маори культура построена как обязанность, для *пакехов* — это игровая площадка. Они могут изучать языки и традиции *маори* точно также, как они учились бы играть на музыкальных инструментах. Это поддерживает статус-кво. Если у *маори* есть культура, то у белых есть цивилизация. Другими словами, мнения современного мира — это и есть здравый смысл. В этом дискурсе *маори* становятся экзотикой, а белое большинство — "нормой". Именно *маори* представляют "отличия"; более широкое общество *пакехов* окружает культуру *маори* и задает ее границы.

Важный вопрос, о котором следует упомянуть в связи с этим исследованием — один и тот же человек может прекрасно использовать обе формы культурного дискурса в различных моментах интервью. Уэтерелл и Поттер, например, обнаружили, что респонденты часто использовали репертуар "культура как наследие", когда говорили о языке *маори*, в то время как при обсуждении проблем преступности и академической неуспеваемости среди молодых *маори* они использовали термины репертуара "культура как терапия". Люди также могут использовать расовый дискурс дополнительно к культурному дискурсу. Дело в том, что люди привлекают различные дискурсы в различных контекстах. Дискурсы выполняют роль ресурсов, которые

используются для аргументации. В различных аргументах люди привлекают различные дискурсы и, следовательно, выражают различные идентичности.

4. 8. 2. Уидикомб и Уоффит: субкультурные идентичности

Уидикомб и Уоффит исследуют то, как люди используют определенную идентичность в качестве ресурса для объяснения определенного действия. Как и другие социальные конструкционисты, Уиддикомб и Уоффит не рассматривают идентичности как фиксированные сущности, детерминированные внутренней природой человека, а считают их продуктами социальных интеракций, открытыми для изменений. Идентичности, как они утверждают, ориентированы на действие, а анализ направлен на то, чтобы идентифицировать точные способы, с помощью которых конструируются идентичности и с помощью которых люди о них договариваются. Ниже мы представляем отрывок интервью с панком (Р — респондент), который описывает жестокое столкновение между панками и полицией после концерта (И — интервьюер):

> *Р: ...И полиция была там снаружи (аамм), на концерте вообще не было неприятностей, если не считать парочки небольших потасовок, знаете ли... Но это случается на каждой тусовке.*
>
> *И: На каждой тусовке случаются потасовки?*
>
> *Р: Ну так, всегда кто-то кому-то не нравится...*
>
> *И: Ммм.*
>
> *Р: Не имеет значения, почему, это всегда случается, просекаешь, ничего тут не поделаешь... Мы выходим наружу, а они уже там — восемьсот полицаев... Только и ждут шанс... Смесь щитов, дубинок, и вы не делаете ничего, вы только пытаетесь попасть в метро и уехать домой, и что же они делают? Вы идете мимо, а они подталкивают вас дубин-*

ками, и они начинают толкать странного панка здесь и там... И что случается? Мятеж — мятеж панков, ведь они не хотят получать в лицо дубинкой. Никто не хотел бы. Итак, что он делает — отталкивает шлемоголового, и что случается затем? Десять или двенадцать из них избивают до полусмерти бедного ублюдка, который лишь только пытался отвязаться от кого-то... Так начинается бунт[1].

Многое из интервью Р предназначено для того, чтобы представить действия панков как абсолютно обычные — каждый реагировал бы таким же образом в подобной ситуации. Первая ссылка в дискурсе на действия панков — это минимальное объяснение того, что они делали после концерта: "И мы выходим наружу". Это подразумевает, что их действия были обычными. Другая ссылка на их действия также создает подобное впечатление: "ничего не делаете", только бы "попасть домой". Использование местоимения "вы" вместо "я" или "мы" подразумевает, что их действия не были специфическими для какой-то определенной группы, а были общими для всех (каждый будет действовать подобным образом в такой ситуации). Использование формулировок, обобщающих все случаи (*"на каждой тусовке"*, *"всегда* кто-то", *" всегда* случается"') создает впечатление, что это все является чем-то общим, характерным не только для панк-концертов. В высказывании "всегда кто-то кому-то не нравится" насилие представляется как продукт конфликта между двумя людьми, независимо от принадлежности к той или иной группе. "Это всегда случается" — подчеркивает, что конфликты — естественная часть человеческого существования, и они не являются чем-то особенным для определенных групп[2].

---

[1] *Транскрипция Уидикомб и Уоффит (Widdicombe, Wooffitt, 1995: 126) воспроизводит Glaswegian диалект. Но мы решили не использовать его, потому что это может нарушить понимание текста, а также он непосредственно не относится к нашему анализу*

[2] *Померанц (Pomeranc, 1986) определила использование "формулировок для чрезвычайных случаев" в ситуациях, где существует вероятность того, что слушатель не воспримет историю или утверждение*

Р не выражает идентичность как панк, он говорит как обычный человек. Повсюду подчеркивается, что панки – обычные люди, которые делали только то, что делал бы каждый.

В объяснении насилия Р не говорит, что участвовали именно панки. Панки представлены пассивными жертвами насилия, и а их участие в насилии — это просто самозащита. Акцент на том, что поведение панков вполне обычно, в то время как поведение полиции агрессивно и экстраординарно. Р создает последовательность *противопоставлений* поведения панков и полиции: полиция ожидает с "кучей щитов, дубинок", в то время как панки — "только пытаются попасть в метро и уехать домой". Панки представлены, как "идущие мимо", в то время как полиция — как "подталкивающие вас дубинками". Все это указывает на то, что респондент учитывает отрицательное мнение о панках, которое широко распространено в СМИ. Его описания построены так, чтобы минимизировать возможность формирования у слушателя впечатления, что панки ответственны за насилие. Он строит свое описание таким образом, чтобы подчеркнуть *обычный* характер действий панков: он подчеркивает, что их действия были чем-то, что делает *каждый*, а не только панки.

4. 9. Заключительные замечания

В заключение мы обсудим критику, направленную против дискурсивной психологии. Мы начнем с двух центральных направлений дискурсивной психологии, которые представлены и проиллюстрированы в исследованиях Уэтерелл и Поттера, а также в исследованиях Уидикомб и Уоффита. Далее мы представим попытку Сержа Московичи развить и расширить социально-конструкционистский подход засчет когнитивных подходов.

Посредством систематического применения техник конверсационного анализа Уидикомб и Уоффит демонстрируют то, как люди используют дискурсивные ресурсы — включая социальные идентичности — чтобы сконструировать особые истории. Однако дискурс-аналитики этой школы не испытывают интереса к исследованию того, как дискурсы, циркулирующие в обществе, конструируют субъекты и объекты — что, в целом, имеет социальные или идеологические последствия. Они не пытаются определить содержание дискурсов, отношения между различными дискурсами и их социальные последствия. В результате они не проясняют роль дискурсивной практики в поддержании определенного социального порядка, для которого характерно определенное распределение власти, и исключают из своего анализа альтернативные формы социального устройства. Мы вернемся к этой проблеме в главе 5 при обсуждении трех подходов: теории дискурса Лакло и Муфф, критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии.

В другом виде дискурсивной психологии, на котором мы сделаем акцент (например, исследования Уэтерелл и Поттер), есть такой же интерес к риторическим стратегиям, как и у Уидикомб и Уоффита. Ни Уэтерелл, ни Поттер не проводят тщательного лингвистического анализа текста. Они говорят, что их интересует содержание интервью, а не их лингвистическая структура. В некоторых случаях это проблема. В серии интервью Уэтерелл и Поттер идентифицируют определенные интерпретативные репертуары и утверждают, что эти репертуары вносят вклад в поддержание определенного социального строя. Однако они не предоставляют удовлетворительных доказательств, подтверждающих, что эти репертуары действительно существуют. Такое эмпирическое подтверждение можно было бы, например, получить с помощью лингвистического анализа (см. также главу 5).

С когнитивистской позиции, метод — это одна из главных проблем дискурсивной психологии. Критики-когнитивисты не считают эти методы достаточно строгими для производства валидных результатов, поскольку эти методы не включают техники, основанные на позитивистской эпистемологии, включая случайные выборки, "интер-кодер тесты надежности" и количественный анализ данных. Их аргумент состоит в том, что без таких техник субъективные интерпретации любого сорта являются очень вольными, и отсутствуют критерии отличия хорошего от плохого, валидного от невалидного.

Когнитивные психологи отказываются — что не удивительно — признать, что психологические явления лучше рассматривать и изучать скорее как социальные, дискурсивные действия, чем как внутренние процессы и состояния. Какой позиции придерживается исследователь — когнитивистской или социально-конструкционистской — в большей степени зависит от того, как он понимает "Я": рассматривает ли он "Я" как интегрированную, автономную сущность и, как следствие, отличную от всего социального, или же считает ее относительной и распределенной, и поэтому полностью социальной. С принятием относительного представления о "Я" как о распределенной сущности, исследование смещается от изучения изолированных людей и групп к изучению процессов производства значения в социальном взаимодействии. Дискурсивные психологи доказывают, что изменения во взглядах и идентичностях, которые постоянно проявляются в речи при эмпирических исследованиях, полностью согласуется с социально-конструкционистским представлением о "Я". Когнитивисты, напротив, доказывают, что коммуникация в социальной интеракции включает несколько больше, чем просто лингвистические операции. Например, Московичи утверждает, что коммуникация отчасти базируются на репрезентациях мира ("социальных репрезентациях"), которые прямо в коммуникации не участвуют. Это опре-

деленный тип пресуппозиций, который делает коммуникацию возможной, но при этом не имеет лингвистического выражения. Репрезентации формируют социальные действия, не будучи частью этих действий.

Московичи — основатель теории социальной репрезентации. Его подход можно рассматривать как "сплав" когнитивизма и социального конструкционизма, поскольку он объединяет элементы обеих точек зрения. Это означает, что центром его анализа являются одновременно коммуникативные процессы и когнитивные процессы в социальном взаимодействии. Теория *социальной репрезентации* — одна из немногих попыток совместить эти научные направления[1]. В следующей главе мы продолжим обсуждать, как дискурс-анализ можно объединить с другими теориями.

---

[1] Для краткого обзора споров между дискурсивной психологией и теориями социальных репрезентаций см. де Розэ (de Rose, 1994). Для знакомства с теоретическими предположениями теории социальной репрезентации см. у Московичи (Moskovici, 1984, 1988). Для отчета об эмпирических исследованиях см. Брэквела и Кантора (Breakwel, Cantor, 1993) и Джоделет (Jodelet, 1991). А для знакомства с критикой теории социальных представлений с позиции дискурсивной психологии см. Поттера и Уетерелл (Potter и Wetherell, 1987) и Поттера (Potter, 1996a)

5 Пересечение подходов

Три предыдущие главы были организованы как презентация трех различных подходов к дискурс-анализу. Принцип организации этой главы отличается, поскольку теперь мы сконцентрируемся на проблемах, связанных с конструированием проектов эмпирических исследований.

Центральные вопросы: как создать теоретический подход к дискурс-анализу; как проводить дискурс-анализ; как объединить другие подходы, отличающиеся от дискурс-аналитических; как валидизировать результаты исследования? Поскольку мы предлагаем сочетание различных подходов в специфических проектах дискурс-анализа, используя их сильные стороны, мы обсудим эти вопросы *в пересечении* различных дискурсаналитических и недискурсаналитических подходов.

В первой части главы мы предлагаем способы для построения теоретической основы исследования, с помощью которых можно объединить элементы трех подходов, представленных в предыдущих главах. Мы отдаем приоритет концепту *"строй дискурса"* Фэркло, на основе которого мы вначале изучаем отношения между структурой, практикой и изменением, а затем различие между *"дискурсом"* и *"строем дискурса"*. Мы также обсуждаем способы разграничения дискурсов в отдельных исследовательских проектах, а также то, что собственно необходимо анализировать в эмпирических текстах. Таким образом, сконцентрировавшись на анализе текста, мы предлагаем четыре

стратегии его применения и достижения полного понимания эмпирического материала. Затем мы расширим границы нашего направления, чтобы охватить интеграцию различных дискурсаналитических и недискурсаналитических подходов в мультиперспективной структуре социального исследования. Здесь мы вначале обсудим проблемы и вопросы, связанные с комбинацией различных подходов, а затем представим эмпирический пример, чтобы проиллюстрировать построение такой структуры и ее применения в анализе эмпирического материала. В заключение, мы обсудим вопрос валидности дискурс-анализа и приведем некоторые критерии, которые могут помочь обеспечить качество результатов исследования.

5. 1. Дискурс как структура и практика

Структурализм часто критиковали за неспособность объяснить изменения. Стереотипные структуралисты могут картографировать структуру на какой-то момент времени, а потом обнаружить, что за это время структура изменилась, но у них нет никаких инструментов для объяснения этого изменения. Объект их исследования области языка сводится к *langue (языку)* — структуре, лежащей в основе, в то время как *parole (речь)* — языковую практику, они отрицают. Если не исследовать практику, трудно объяснить, откуда появляется структура и что может ее изменить.

Постструктурализм благодаря своим базовым посылкам учитывает, что структуру никогда нельзя зафиксировать, поскольку значения можно определить только частично и временно. Структура постоянно зависит от того, как она "кристаллизуется" в языковой практике. Благодаря этим посылкам в постструктурализме принимаются во внимание изменения. Таким образом, постструктурализм "пытается" объединять оба уровня, *langue* (базовая структура языка) и *parole* (использование языка на практике), то

есть объединить структуру и практику в единый процесс, благодаря которому структура — нечто большее, чем просто основа — существует только в дискурсивных практиках, которые воспроизводят или преобразуют ее.

Среди наших подходов, теория Лакло и Муфф "наиболее постструктуралистская". Однако другие подходы также имеют дуалисткий взгляд на дискурсивную практику. Все они признают, что в каждой дискурсивной практике необходимо основываться на более ранних *производствах* значений, чтобы быть понятым. При этом некоторые элементы могут быть совмещены новым способом и, тем самым, изменять дискурсивные структуры.

Для анализа этих процессов Фэркло использует такие ключевые концепты, как "*интертекстуальность*" и "*интердискурсивность*". Наблюдая, как отдельные тексты используют раннее сформированные значения и как они смешивают различные дискурсы, он исследует, как воспроизводятся дискурсы и — в первую очередь — как они изменяются. Кроме того, он исследует, как различные дискурсы *комбинируются в новых артикуляциях,* и артикулируются ли одни и те же дискурсы совместно *сквозь* серию текстов или же, наоборот, в новых артикуляциях объединяются разные дискурсы.

Интердискурсивность является и признаком, и движущей силой социального и культурного изменения. Анализируя интертекстуальность и интердискурсивность, можно понять роль дискурсов в процессах социального изменения. При изучении процессов изменения с позиций критического дискурс-анализа, важно иметь в виду, что дискурсивные практики всегда функционируют в диалектическом взаимодействии с другими измерениями социальных практик и то, что другие измерения могут накладывать структурные ограничения на способы использования и изменения дискурсов.

Среди выбранных нами подходов наиболее явный интерес к процессам изменения дискурса выражен именно

в критическом дискурс-анализе Фэркло. В главе 3 (анализ университетских объявлений о приеме на работу) мы обратили внимание на то, что интересует Фэркло, — каким образом консьюмеристский дискурс "обосновался" в университетах и как он трансформирует традиционный университетский дискурс.

Однако другие подходы также можно использовать для анализа репродукции и трансформации дискурсов, поскольку они также разделяют точку зрения о том, что дискурсивная практика потенциально способна дестабилизировать доминирующие структуры дискурсов.

Концепт *артикуляция* в теории дискурса Лакло и Муфф имеет, в целом, теоретическое значение, похожее на концепт *интертекстуальности* Фэркло. Лакло и Муфф рассматривают *артикуляцию* как некую комбинацию элементов, которое дает им новую идентичность. Артикуляция концептуализирует изменение. Каждая дискурсивная практика — это артикуляция, поскольку никакая практика не является точным повторением более ранних структур. Каждое явное воспроизводство включает элемент изменения, пусть даже минимальный. Подобно концептам *интертекстуальности* и *интердискурсивности* Фэркло, *артикуляция* включает *точку*, которую использует дискурсивная практика и которая разрушает более ранние структуры.

Дискурсивная психология подчеркивает неустойчивые отношения между дискурсами. Дискурсивные психологи анализируют избирательность, с которой люди используют различные дискурсы в различных социальных контекстах. И вновь, предмет изучения — способ, с помощью которого доминирующая структура обеспечивает базу, *а также* оспаривается, преобразуется в речи.

Таким образом, на теоретическом уровне, все подходы размывают четкое разделение структуры и практики, рассматривая эти два уровня как единый процесс. Но есть основания считать, что в эмпирическом исследовании не-

обходимо проводить различие между структурой и практикой на аналитическом уровне, и большинство подходов действительно проводят это различие.

В отдельно взятом исследовании проводится анализ ограниченного количества дискурсивных высказываний. Чтобы сказать о них что-нибудь осмысленное — например, вносят ли они вклад в воспроизводство или изменение дискурса — необходимо их расположить на каком-либо фоне. Очень важно понимать, что же все-таки происходит — воспроизводство или изменение практики? То есть, необходимо понимать вид структуры, относительно которой следует проводить анализ.

Фэркло наиболее ясен в этом отношении. Он предлагает исследователю анализировать два измерения: коммуникативную ситуацию и порядок дискурса. Практику необходимо анализировать в свете той структуры, к которой она относится.

Лакло и Муфф оперируют подобным различием, а именно — различием между артикуляцией и дискурсом. В их подходе, дискурс — это более абстрактная фиксация значения, а артикуляция — определенное действие, которое использует или преобразует дискурс.

Дискурсивные психологи допускают подобную дуальность. Они анализируют то, как люди используют дискурсивные ресурсы в социальном взаимодействии, полагая, что определенные дискурсы преимущественно находятся на "заднем плане". Однако некоторых дискурсивных психологов можно критиковать за то, что они не действуют явно и открыто на уровне, сопоставимом с "дискурс-строем". В их анализе дискурс-строй существует имплицитно, только как подразумевание. По-видимому, некоторые дискурсивные психологи занимают экстремальную противоположную позицию, чтобы не рассматривать дискурсы как овеществленные и безличные явления, где исчезает агентивность человека — то есть избегая формы анализа Фэркло, Лакло и Муфф. Они склонны отрицать, что дис-

курсы и порядки дискурсов налагают ограничения на общение людей в социальном взаимодействии.

Но как исследовать порядок дискурса, если считать его фоном для анализа использования языка? Здесь полезно воспользоваться уже существующими исследованиями, чтобы сформировать идеи паттернов, которые преобладают в исследуемой социальной области. Тогда результаты собственного анализа могут помочь в понимании порядка дискурса, хотя только очень обстоятельное изучение позволит сделать полную картографию порядка дискурса.

5. 2. Дискурс и дискурс-строй

Дискурс-аналитическую структуру эмпирического исследования можно построить различными способами, в зависимости от проблемы исследования и теоретического подхода исследователя. Здесь мы развиваем идею о применении концепта "дискурс-строй" (мы представили ее в предыдущих главах) как основного стержня аналитической структуры.

Во всех трех подходах дискурс представлен в общих терминах как фиксация значения в определенной области. Но дополнительно необходимо концептуализировать различные дискурсы, конкурирующие в одной и той области. Здесь можно воспользоваться концептом "дискурс-строй", сформулированном в критическом дискурс-анализе.

Дискурс-строй — это сложная конфигурация дискурсов и жанров в одной и той же социальной области или институте (см. главу 3). Таким образом, можно принять концепт "порядок дискурса" для того, чтобы обозначить различные дискурсы, которые частично "накрывают" одну и ту же социальную территорию — здесь каждый дискурс

конкурирует за наполнение этой территории своим собственным значением.

Есть ли в теории, на которой основано дискурсаналитическое исследование, четкое различие между дискурсивными и недискурсивными измерениями социальной практики (как критический дискурс-анализ) или нет (как теория дискурса Лакло и Муфф и дискурсивная психология)? При ответе важно учитывать сам материал и институциональную "укорененность" дискурса, поскольку во всех подходах текст и речь включены в более широкую социальную практику.

Обычный способ ограничить исследование — это сконцентрироваться на одном единственном порядке дискурса. Изучение различных, конкурирующих дискурсов внутри одной и той же социальной области дает возможность исследовать, где доминирует некий дискурс; где идет борьба между различными дискурсами; и где предположения, основанные на здравом смысле, разделяются всеми доминирующими дискурсами.

Как мы обсудили в конце главы 2, отношения между условностью и постоянством в какой-то области можно исследовать, анализируя дискурс-строй. Области, где все дискурсы разделяют одни и те же *здравые* предположения, менее открыты для изменений, и более вероятно, что они останутся устойчивыми, тогда как области конкуренции дискурсов за фиксацию значения нестабильны и более открыты для изменений.

Структурирование исследования в терминах порядка дискурса, кроме того, позволяет проанализировать *дистрибуцию* дискурсов в определенной области. Более того, важный момент — это дистрибуция доступа к различным дискурсам внутри дискурс-строя. Люди имеют разный доступ к дискурсам. Например, телевизионные новости часто включают комментарии от не журналистов. Однако, при

этом, некоторым комментаторам предоставляют статус "эксперта", и они делают заявления, имеющие статус истинных. Другим же отводится позиция "обычных людей", а их комментарии представляются лишь как "мнения", а не как истина.

Большинство дискурсивных психологов просто не учитывают, что существует несоответствие во власти между различными дискурсами и люди имеют разный доступ к дискурсам. Мы считаем, что стоит применять анализ дискурс-строй — он позволяет идентифицировать взаимоотношения между дискурсами внутри какой-то конкретной области и, таким образом, объясняет, почему люди в специфических ситуациях используют одни дискурсы больше, чем другие.

Несмотря на то, что исследователям свойственно делать акцент на одном единственном дискурс-строе в отдельных научных исследованиях, все же они не должны забывать о взаимоотношениях между дискурс-строями.

Фэркло отмечает, что изменение происходит именно тогда, когда дискурсы транспортируют интердискурсивно — *между* дискурс-строями, как в его примере, где университеты инкорпорируют из рыночного дискурс-строя. Поэтому, если исследование ограничено одним единственным дискурс-строем, важно быть особо внимательным к дискурсам, которые "произошли" от других дискурс-строев. Особый интерес представляет, кто из акторов воспроизводит "иностранные" дискурсы, какие дискурсы заменяются новыми дискурсами и каковы последствия этого.

5. 2. 1. Границы дискурсов

Вопрос — как определить границы дискурса и дискурс-строя — все еще остается открытым. Как решить, где заканчивается один дискурс и начинается другой? В этих подходах определение термина "дискурс" отличается, но

все же есть и общий знаменатель: дискурсы можно рассматривать как фиксацию значений, которые находятся в неустойчивых отношениях. Дискурс — особый *способ* репрезентации мира (или какой-то его части).

На основе этого определения можно сказать, что границы дискурса — там, где элементы артикулируются так, что это не совместимо более с терминами дискурса. Однако это не решает проблему.

Например, возникает вопрос, есть ли смысл говорить о "медицинском дискурсе". Вероятно да, если он противопоставлен "дискурсу об альтернативных формах лечения". Но если внимательнее изучить "медицинский дискурс", то в нем можно заметить разногласия и борьбу за определение значений (в научных публикациях, методах лечения и так далее). А если провести еще более пристальный анализ, то материал можно с успехом разделить на бесчисленное количество более маленьких дискурсов.

Если лишь анализировать тексты исследований (а не их потребление) проблема усиливается, потому что во всех подходах есть согласие относительно того, что получатели текстов активны в процессе его потребления. То, что однозначно для одного читателя, другой воспринимает как противоречие.

Это практическая проблема эмпирического исследования, поскольку аналитик должен иметь первоначальную представление о том, как провести границу между дискурсами. Но это и теоретическая проблема — ни в одном из подходов нет ясного ответа на этот вопрос. Иногда возникает впечатление, что все что угодно на любом уровне может быть дискурсом. Например, в отдельно взятом анализе Фэркло идентифицирует не только "военный дискурс", но и "дискурс военного нападения". Последний, в свою очередь, он делит на "официальный дискурс военного нападения" и "фиктивный дискурс военного нападения". Несмотря на это, во всех подходах "дискурс", в той или иной

мере, относится к сущностям, которые фактически можно обнаружить в реальности.

Мы в большей степени рассматриваем дискурс как аналитический концепт — как сущность, которую исследователь проецирует на действительность, чтобы создать структуру исследования. Это означает, что вопрос определения границ стратегически детерминирован целями исследования.

Таким образом, цели исследования задают "дистанцию" исследователя по отношению к материалу и, следовательно, определяют, что можно интерпретировать как отдельный дискурс.

Например, если интерес исследователя в дискурсивном изучении конфликта между *традиционной медициной* и *альтернативным лечением*, то каждую область целесообразно рассматривать как дискурсы — однородные фиксации значений. Однако если интерес исследователя связан исключительно с областью *традиционной медицины*, то лучше разделить дискурс официальной медицины на различные дискурсы, например, "дискурс практикующих врачей" и "дискурс теоретиков медицины".

Интерпретация границ дискурса, как аналитическая задача, подразумевает, что дискурс — это скорее объект, созданный исследователем, а не объект без границ, существующий в действительности, "готовый" к тому, чтобы его идентифицировали и картографировали.

Это не означает, что дискурсом можно называть все что угодно. В своих отчетах исследователи должны обосновать, что определение границ, которые они провели, целесообразно. Вначале определять границы дискурсов можно с помощью дополнительной литературы, в которой идентифицированы отдельные дискурсы, но эта работа должна продолжаться при анализе материала. При анализе можно обнаружить, что артикулируются совсем не те дискурсы, что первоначально предполагалось. Мы еще вернемся к

вопросу о том, как определение границ дискурсов обеспечить эмпирически.

Дискурс-строй, включающий ряд других дискурсов, формируется в то же самое время и таким же образом, как дискурсы. Если предмет исследования — отношения между традиционной медициной и альтернативными методами лечения, то "лечение болезней" может быть выбрано как строй дискурса, внутри которого оперируют дискурсы "медицина" и "альтернативное лечение". И если, например, интерес, скорее, в том, как производится медицинская истина внутри медицинской науки, "медицинская наука" представляет собой строй дискурса, в котором различные дискурсы "борются" за производство истины.

5. 2. 2. Содержание дискурсов

Сейчас мы представили особый способ концептуализации дискурса и дискурс-строя с позиции их операционализации в эмпирическом анализе: строй дискурса — это общая платформа различных дискурсов, и дискурсы — это паттерн значений внутри строя дискурса. Используя эту структуру, исследователь может описать различные дискурсы, учитывая следующие аспекты:

- аспекты мира, которым дискурсы приписывают значение;
- специфические способы, которыми каждый дискурс приписывает значение;
- точки, в которых существует открытая борьба между различными репрезентациями;
- любые мнения, присутствующие во всех дискурсах как здравый смысл.

Внутри этой структуры особое значение придается изменениям дискурса во времени (как в работе Фэркло), или как в подходах дискурсивной психологии — тому, как люди риторически используют дискурсивные ресурсы в социальном взаимодействии.

Содержание дискурсов зависит, конечно, от природы изучаемых дискурсов. Но в основном цель состоит в том, чтобы выяснить, каким образом миру (или его аспектам) дискурсивно приписываются значения, и какие социальные последствия это имеет. Предпосылка анализа заключается в том, что дискурсы, представляя действительность одним особым способом скорее, чем какими-либо другими, конституируют субъекты и объекты, создают границы между истинным и ложным, и делают некоторые типы действия уместными, а другие невозможными.

Именно в этом смысле дискурс является конституирующим для всего социального. Хотя Фэркло считает, что дискурсы работают вместе с другими недискурсивными процессами в конституировании социального, в то время как другие подходы не делают различия между дискурсивным и недискурсивным, все подходы единодушны в том, что дискурсивные описания реальности важны и имеют социальные последствия.

Дискурсивные психологи, на которых произвел впечатление конверсационный анализ, особо не заинтересованы в том, чтобы разобраться в том, как определенный дискурс, циркулирующий в обществе, работает на то, чтобы конституировать определенные формы социальных организаций. Дискурсы трактуются как ресурсы, которые всегда доступны для использования людьми в процессе конструирования идентичности, а не как социальные осадочные ограничения на конструирование идентичности.

Различия среди социальных групп относительно доступа к дискурсам остаются вне игры. Для того чтобы учесть дискурсивные ограничения на формирование идентичности, в любом исследовании необходимо комбинировать этот подход с другими подходами, которые больше учитывают дискурсивное конституирование социального и его эффектов. Это такие подходы как теория дискурса Лакло и Муфф или критический дискурс-анализ.

Если, как мы предполагали, в исследовании концентрироваться на строе дискурса, а не на отдельном дискурсе, то взаимодействие *между* дискурсами внутри дискурс-строя попадает в фокус внимания. Это дает преимущество, поскольку именно в таком взаимодействии социальные последствия становятся наиболее очевидными: когда два или более дискурсов в одной и той же области представляют различный взгляд на мир, исследователь может задаться вопросом: каковы последствия того, что один взгляд будет принят вместо другого.

Центральный момент всей книги — это конституирование субъектов и идентичностей как одного из аспектов конституирования реальности в дискурсах. Фэркло отмечает, что этот аспект необходимо исследовать. Но по сравнению с другими подходами, на наш взгляд, критический дискурс-анализ имеет наименее развитое представление о самости и идентичности. Концепция субъектов и концепция идентичностей, разделяемые дискурсивной психологией и теорией дискурса Лакло и Муфф, очень похожи, поскольку основаны на постструктурализме. Различие между этими подходами заключаются в предмете их анализа, и оно имеет большое значение: на уровне эмпирического исследования дискурсивная психология вносит особый вклад в понимание субъекта как агента динамических дискурсивных процессов в социальном взаимодействии; теория дискурса отличается теоретической строгостью в анализе групповой формации и коллективной идентичности.

Если теория Фэркло выбрана в качестве аналитической структуры, то целесообразно привлечь другие подходы в связи с вопросом конституирования мнений, идентичности и групп. Они могут обеспечить полезными инструментами для прояснения связи между широкими культурными и социальными процессами, с одной стороны, и мнениями, действиями индивидов и групп, с другой.

5. 2. 3. Аналитические инструменты

Содержание дискурсов можно исследовать, используя множество различных инструментов, и в предыдущих трех главах мы представили некоторые инструменты этих трех подходов. Фэркло — сторонник систематического лингвистического анализа, и с помощью его инструментов всегда можно найти способ начать анализ и можно идентифицировать много особенностей, которые остались бы незамеченными при первоначальном чтении. Кроме того, посредством систематического лингвистического анализа исследователи могут обеспечить серьезную поддержку своим заявлениям относительно текстов и могут задокументировать полученные результаты дискурс-анализа. Последнее особенно важно: при презентации анализа исследователь должен гарантировать, что читатель может следовать шагами, которые были предприняты для достижения результата, тем самым предоставив читателю возможность сделать свою собственную оценку.

Такую поддержку и документирование результатов можно обеспечить и другими (не лингвистическими) методами — например, дискурсивная психология привлекает конверсационный анализ и риторику в текстуальном анализе.

Среди представленных подходов, теория дискурса Лакло и Муфф предусматривает наименьшее количество инструментов анализа. Следовательно, в некоторых случаях имеет смысл начать с лингвистического метода Фэркло или риторического метода дискурсивной психологии, или скомбинировать один из них (или оба) с теорией дискурса.

Непривлекательность метода Фэркло связана с уровнем детализации, которого он требует — часто времени хватает только для маленького количества текстов. Следовательно, метод требует, чтобы исследователь стратегически отбирал тексты для анализа. Чтобы сделать стра-

тегический отбор, вероятно, дискурсы и строи дискурса необходимо идентифицировать посредством первоначального обзора релевантных текстов, включая существующие исследования по этой теме.

Но не все считают, что дискурс-анализ должен включать очень детальную интерпретацию очень небольшого количества текстов. Некоторые дискурс-аналитики работают с большим количеством текстов, но, к сожалению, они редко объясняют то, какие инструменты использовались в анализе. Чтобы получить представление о том, какую форму может иметь такое исследование, и сформировать идею для своего проекта исследования, необходимо прочитать примеры других исследований, таких как Лакло и Муфф, и эмпирические работы Фэркло.

В предыдущих главах мы приводили примеры того, как анализировать различное дискурсивное содержание дискурсов, применяя инструменты различных подходов. В заключение мы посмотрим, как эти инструменты можно использовать, чтобы обеспечить эмпирическую поддержку для дискурсов и дискурс-строя, которые конструирует исследователь. Раньше мы утверждали, что дискурс — не то, что исследователь находит в реальности, он конструируется аналитически как начальная точка проблемы исследования. Всегда необходимо аргументировать демаркацию границ определенного дискурса, то же самое применимо к строю дискурса, который конструируется.

В главе 4 мы идентифицировали проблему дискурсивной психологии Уэтерелл и Поттер, связанную с этим вопросом. С нашей точки зрения, у них недостаточно эмпирических подтверждений "интерпретационных интерпретации" (или дискурсов), которые, по их утверждениям, используют люди. Чтобы исправить этот недостаток, можно использовать инструменты анализа, предлагаемые Фэркло. Согласно Фэркло, содержание (например, культура

маори как терапия) нельзя проанализировать без анализа лингвистической формы (словарь, грамматическая структура, метафоры и т. д.). Причина в том, что содержание всегда организовано в определенную форму, форма также является частью содержания[1]. Чтобы продемонстрировать, какую лингвистическую форму принимают определенные интерпретативные репертуары, можно использовать методы текстуального анализа Фэркло.

Хотя в дискурс-анализе Уэтерелл и Поттер акцентируют внимание *и* на том, что люди делают с их разговорной и письменной речью, *и* на их интерпретативных репертуарах, тем не менее, они не проводят детального анализа производства, репродукции и трансформации дискурсов посредством определенных лингвистических особенностей. И наоборот, примеры университетских объявлений о вакансиях у Фэркло (главе 3), показывают, как можно охарактеризовать дискурсы на основе их лингвистической формы.

При обнаружении и документировании строя дискурса, очень полезный инструмент — это концепт "*изменчивый знак*", разработанный в теории дискурса Лакло и Муфф: изменчивые знаки, которые различные акторы наполняют различным содержанием, можно рассматривать как индикаторы строя дискурса.

Например, изменчивый знак "демократия" может указывать на строй политических дискурсов (здесь политика понимается в узком смысле), в котором различные дискурсы пытаются определить "демократию" своим специфическим образом. То, что знак изменчивый, указывает, что дискурс не был успешен в фиксации своего значения и за нее борются другие дискурсы. "Игра" и отношения дискурсов друг с другом — это и есть то, что в итоге, конституирует порядок дискурса.

[1] *Fairclough 1992b*

5. 3. Аналитические стратегии

Три подхода, которые мы представили, содержат множество концептов, которые или прямо, или при дополнительной операционализации можно использовать на всех стадиях эмпирического исследования — от формулировки проблемы исследования до производства и анализа материала[1].

Анализ материала может быть труден — непонятно, с чего начинать и какие выбрать инструменты. И проблема не станет меньше, если — как мы рекомендуем — скомбинировать различные подходы в попытке использовать сильные стороны этих подходов. В специфическом анализе проблемой может быть и то, с чего начать, и какие инструменты анализа выбрать. В этом разделе мы представим четыре стратегии, которые можно использовать во всех подходах, чтобы обеспечить полное понимание материала и идентифицировать предмет анализа в дальнейшем исследования.

Природа этого предмета для анализа, при оптимистичном раскладе, предварительно задана первоначальной формулировкой проблемы исследования, но стратегии анализа могут помочь операционализировать и уточнять эти вопросы. На начальной стадии анализа стратегии можно использовать, чтобы получить первое и полное представление об отдельном тексте или корпусе текстов и выдвинуть гипотезы для более детального исследования. На более поздних стадиях анализа, стратегии анализа помогут исследователю поставить более специфические и точные вопросы к материалу — вопросы, которые, в свою очередь, можно исследовать, используя более специальные инструменты дискурс-анализа из любого подхода. В качестве иллюстрации стратегии мы используем тексты, представленные в примере 2.1 (глава 2, письмо в редакцию журнала и ответ консультанта).

---

[1] *Эта часть основана на Jorgensen 2001*

5. 3. 1. Сравнение

Самый простой путь сформировать впечатление о характере текста — сравнить его с другими текстами. Стратегия сравнения в теории основана на структуралистской точке зрения: утверждение приобретает значение всегда *через* отличия от чего-то другого, что было сказано или могло быть сказано. Применяя эту стратегию, исследователь задает следующие вопросы: чем изучаемый текст отличается от других текстов и каковы последствия этого? Какой взгляд на мире считается само собой разумеющимся, а какие взгляды не признаются?

К этим вопросам можно обратиться посредством сравнения изучаемого текста с другими текстами на ту же тему или посредством сравнения текстов на различные темы, адресованные к одной и той же аудитории.

Стратегия сравнения прекрасно подходит для усиления процесса, с помощью которого аналитики дистанцируются от своего материала. Процесс дистанциирования важен, поскольку одна из целей дискурс-анализа — идентифицировать в эмпирическом материале ассимилировавшие предположения, которые считаются само собой разумеющимися. А это может быть трудно, если сам исследователь разделяет эти предположения. Сравнение с радикально отличными позициями может помочь исследователю распознать при анализе[1] условную, культурно детерминированную природу аспектов текста. Таким образом, сравнение изучаемого текста с другими существующими возможностями — это первый шаг к более точному описанию специфических способов, с помощью которых текст производит значение.

Допустим, что объект эмпирического исследования — "колонки советов в журналах", а предмет научного интереса — способы, с помощью которых колонка женского

[1] *См. главу 6 для более детального обсуждения того, как "вскрыть" натурализованные посылки, принятые как само собой разумеющиеся*

журнала создает идентичности и социальные отношения для авторов и читателей. Один из способов приступить к выявлению природы сконструированных идентичностей в колонках советов — сравнить письмо (пример 2.1) с письмами, в которых, как предполагается, выражены и созданы другие идентичности, то есть с письмами к редактору, в которых читатели скорее констатируют свое мнение, чем просят совета. Или же письмо можно сравнить с другими текстами, в которых идет поиск совета — например, с транскрипцией консультации доктор/пациент. Это приблизит нас к описанию особого способа формирования идентичностей в печатном средстве, которые может адаптировать "консультант" и "клиент".

5. 3. 2. Замещение

Замещение — это форма сравнения, в которой сам аналитик создает текст для сравнения. Замещение означает замену слова другим, в результате которого появляются две версии текста, которые можно сравнить между собой. Таким образом, можно выявить значение первоначального слова. Когда "Несчастная" в примере 2.1 говорит, что она "бросила жизнь в религиозной общине", как влияет на значение высказывания слово "бросила"? Вместо этого она могла бы сказать, что "оставила" свою религиозную общину. Это подразумевало бы более высокий уровень добровольности решения. Наоборот, она могла сказать, что "ей пришлось оставить" религиозную общину, что означало бы большую степень принуждения. Посредством таких сравнений можно постепенно сформировать картину того, как текст формирует идентичность "Несчастной" по отношению к окружающему ее миру, включая решения, которые она конструирует, как по своей воле, так и те, которые находятся вне ее управления.

Замена, как и стратегия сравнения, основывается на структуралистской позиции, что слова приобретают значение благодаря отличиям от других слов. Выбор определенного слова ограничивает выбор ряда других слов, именно в этом процессе тексты приобретают свои отличительные значения. Когда применяют стратегию замены, то двигаются в противоположном направлении: включая в текст некоторые исключенные слов, можно сформировать впечатления о том, как изменяется значение текста — через "черный ход" формируется представление о том, как актуально отобранные слова создают в тексте специфические значения.

Если текст длинный, можно заменить единственное слово повсюду в тексте, чтобы увидеть, как оно изменяет значение текста в целом. Можно заменить и текстовые аспекты, а не отдельные слова. Например, можно заменить жанр или подразумеваемого реципиента текста, чтобы добиться понимания специфичности значений, которые производятся этими особенностями.

5. 3. 3. Преувеличение детали

Преувеличение включает непропорциональное "раздувание" определенной текстовой детали. Так, аналитик может идентифицировать текстовую особенность, которая кажется странной или значимой, но поскольку это лишь одна изолированная особенность, непонятно, насколько она важна или какое отношение к тексту в целом. Чтобы исследовать значимость этой особенности, можно преувеличить ее, а затем посмотреть, какие условия необходимы, чтобы эта особенность обрела смысл[1], и какой общей интерпретации текста она бы соответствовала. Часто интересные особенности встречаются в тех местах текста, где прекращается коммуникация, в которых языковое (ре-

[1] *Knedsen 1989: 43*

чевое) общение прекращается (см. главу 4 о точках кризиса). Однако другие особенности также можно подвергнуть преувеличению.

В случае с письмом в "проблемную страницу журнала", и читатель, и консультант используют термины, касающиеся психологических проблем (терапия, комплекс неполноценности). Можно преувеличить эту деталь, чтобы сформулировать гипотезу, что "проблемные страницы" в женских журналах имеют тенденцию психологизировать все проблемы. Если есть более обширный корпус материалов "проблемных страниц", то можно начать с чтения других текстов, чтобы установить какие элементы, если такие вообще есть, поддерживают эту интерпретацию, а какие особенности противоречат ей. Очень хорошо, если обнаружится, что некоторые проблемы сконструированы не как психологические, а как финансовые, социальные или вообще другие. Если это так, то первоначальную интерпретацию материала следует тщательно пересмотреть, ответив на следующие вопросы: может ли эта гипотеза объяснить *эти дополнительные элементы? Имеют ли элементы, несо*ответствующие гипотезе, какие-либо общие особенности? Возможно, некоторые части текста управляются одной логикой, а другие — иной. Такие вопросы можно изучить, применяя четвертую и последнюю стратегию — *полифоничность*.

5. 3. 4. Полифоничность

Стратегия *полифоничности* состоит в прослеживании различных голосов или дискурсивных логик в тексте. Стратегия основана на дискурс-аналитической посылке, связанной с интертекстуальностью — то есть предпосылке, что все высказывания неизбежно основываются, инкорпорируют и подвергают сомнению более ранние высказывания (см. главу 3). Интертекстуальность всегда включает воспро-

изводство и трансформацию различных голосов в новых артикуляциях, производящих полифоничные тексты.

Поэтому обнаружить, что текст полифоничен, — само по себе неинтересно, скорее цель стратегии — использовать полифоничность для генерирования новых вопросов к тексту: Что характеризуют различные голоса текста? Когда вступает каждый голос? В производстве каких значений участвуют различные голоса?

Возвращаясь к нашему примеру текстов "проблемной страницы журнала", стратегию полифоничности можно использовать, чтобы развить результаты стратегии преувеличения деталей. В центре внимания следующие вопросы:

> Когда вопросы о "поиске совета" инкорпорируются в дискурс психологических проблем, а когда применяются другие объяснительные структуры?
>
> Каким образом установлена граница между проблемами, с которыми может справиться обычный человек и проблемами, которые требуют психологической экспертизы?
>
> Каким образом сконструирован человек, нуждающийся в совете, который в определенном контексте свободен и отвечает за собственную жизнь, а в другом — жертва обстоятельств?

5. 3. 5. От стратегий к дальнейшему анализу

Часто в анализе единичного текста или корпуса текстов перед финальной интерпретацией материала исследователь должен проверить множество гипотез. В лучшем случае проверка первой гипотезы дает неубедительные результаты: некоторые аспекты совпадают, но все еще имеются текстуальные особенности, которые указывают

на другие направления исследования, остается ощущение, что гипотеза не может охватить ключевые особенности материала. Поэтому необходимо начинать все сначала.

Порядок, в котором мы представили эти четыре стратегии, произвольный. Анализ может начинаться с любой стратегии, аналитик может вернуться назад или перейти от одной стратегии к другой, совсем необязательно использовать все. Цель стратегий одновременно и в том, чтобы построить полное представление о материале, и в том, чтобы сформировать более четкие идеи о применении специфических инструментов дискурс-анализа и других подходов.

Когда, например, стратегия полифоничности приводит к идеям о позиционировании читателя как агента действия или жертвы внутри различных объяснительных структур, то эту линию можно продолжить, применяя один или больше подходов к дискурс-анализу, специфические инструменты других подходов, для исследования этого аспекта в дальнейшем. В теории дискурса Лакло и Муфф, которую мы применили к "проблемной странице" в главе 2, предметом могла бы быть конструкция различных идентичностей внутри различных дискурсах, анализ потенциально антагонистических отношений между различными идентичностями, как в примере о "проблемной странице". В критическом дискурс-анализе, позиционирование можно исследовать на уровне дискурсивной практики в терминах взаимоотношений между различными дискурсами, которые конструируют особые объяснения мира и идентичностей.

На уровне текста, дискурс-анализ может пролить свет на дискурсивную структуру объяснительных структур и идентичностей посредством анализа транзитивности. Транзитивность обеспечивает понимание того, как субъекты связаны (или отделены) с объектами или процессами. В дискурсивной психологии понимания позиционирования можно добиться путем анализа способов, с помощью которых люди, позиционируя себя и будучи позициони-

рованными, конструируют, договариваются и подвергают сомнению различные мнения, которые репрезентируют различные взгляды на мир, включая различные атрибуты ответственности за действия и события.

В следующем разделе этой главы мы проиллюстрируем три различные формы текстуального анализа, когда представим применение комплексной структуры исследования, основанной на всех трех подходах. Анализ можно рассматривать как циклический процесс, вовлекающий взаимодействие между полным пониманием и более детальным изучением отобранных аспектов материала, используя специфические дискурс-аналитические инструменты. Стратегии должны помочь в формировании полного представления и в выборе релевантных инструментов, для дальнейшего исследования используются специфические инструменты, которые в свою очередь могли бы трансформировать это понимание.

Важно, чтобы процесс интерпретации позволял материалу "сопротивляться". Используя термин "гипотезы" для предварительных интерпретаций, мы хотели показали, что вопросы к эмпирическому материалу должны быть настолько точными, чтобы обнаружить несостоятельность интерпретации. Таким образом, мы дистанцируемся не только от эмпиризма, который утверждает, что сам эмпирический материал обеспечивает нас своей собственной интерпретацией и не признает, что интерпретация — это всегда реконструкция материала. Мы также дистанцируемся от тенденции давать общие, широкие интерпретации, которые наводят на мысль, что ответ был заранее предопределен.

Мы можем рассматривать анализ как циклическое движение между общим пониманием и детальным анализом текста, и возникает вопрос: когда выйти из круга и принять решение, что интерпретация является окончательной. Мы возвратимся к этой проблеме в конце этой главы.

5. 4. Комплексное исследование

В этой главе мы уже показали сильные и слабые стороны различных дискурсаналитических подходов в целом, и идентифицировали области, где было бы полезно скомбинировать элементы различных подходов к дискурс-анализу. Такое комбинирование — форма комплексной работы, поскольку каждый подход производит особое представление об изучаемом явлении. Вместо того чтобы комбинировать различные дискурсаналитические подходы, дискурс-аналитики предпочитают применять какой-то однин дискурсаналитический подход и дополнять его не дискурсаналитическими теориями о специфическом изучаемом социальном явлении — например, теорией о глобализации, национализме, организациях или СМИ. Формируя структуру комплексного исследования посредством комбинирования различных подходов — дискурсаналитических или недискурсаналитических — исследователь может "осветить" явление с различных точек зрения и, таким образом, предоставить большее количество объяснений комплексности явления. Но центральная проблема состоит в том, как комбинировать подходы, основанные на различных и иногда несовместимых, онтологических или эпистемологических предпосылках. Мы считаем, что необходимо соотносить различные подходы между собой, идентифицируя формы (локальных) знаний, которые производит каждый подход и переводя недискурсивноаналитические подходы в термины дискурс-анализа, чтобы обеспечить совместимость философских предпосылок, теорий и методов различных подходов.

Сначала мы обсудим, что считать основными проблемами, которые относятся к конструкции типа комплексной структуры, которая одновременно основывается на различных дискурс- и недискурсаналитических подходах. Основные проблемы — это вопросы о подходе, совмес-

тимости и переводе. Потом мы приведем эмпирическую иллюстрацию того, как построить дискурсаналитическую структуру, основанную на различных дискурсаналитических подходах, как импортировать в эту структуру различные не дискурсаналитические подходы и как применить полученную комплексную структуру в текстуальном анализе эмпирического материала. Относительно конструкции комплексной структуры, включение каждого подхода обосновывается знаниями, которые может произвести каждый подход об изучаемом социальном явлении. Комбинированное применение подходов в текстуальном анализе предназначено как для иллюстрации определенной формы знаний, которую вносит каждый подход, так и для объяснительной силы такой комплексной структуры в целом, как социальной методологии исследования.

5. 4. 1. Комбинирование различных подходов. Основные проблемы

При проведении дискурсаналитического исследования важно твердо придерживаться социально-конструкционистской посылки, что объект исследования сам по себе не определяет выбора теории и метода. В этом смысле исследование не отражает реальности. Скорее, философская и теоретическая структуры особым образом вносят вклад в конструирование поля исследования. Как следствие, различные подходы по-разному представляют "одну и ту же" область исследования, подчеркивая одни аспекты и игнорируя другие. Дискурсаналитическая структура должна основываться на диалоге с этой изучаемой областью, посредством которого аналитик распознаёт и объясняет, как структура создала объект (наоборот) и проясняет условную природу произведенного знания. В этом процессе важно убедиться в том, что философские предпосылки, теории и методы составляют одно целое — а именно, что

они вместе образуют целостный комплекс (выражение, введенное в главе 1).

Начальная точка наших рассуждений состоит в том, что комбинирование различных теорий и методов, формирование комплексной структуры исследования подходит в качестве методологии для социального конструкционистского дискурс-анализа отчасти благодаря своему конструкционистскому *перспективизму*.

Если знания можно получить из отдельных подходов, то различные подходы производят скорее различные формы контекстуально связанных условных знаний, чем универсальные знания, базирующиеся на нейтральных, свободных от контекста основаниях. В сочетании различные формы знания производят не универсальное, но более широкое, хотя и условное, представление. Другое основание для комплексного исследования — это его соответствие критическому исследованию: ведь различные подходы показывают, что социальный мир можно рассматривать и конструировать различными способами. Таким образом, это подчеркивает, что определенные вещи могли бы быть другими, доступными для возможного социального изменения. Соответственно, комплексное исследование, комбинирующее дискурс-анализ с другими социальными теориями, популярно среди дискурс-аналитиков.

При том, что применение недискурсаналитических подходов в сочетании с дискурс-анализом широко распространено, тем не менее существует тенденция игнорировать или, по крайней мере, недооценивать эпистемологические, теоретические и методологические значения не дискурсаналитических теорий, включенных в дискурсаналитическу структуру. Исключением является работа Чоулиараки и Фэркло: они исследуют теоретически способы, с помощью которых не дискурс-аналитический социальный анализ и дискурс-анализ взаимодополняют друг друга. Они приводят аргументы в пользу применения различных типов теорий внутри критической дискурсаналитической

структуры, обеспечивающих критический характер всего исследования. Что касается специфических эмпирических исследований, сравнительно немного дискурс-аналитиков поднимают вопрос о совместимости, когда сообщают о своем применении подходов, базирующихся на различных философских предпосылках.

Мы приводим доводы в пользу комплексного дискурс-анализа, который учитывает проблемы, связанные с объединением различных дискурсаналитических подходов и привлечением недискурсаналитических подходов. Мы считает особенно важным, чтобы дискурс-аналитики придерживались ключевого принципа комплексного исследования, упомянутого в главе 1: он отнюдь не базируется на "беспорядочной смеси" несопоставимых подходов без серьезной оценки их взаимоотношений (как это происходит во многих типах эклектизма). Скорее, комплексное исследование требует "взвешивания", сопоставления подходов между собой относительно их философских предпосылок, теоретических требований, методологии и метода; идентификации того, какой вид условных знаний может обеспечить каждый подход; и модификации подходов в свете этих рассуждений. Только посредством идентификации индивидуальных посылок и сравнения подходов мы можем выявить природу этих условных знаний и то, что может, а чего не может сделать каждый подход. Определяя, что подход может сделать, мы непосредственно выясняем, для чего мы можем его использовать, и также можем обосновать его применение. Определяя, чего подход не может сделать, мы обосновываем его применение совместно с другими подходами

Часто при формировании структуры исследования ее можно улучшить, если *импортировать* подходы, которые базируются на различных и даже, на первый взгляд, несовместимых философских предпосылках относительно природы языка и социальной реальности. Но — и это очень большое "но" — необходимо *перевести импортированные*

теории, основанные на различных посылках, в термины дискурс-анализа.

Степень и природа такого перевода зависят, конечно, от посылок дискурсаналитической структуры, принятой исследователем — и, в особенности, от его взглядов на отношения между дискурсом и социальной практикой.

Если, например, применяемая структура основана на теории дискурса Лакло и Муфф, тогда необходимо провести большую работу, связанную с переводом. Согласно теории дискурса, все социальное сконструировано дискурсивно, а теории, которые признают другие формы логики, отличные от дискурсивных, необходимо перевести в термины дискурса. Например, теории, которые считают, что экономическая логика функционирует независимо от дискурсивной, необходимо приспособить, чтобы вписать их в пространство теории дискурса.

Если применяемая структура исследования — это структуре критического дискурс-анализа Фэркло, социологическая теория может служить основой в анализе более широкой социальной практики, неотъемлемой частью которой является дискурсивная практика. При этом аналитику совсем *не обязательно* "переводить" теории в дискурсивные термины. Это возможно потому, что Фэркло рассматривает дискурсивную практику лишь как одно из измерений социального, которое диалектически связано с другими измерениями, функционирующими в соответствии с другими логиками. Чтобы понять другие измерения, необходимо привлечь релевантные теории, которые могут их прояснить.

Сейчас посредством эмпирической иллюстрации мы обратимся к тому, как построить и применить к дискурс-анализу дискурсаналитическую структуру, основанную на различных подходах; как испортировать социологические теории в дискурсаналитическую структуру исследования; как применить структуру в текстуальном анализе. Мы особо рассмотрим природу условных знаний, произведенных

каждым подходом, и для того, чтобы обосновать его включение в структуру, и для того, чтобы точно определить его вклад в социологическое понимание области изучения. Цель этого примера — обеспечить идеи о том, как проводить эмпирическое исследование, в котором исследователь комбинирует различные дискурсаналитические подходы, импортирует и переводит недискурсаналитические теории.

5 .4. 2. Пример — окружающая среда и политическая акция

Этот пример мы взяли из исследования окружающей среды и политической акции в Дании[1], которое провела Луиза Филлипс. Исследование основано на 33 полуструктурированных интервью с отдельными людьми, парами и группами. Предметом исследования был их дискурс об окружающей среде и политической акции в свете современных социальных изменений.

Эти изменения включают резкое увеличение риска, развитие отношений между глобальным и локальным, связанное с распространением масс-медиа коммуникации, а также появление новых форм политики, основанных на потребительской культуре и индивидуализации. Главным мотивом исследования послужило представление о том, что существует потребность в эмпирическом исследовании, которое для изучения связи между общими социальными событиями и повседневными беседами людей *систематически* привлекает социальной теории. В этом примере мы концентрируем внимание на одной из основных тем исследования: на способах, с помощью которых потребительская практика окружающей среды представлена дискурсивно. Основной предмет исследования — как люди справляются с жизнью в условиях неопределенности,

[1] *Для описания исследований см. Phillips (2000a, 2000b)*

связанных с риском; и как они договариваются об ответственности за проблемы окружающей среды? Эти вопросы раскрываются посредством анализа того, как различные дискурсы приписывают свои значения "потреблению" и различные идентичности акторам — как персонально ответственным за проблемы или, наоборот, как политически безразличным.

Построение дискурсаналитической структуры

Структура основывается на всех трех подходах — теории дискурса Лакло и Муфф, критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии — и базируется на представлении о том, что дискурс, по крайней мере частично, конституирует субъекты и социальную практику.

Дискурсы рассматривают, в широком смысле, как ограничения возможных утверждений, способствующих ограничению числа значений. При этом дискурсы определяют, что можно говорить в определенных ситуациях. Дискурсивное изменение — и таким образом социальное и культурное изменение — происходит, когда элементы существующих дискурсов артикулируются вместе, чтобы сформировать новые *интердискурсивные соединения*. Однако эта структура "отклоняется" от теории дискурса Лакло и Муфф, и хотя все-таки основывается на новых подходах критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии в том, что эмпирически "сфокусирована" на ситуативном использовании языка в специфических интеракциональных контекстах скорее, чем абстрактно на дискурсах, распространенных в обществе.

Мы используем критический дискурс-анализ Нормана Фэркло и как основную модель дискурса (то есть социальной практики), и как основную методологию детального дискурс-анализа. Дискурс анализируется в терминах трех измерений: дискурсивная практика, текст и социальная практика. Для анализа дискурсивного измерения прак-

тики применяется подход Лакло и Муфф к дискурсам и идентичности. Как и Фэркло, на основе социальной теории Филлипс проводит различие между более широкой социальной практикой и дискурсом, чтобы прояснить более широкие социальные изменения, частью которых является дискурс. Но в отличие от Фэркло, этот ход не основан на *онтологическом* различии между дискурсивным и недискурсивным. Согласно Филлипс, установление онтологических различий приводит к приуменьшению роли дискурса — репрезентации социальной практики в значении — как *конститутивного* измерения каждой социальной практики. Вместо этого, структура исследования Филлипс основана на *аналитическом* различии между дискурсивными практиками (объектом эмпирического анализа) и более широкими социальными изменениями (фоном для анализа). Другими словами, вопрос онтологического статуса дискурса и дискурсивной практики вынесен за скобки, и дискурсивная практика интерпретируется как иное аналитическое измерение социальной практики.

В дискурсаналитическую структуру импортированы социальные теории о политике, о средствах коммуникации, рисках и идентичности с тем, чтобы раскрыть социальную практику *и* как подсказку, намек в анализе. Эти теории импортированы только после процесса перевода, чтобы соответствовать дискурс-аналитической структуре исследования.

Подход к критическому дискурс-анализу дополняется подходом дискурсивной психологии[1], который уделяет значительное внимание использованию дискурсов как гибких ресурсов в создании и обсуждении репрезентаций о мире и идентичностей в речевом взаимодействии. Подход Уэтрелла и Поттера сочетает дискурс-теоретический и постструктуралистский фокус на способах, с помощью которых специфические дискурсы конституируют субъекты

[1] *Wetherell и Potter 1992*

и объекты, и интеракционистский акцент на способах, которыми люди используют дискурсивные ресурсы, чтобы активно производить социальные действия в специфических контекстах взаимодействия.

Социальная теория: импортирование и перевод

При включении социологических теорий в дискурс-аналитическую структуру необходимо преобразовывать теории посредством перевода в дискурсаналитические термины. Метафора перевода описывает процесс *трансформации*, который происходит при переходе от одного аналитического дискурса (социологической теории) — в другой (дискурс-анализ)[1]. Сейчас мы приведем примеры некоторых импортированных социальных теорий и перевода, которому они подверглись.

Социальные теории, использованные в исследовании, рассматривают увеличение рисков, излишнее смещение культуры и политики в область СМИ[2], а также новые формы политики[3]. Здесь мы ограничимся кратким описанием вклада Ульриха Бека, Энтони Гидденса и Зигмунда Баумана. Бек описывает современное общество как общество риска, в котором индустриальная модернизация создала ряд рискованных ситуаций. Они не ограничены во времени и пространстве и имеют источники и последствия, которые никто не принимает в расчет. В результате таких рискованных ситуаций люди чувствуют себя зависимыми от научных знаний и рациональности, в распространении которых важную роль играют СМИ. Но в то же время, мы потеряли веру в науку. Научная рациональность все чаще и чаще оспаривается социальной рациональностью, аргументы которой лежат за пределами элитной политики и науки.

---

[1] *См. также Chouliaraki и Fairclogh 1999: 112 и далее*

[2] *Например, Baumann 1991; 1992; Beck 1996; Tompson 1995*

[3] *Например, Beck 1996; Giddens 1991*

СМИ предоставляют основную арену борьбы между заявлениями о знаниях (истине) в различных формах рациональности за источники, эффекты рисков и возможные решения. На нас обрушивается огромное количество проблем, на которые мы должны реагировать. Многие из проблем принимают форму рисков со стороны окружающей среды, таких как "в моем чае могут быть пестициды", или "вырубка большого количества деревьев становится причиной глобального потепления". Благодаря увеличению опосредованного опыта, утверждает Бек, мы становимся более осведомленными и эмоционально чувствительными к объектам, о которых знаем лишь из СМИ (таких как глобальные экологические катастрофы).

Осознание глобальных проблем — включая экологические риски, согласно Бек — которого человечество достигает посредством СМИ, усиливает чувство личной моральной ответственности за решение этих проблем.

Акцент на личной ответственности можно рассматривать как часть общей тенденции к индивидуализации, посредством которой традиционно налагались социальные ограничения на индивидуальную свободу — прежде *они считались такими же неизбежными и устойчивыми,* какими сейчас считают выбор и ответственность. Новые формы политики возникли в условиях индивидуализации, которые Беку описывал как субполитику, а Гидденсом — как политику жизни. Субполитика — эта одна из форм критичности, которая характерна для общества риска. В субполитике люди независимо от установленной политической системы участвуют в рефлексии и критике существующих форм социальной организации, в особенности в обсуждении моральных проблем, связанных, например, с окружающей средой. Конфликты в СМИ между конкурирующими заявлениями о знаниях репрезентируют форму критических рефлексивных споров о правах и усиливают субполитическую деятельность, обеспечивая людей необходимыми знаниями для компетентной критики аргумен-

тов экспертов. Подобный концепт *жизненной политики* Гидденса базируется на том, что люди признают взаимодействие между локальным и глобальным в повседневной жизни. Концепт опирается на индивидуальности, поскольку глобализующие силы "покушаются" на самость, и поскольку самоактуализация формирует глобальные силы. Политическое действие, основанное на жизненной политике, может включать потребительскую практику.

Бауман придерживается противоположной точки зрения. Он не считает, что индивидуализация ведет к новым формам политики, основанной на солидарности. Напротив, он подчеркивает разрушительный эффект индивидуализации и товарных отношений на формы политики, основанные на чувстве солидарности. Консьюмеризм, распространяемый посредством СМИ, способствует центрированному-на-самости индивидуализму, который разрушает возможности для формирования устойчивых идентичностей.

Консьюмеризм обеспечивает людей легким отношением к ответственности. Потребительский выбор подчеркивает значение индивидуальной ответственности за общественные проблемы. Это влечет за собой, в терминах Баумана, "приватизацию человеческих проблем и ответственность за их решение". Согласно Бауману, поведение потребителя — частные шоппинг-соображения — не являются эффективной формой политического действия. А в постмодернистском потребительском обществе, утверждает он, люди действуют лишь как потребители, а не как граждане. Неудача в решении социальных проблем приводит не к политическим протестам, а к чувству вины, стыда и замешательства.

Когда недискурсаналитические теории импортируются в дискурсаналитическую структуру, необходимо учитывать элементы, которые онтологически или эпистемологически не соответствуют дискурс-анализу, и проанализировать, как эти элементы распространяются на

остальные теории. Мы считаем, что возможно импортировать недискурсивные теории без включения всех элементов. Однако элементы, которые будут использоваться, необходимо перевести так, чтобы их можно было применять в дискурс-анализе.

Теория жизненной политики Гидденса имеет в основе когнитивистский взгляд на субъект, который не соответствует структуре дискурс-анализа. Когда теорию импортируют в дискурсаналитический проект, необходимо дистанцироваться от такого взгляда на субъект и проанализировать, насколько сильно он "пропитал" остальную часть теории. Мы полагаем, что теорию жизненной политики можно импортировать в дискурс-анализ, возможно, не включая ее модель субъекта. Но теорию необходимо операционализировать так, чтобы ее можно было применять в конкретном анализе дискурса. Теорию можно операционализировать, исследуя дискурсивные конструкции "политики" и "потребления" у людей, а не рассматривая как заранее заданные сущности.

Теория Бека слишком рационалистична и не достаточно культуральна. Бек не уделяет достаточного внимания культурному измерению процессов, включающих определение и споры о рисках[1]. Согласно Беку, именно риски и определяют то, как они социально определяются и функционируют в практике.

Этот подход противоположен культуральному подходу, к которому принадлежит и дискурс-анализ и который утверждает, что определение рисков зависит от того, как риски конструируются в значения. Бек рассматривает определение риска, прежде всего, как вопрос реальной природы рисков, и вместе с тем он считает борьбу между конкурирующими утверждениями о знаниях культурной деятельностью, которая включает борьбу между различными взглядами на окружающую среду и риск. Проблема в

[1] *Например, Alexander 1996; Cottle 1998*

том, что он чрезмерно подчеркивает роль культурной деятельности при определении рисков как таковых.

Тем не менее, на наш взгляд, подход Бека можно все же использовать как отправную точку эмпирических исследований культурального измерения. Борьбу между различными утверждениями, о которых говорит Бек, можно рассматривать как борьбу между конкурирующими дискурсами и, соответственно, их можно исследовать с помощью дискурс-анализа.

Ответственность можно рассматривать как то, что аудитория обсуждает дискурсивно при потреблении СМИ. Предмет исследования — это способы, с помощью которого респонденты обращаются и участвуют в дискурсивных конфликтах между знаниями и конфликтах по поводу социального и политического подтекста их дискурсивной практики.

Потенциально негативные результаты консьюмеризма, как полагает Бауман, можно рассматривать и исследовать в терминах дискурс-анализа как вопрос о том, конструируют ли люди потребление дискурсивно как форму, а свою позицию — как политически активных потребителей, *которые принимают ответственность за общественные* проблемы посредством потребления? Таким образом, в случае с Бауманом, такая теория не нуждается в переводе для встраивания в структуру в дискурс-анализа.

Дополнительно к социальной теории, исследование Филлипс также основано и на исследованиях восприятия. Они показывают, что зрителям трудно связать политическую повестку, представленную в новостях, со своей повседневной жизнью. Просмотр новостей, таким образом, способствует отчуждению людей от официальной политики. Но исследования восприятия также необходимо перевести в термины дискурс-анализа.

Многие исследования восприятия основаны на другой эпистемологии, чем дискурс-анализ. Многие исследователи восприятия рассматривают утверждения в интервью

как истинные или ложные сообщения об отношении и деятельности людей. Например, их заявления о реальной интерпретации определенных программ. Напротив, предмет дискурс-анализа — это способы, с помощью которых люди конструируют и обсуждают дискурсивные интерпретации практик, аттитюдов, идентичностей в ситуации интервью.

Объединив различные ресурсы различных недискурсивных аналитических подходов, Филлипс может начинать создание структуры исследования, соотвутствующей области ее интереса. Прежде всего, социологические теории обеспечивают понимание более широких социальные практик экологии и политики в современном обществе, которые формируют фон ее исследования. Во-вторых, эти теории позволяют Филлипс сформулировать предварительную идею о релевантном строе дискурса, а в-третьих, — подсказать, какими могли бы быть эти специфические дискурсы в практике. Бек, Гидденс и Бауман указывают на то, что существует нечто общее в разговорах, которые происходят в повседневной жизни и в СМИ о проблемах окружающей среды и о том, как их решать.

При переводе этих теорий в термины дискурс-анализа, Филлипс определяет "окружающую среду и политическое действие" как строй дискурса, который и представляет для нее научный интерес. Относительно содержания этого порядка дискурса различные теоретики имеют разные предположения, и эти предположения переводятся в гипотезы для дальнейшего эмпирического исследования Филлипс.

Так, в терминах дискурс-анализа, Бек трактует проблему как столкновение между научными и научно-скептическими дискурсами. Он предлагает специфический вид субъектной конструкции, посредством которой демократизируется ответственность, и отдельные люди считают себя морально ответственными за проблемы окружающей среды. Гидденс предлагает субъектную конструкцию, которая связывает в мировоззрении людей политическое действие с потреблением и объединяет локальное и глобальное.

Бауман указывает на другую конструкцию субъекта, где ответственность приватизирована, и осознание общественных проблем ведет не к политическому протесту, а к чувству вины и стыда у потребителей. Исследования восприятия предлагают другую возможность, поскольку в них субъект дистанцирован от политики.

Таким образом, все вместе теоретики создают несколько противоречивый образ области, указывая одновремено на несколько дискурсов или элементов дискурсов, которые могут "участвовать в игре". И это — очень продуктивная отправная точка эмпирического анализа, ведущая к следующим вопросам: Можно ли распознать эти элементы в эмпирическом материале? Артикулируются ли эти элементы вместе в отдельных дискурсах? Является ли гегемонным один дискурс, или же существует несколько конкурирующих дискурсов?

В процессе анализа Филлипс, например, обнаруживает "экологический дискурс", в котором субъекты представлены морально ответственными за проблемы окружающей среды. Одновременно она обнаруживает "потребительский дискурс", в котором личность дистанцирована от проблем окружающей среды, а потребление рассматривается как легитимное независимо от его влияние на окружающую среду. Таким образом, возникают новые вопросы: как распространяются и обсуждаются два конфликтующих дискурса? Конфликтуют ли они, или их различия постепенно исчезают, растворяясь в новых комбинированных формах?

Таким образом, недискурсаналитические теории импортируются в проекты, чтобы добиться предварительного понимания строя дискурса и обнаружить "намеки" на дискурсы, которые следует искать в эмпирическом материале. Важно помнить, что импортированные теории не могут полностью охватить все возможности материала: дискурсы, на которые они указывают, могут отсутствовать, а преобладать могут совсем другие дискурсы.

Таким образом, эмпирическое картографирование различных дискурсов и их взаимоотношений может привести к переформулированию первоначальной картины дискурс-строя, а кроме того, к критическому диалогу с импортированными теориями для построения, в первую очередь, правильной структуры исследования.

В этом случае эмпирическое исследование в области дискурс-анализа не только может быть основано на социологическом анализе, но может также и обогащать наше социологическое понимание изучаемого феномена посредством прояснения дискурсивного измерения социальной практики.

Подводя итоги, заметим, что комплексная структура исследования была сконструирована посредством комбинирования различных дискурсаналитических подходов и импортирования теорий социальной практики в структуру дискурс-анализа после их перевода в термины дискурс-анализа.

Внутри комплексной структуры исследования дискурс-анализ занимает привилегированное место в том смысле, что социальные теории и анализ восприятия были переведены в термины дискурс-анализа, а не наоборот. Но, в то же время, форма знаний, которую как раз и должен произвести дискурс-анализ, ограничена. Отсутствуют попытки создать общее объяснение социальной практики относительно индивидуализации, гражданства и демократии. Нет также никаких попыток поставить вопрос об эффективности политического потребления как способа политического действия. Сфера исследования ограничена дискурсивным измерением, которое интерпретируется как аналитически (но не онтологически) отличное от других измерений социальной практики.

С помощью интервью в исследовании изучается дискурсивная конструкция политического действия относительно новостей об экологической угрозе и окружающей среде. Сейчас мы проиллюстрируем применение этой дис-

курсаналитической структуры к исследованию фрагмента одного интервью, чтобы показать, как можно использовать инструменты различных дискурсаналитических подходов в сочетании с аналитическими "подсказками" со стороны различных социальных теорий.

5. 4. 3. Иллюстрация анализа текста, использующего три подхода к дискурс-анализу

В следующем отрывке из интервью четыре респондента (соседи по комнате) в групповом интервью артикулируют различные дискурсы. Каждый из дискурсов создает различные понимания вопросов окружающей среды и различные идентичности для респондентов. Это указывает на различные направления действия и узаконивает их.

1. *Интервьюер:*	*Итак, ваш выбор.*
2. *Ларитс:*	*Ммм... я не сомневаюсь в том, что возрастающее*
3.	*внимание к органическим продуктам означает*
4.	*увеличение численности их производителей*
5. *Тим:*	*Да, это совершенно определенно*
6. *Джонатан:*	*Да, я думаю так же, и Вы получаете, кроме того, что Вы получаете, Вы получаете, я бы сказал*
7.	*это одно из того, что Вы должны сказать себе и во что Вы должны*
8.	*верить, потому что, если, если, если бы никто не верил в это, то мир выглядел бы (I)*
9.	*выглядел бы ужасным, если бы никто не верил что (.) Что-то может измениться(.)*
10.	*Каждый должен считать, что изменения могут*
11.	*происходить (должны) и начинаться с себя.*

12. Tim:	*Да, я думаю точно так же*
13. Джонатан:	*И так же другие считают то же самое*
14.Тим:	*То, что пример экологии, это. Это — просто превосходный пример, и*
15.	*это сработало. Вы можете увидеть, это меня убедило.*
16.	*Это (.) Следующий основной момент, который появляется в средствах информации, что если*
17.	*что-нибудь, конечно, обязательное, на мой взгляд и, что*
18.	*соответствует, ох, таким образом, станет работать, и таким образом я также смогу*
19.	*намного быстрее делать маленькие вещи, в повседневной жизни, например,*
20.	*покупать органические продукты вместо чего-то еще. Я не знаю,*
21.	*у меня нет примеров, но...*
22. Ларитс:	*Возьмите другой пример (.) О, сортировка мусора.*
23.	*Теперь много мест, где сортируют мусор.*
24. Тим:	*Да*
25. Ларитс:	*И там Вы можете сказать тогда, что проблема находится там, где это*
26.	*не помогает, потому что все выбрасывается вместе в некотором пункте как угодно. О так*
27.	*единственное, что мы (.) все еще действительно (1), сортируем — это стеклянный мусор*
28.	*И бумага. О и это то, что Вас может (2), может немного Вас*
29.	*раздражать, что больше не происходит, о, на той территории, когда (.)*
30.	*Потребителей сейчас (.) по крайней мере, в не которых местах, заставляют это делать. Оо.*
31.	*То, что это (1) в случае тех, кто собирает его вместе, кто не*

32. (.) следует этому.
33. Джонатан: Они смешивают его снова, когда собирают его вместе, что
34. вы говорите?
35. Ларитс: Да, я имею в виду, что большинство мусора, который, у меня есть (.) Я
36. прихожу от Скселскер, там он сортируется на (I) зеленый мусор и (.) серый
37. мусор и мусор, который может быть переработан. Одни вещи могут,
38. другие не могут (.)
39. Кристиан: Разлагаться микроорганизмами
40. Органика?
41. Разлагаемые микроорганизмами отходы, и вещи, которые не разлагаются микроорганизмами.
42. Тим: Да.
43. Ларитс: О и я читал, по крайней мере, что это весьма ограниченное количество из того, что
44. разлагается микроорганизмами, из того, что выбрасывают. Вы можете сказать что
45. Инетрвьюер: Вы (употр. во множ. числе) можете подумать о том, чтобы пойти туда (.) во двор
46. с вашим (.) разлагаемым микроорганизмами мусором?
47. Ларитс: (компостом?)
48. Джонатан: Вы можете сделать это?
49. Интервьюер: Да, у них есть контейнер для компоста.
50. Джонатан: Машина для изготовления компоста? Я даже не знал этого, нет.
51. Тим: Нет.
52. Инетрвьюер: На Гарднер Стрит также есть одна.
53. Тим: Она должна появиться здесь. Она должна быть, когда Вы стоите и собираетесь как раз
54. выбросить кое-что, Вы не должны париться по поводу того чтобы делать что-то дополнительное для этого.
55. Ларитс: Как мы видим, у нас все еще достаточно

проблем с отходами
56. стекла [хихиканье] и о, я не думаю что (.
этот хозяин дома, по крайней мере
57. сделает что-нибудь (.) большее, чем это.
58. Инетрвьюер: Мм.
59. Ларитс: Это о, да, единственное, что я могу, Вы
действительно хотите (.) но
60. Вы не делаете
61. Тим: Итак, я подумаю, о, я мог бы хорошо об этом
подумать(.) Вы могли (.) Сортировать
62. ваш мусор, если бы мы могли начать
делать это прямо с этого момента,
так как (.) вы делали
63. это там, моя бабушка...
64. Ларитс: Если бы в этом не было никакой проблемы,
мы тоже делали бы это, но проблема в том,
что Вам придется
65. идти в три, идти, в три различных
места с вашим мусором.
66. Тим: Да, да. Хорошо, мы полностью согласны с
этим. Но хорошо сейчас (1) я знаю,
67. что моя (.) бабушка она живет в Вейе, и они
имеют некоторый опыт
68. с этим, то есть сортировкой мусора, и это
действительно сработало. О, о и
69. это действительно большая разница (.)
умеренное количество остается на
70. мусорках, а остальное сжигается в
установке для сжигания отходов и
других подобных
71. местах. И это, это срабатывает так, что
там есть два маленьких мешка, так
72. в которые Вы сбрасываете мусор
73. Ларитс: Мм
74. Тим: Но ни во что другое я не верю. Оно не
сработало.
75. Ларитс: Если это не требует никаких
дополнительных усилий, я также
думаю, что это можно сделать, но о (2) ›

76. *не о (2), мне бы хотелось, но я (.) Не делаю этого, если это создает (.) дополнительные трудности в повседневной жизни.*

Чтобы выделить отдельные формы знания, которые были созданы различными дискурсаналитическими подходами, мы представим отдельный анализ в соответствии с каждым подходом, а не комбинированный анализ, согласно нормам исследования в дискурс-анализе. Особо стоит отметить, что в исследовании, от которого берет начало последующий анализ, теория дискурса Лакло и Муфф инкорпорирована в анализ уровня дискурсивной практики в терминах критического дискурс-анализа. Однако мы в своем анализе представляем ее как независимую.

Несмотря на то, что все три подхода имеют различные акценты, все же есть частичные совпадения относительно типов анализа, которые они производят. Исследования, которые мы представляем, не являются глубокими или всесторонними, но помогают сформулировать идею, как можно применить каждый подход в анализе. Важно также отметить, что этот анализ является частью более обширного анализа эмпирического материала. А отдельные дискурсы в этом примере были установлены скорее посредством анализа большого объема материала, а не на этом отдельном фрагменте интервью. Сначала мы применим подход Лакло и Муфф, затем критический дискурс-анализ и потом дискурсивную психологию.

Теория дискурса Лакло и Муфф

Как мы уже отмечали в главе 2, Лакло и Муфф не дают конкретных методов для анализа, хотя некоторые аспекты их модели можно экстраполировать. Так, интерес представляют следующие вопросы. Какие дискурсы артикулируются в тексте? Какие значения устанавливаются, а

какие исключаются? Каковы узловые точки дискурсов (то есть, ключевые знаки, которые организуют другие знаки, задают их значения и исключают другие возможные значения)?

По-разному ли различные дискурсы определяют узловые моменты? Происходит ли борьба за фиксацию значения в терминах одного, а не другого дискурса? И какие значения принимаются как само собой разумеющиеся в различных дискурсах? Какие идентичности и социальные группы конструируются дискурсивно?

В первой части интервью с Ларитс, Тимом и Джонатаном весь разговор происходит в терминах *экологического дискурса* (строки 2-21). Экологический дискурс — это дискурс, который подчеркивает важность защиты окружающей среды, основанный на целостном понимании мира. *Экология* — это узловая точка дискурса, вокруг которого организуются другие знаки, такие как *сортировка мусора, разлагаемые микроорганизмами отходы и органические продукты*. Дискурс приписывает людям *"зеленую идентичность"*, благодаря которой они должны активно участвовать в решении проблем окружающей среды, и принимать свою роль как интегрированной части природы. Идентичность человека создается вокруг ключевого знака *"агент экологии"*. Согласно этому дискурсу, вовлеченность в защиту окружающей среды — *моральная потребность*, а недостаток такой вовлеченности считается нелигитимным:

Ларитс: *Мм, без сомнения, я не сомневаюсь в том, что возрастающее внимание к органическим продуктам означает увеличение численности их производителей.*

Тим: *Это — просто превосходный пример, и это сработало. Это (.) Следующий важный момент, который появляется в средствах массовой информации, что если что-нибудь, конечно, обязательное, на мой взгляд и, что соответствует, ох, таким образом, станет*

> *работать, и таким образом я также смогу намного быстрее делать маленькие вещи, в повседневной жизни, например, подобно закупке органических продуктов вместо чего-то еще. Я не знаю, у меня нет никаких примеров, но.*

Экологический дискурс в этом интервью артикулируется вместе с *консьюмеристским дискурсом:* личная вовлеченность определяется как потребительское поведение – "покупка органических продуктов" (строка 20) и "сортировка мусора" (строка 22). Все три участника интервью говорят, что освещение экологических проблем в СМИ – это катализатор приобщения людей к экологической практике потребления.

Когда Ларитс идентифицирует техническую проблему сортировки мусора (строки 25-32), предмет обсуждения меняется. Наблюдается переход от того, что все трое участников разговора выражают свою приверженность экологическому потребительскому поведению, к тому, что Ларитс поясняет проблему сортировки мусора, угрожает ее эффективности и надежности. Ларитс утверждает, что сортированный мусор смешивается снова на более поздней стадии. Заявления Ларитс о неэффективности системы сортировки основано на *циничном, скептическом дискурсе*, характерном для нашего времени, с помощью которого подвергаются сомнению научные и другие авторитеты (это сомнение по отношению к авторитетам формирует частичную основу для субполитики). Здесь Ларитс адаптирует идентичность *"убежденного" скептика.*

Вслед за рассуждениями Ларитс о технической проблеме с сортировкой мусора и минимальными репликами других участников по этому поводу, Тим и Ларитс оправдывают отсутствие действий по защите окружающей среды -- свою неуспешность в принятии ответственности за сортировку мусора. Они привлекают для этого *дискурс повседневных препятствий.* Например, Ларитс говорит:

"Если бы в этом не было никакой проблемы, мы тоже делали бы это, но проблема в том, что Вам придется идти в три различных места с вашим мусором" (строки 64—65). В дискурсе *повседневных препятствий*, трудности повседневной жизни являются узловой точкой дискурса, которая служит серьезным основанием в пользу бездействия по отношению к защите окружающей среды. Человек сконструирован как субъект, пассивный по отношению к повседневным ограничениям, а не как агент морали:

Ларитс: "Если бы это не требовало никаких дополнительных усилий, я согласен, что это можно было бы делать, но я не делал бы. О, мне хотелось бы, но я не делаю того, что приводит к дополнительным трудностям в повседневной жизни" (строки 75—77). Так, Тим и Ларитс начинают, позиционируя себя внутри экологического дискурса, и заканчивают, позиционируя себя в дискурсе повседневных препятствий. Они конструируют самоидентичность из фрагментов несовместимых дискурсов, которые связаны в совместно-сконструированном нарративе и артикулируются совместно для формирования интердискурсивного соединения или гибридного дискурса. Такой вывод соответствует базовой посылке дискурс-анализа, которую разделяют все три подхода: идентичность людей конструируется "на пересечении" различных, противоречивых и часто антагонистичных дискурсах.

Гибридный дискурс соединяет фрагменты *экологического дискурса* (действующего в защиту окружающей среды, где люди признают влияние микродействия на глобальные проблемы) с элементами *консьюмеристского дискурса* (действующего посредством индивидуального потребления — в нашем случае, выбрасывание мусора вместо его сортировки) и элементами *дискурса повседневных препятствий* (представляющего ограничения повседневного мира, как основания для "ничегонеделания" по отношению к защите окружающей среды).

Критический дискурс-анализ

Подобное объяснение артикуляции дискурсов мы произведем на уровне *дискурсивной практики* в критическом дискурс-анализе. Однако критический дискурс-анализ также проясняет и лингвистическую конструкцию дискурсов посредством анализа *текстового измерения*. Как мы отмечали ранее в этой главе, акцент на тексте помогает идентифицировать и разграничивать дискурсы. Кроме того, в критический дискурс-анализ включает систематический анализ *социальной практики* как аналитически иного измерения дискурсивной практики. Далее мы представим краткий анализ фрагмента интервью на уровнях *текста* и *социальной практики*.

Экологический дискурс лингвистически сконструирован частично посредством особых форм транзитивности. Например, говорящие приписывают себе идентичности персонально ответственных за решение экологических проблем и позиционируют себя как агентов активных процессов, как например: "*я тоже смогу намного быстрее делать всякие повседневные мелочи*" (строки 18 – 19). Кроме того, Джонатан считает моральную ответственность основным условием – атрибутом индивида как части коллектива (холистский взгляд на человека как интегрированной части целого).

Таким образом, он приписывает ответственность не только "Ему", но и генерализованному "Вы", которое включает и говорящего, и людей в целом – "*Это одна из тех вещей, которую Вы должны сказать себе*" (строка 7). В то время как он начинает свое высказывание с субъективной модальности – "*Я тоже так думаю*", сигнализирующее, что его утверждение коренится в его собственном мировоззрении, остальная часть высказывания имеет объективную модальность. Здесь она работает на усиление власти утверждений, представляя их как факты, независимые от говорящего, а не просто как субъективное мнение.

В рассуждении о неэффективности сортировки мусора в терминах скептического дискурса также используется объективная модальность, вновь работая на конструирование утверждений как фактов, а не мнений, основанных на личных интересах говорящего.

В то время как *повседневные препятствия* "работают" на оправдание отсутствия действия, Тим и Ларитс также подают сигналы о том, что отсутствие действия не полностью легитимно. Ларитс делает это, например, через увиливания — хихиканье и паузы — и использование "мы" и "*этот хозяин дома*" как агентов отсутствия действий: "*Мы видим, что у нас (все еще) есть достаточно проблем с отходами стекла [хихиканье] и о, я не думаю, что (.) этот хозяин дома по крайней мере, сделает что-нибудь (.) большее, нежели то*" (строки 55—57). Таким образом, Ларитс скорее приписывает активную роль коллективу, нежели себе. Таким образом, она объясняет свое бездействие согласием, обусловленным скорее совместным проживанием, чем неумением принять на себя ответственность.

Точно такие же двойственные сигналы относительно своего бездействия подает Тим, рассказывая об успешном случае сортировки мусора, о котором у него имеются особые знания (от его бабушке). Описывая ситуацию, где работает сортировка мусора, и указывая, что этот случай отличается от их ситуации — это происходит в другом городе и в качестве эксперимента — Тим говорит о том, что проблема скорее в ситуации, нежели в них самих.

Но этот гибридный дискурс интервью не является в полной мере гегемонным ни в терминах Лакло и Муфф, ни в терминах критического дискурс-анализа. Дискурс не состоялся с позиции того, что он не связывает значения единственным понятным способом, а представление о мире не является полностью логичным. Скорее существует конфликт между этим и другим дискурсом, который выводит на первый план антагонистическую объяснительную струк-

туру — *экологический дискурс*, который артикулировал Джонатан.

Дискурсивный конфликт мы проанализируем ниже с позиции дискурсивной психологии. Предметом изучения станут способы разворачивания конфликта в переговорах о значениях, в которых участвует каждый говорящий, дискурсивно позиционируя себя и других.

Прежде чем сделать это, мы сформирует общее представление о том, как можно применить критический дискурс-анализ для изучения *социальной практики*, подытожив то, как он применялся в исследовании Филлипс.

Чтобы прояснить социальные и политические последствия дискурсов, мы привлекает теорию жизненной политики и субполитики, а также негативное влияние консьюмеризма на политику солидарности. Относительно теории жизненной политики, можно сделать вывод на основе анализа дискурсивной практики и текста, что существуют различное отношение к экологическим проблемам: иногда действия относительно более глобальных проблем окружающей среды рассматривают как часть повседневной практики. Тогда как, в других случаях это действие находится за пределами ежедневной практики благодаря аргументам о повседневных ограничениях.

Совместную артикуляцию таких конфликтных дискурсов, как *экологический консьюмеристский, скептический и дискурс повседневных препятствий* — как один *гибридный* дискурс — можно рассматривать как проявление субполитики, посредством которой различные дискурсы выдвигают различные заявления о знаниях, включая заявления, связанные к приписыванием ответственности.

Гибридный дискурс можно рассматривать как продукт процесса переговоров между *экологическим дискурсом*, который передает ответственность за проблемы окружающей среды индивиду, *консьюмеристским дискурсом*, посредством которого мы действуем как потребители, и дискурсом *повседневных препятствий*, который обос-

новывает нашу безответственность по отношению к глобальным проблемам.

Чувство ответственности, опосредованное опытом, было выражено, но оно сдерживалось посредством артикуляции внутри гибридного дискурса, который оправдывает неучастие в жизненной политике или субполитиках за пределами ограниченного числа политических предположений. По-видимому, это подтверждает пессимистическое представление Баумана о том, что процесс "приватизации человеческих проблем и ответственности за их решение" ослабляет политическое действие, которое опровергает существующие формы социального устройства.

Дискурсивная психология

Одновременно с теорией дискурса Лакло и Муфф, критическим дискурс-анализом, можно использовать и дискурсивную психологию Уэтерелл и Поттер, чтобы идентифицировать различные дискурсы, которые были проанализированы выше с помощью Лакло и Муфф.

Применяя дискурсивную психологию, исследователи часто идентифицируют такие лингвистические особенности, как местоимения и модальности (как в критическом дискурс-анализе). Однако дискурсивные психологи склонны придавать больше значения способам, которыми люди используют дискурсы в качестве гибких ресурсов (интерпретативным репертуарам) в определенных контекстах взаимодействия. Так же важны лингвистические особенности, которые применяют говорящие в качестве риторических стратегий, чтобы утвердить свое представление о мире как достойное и объективное, и опровергнуть конкурирующее мнение как ложное и субъективное.

Как мы уже отмечали, дискурсивные психологи интересуются больше изменчивым, гибким позиционированием говорящих внутри различных дискурсов и теми способами, с помощью которых говорящие, позиционирующие

себя, поддерживают или опровергают особые конструкции мира, производя либо согласованность значений, либо обсуждая эти значения. Здесь мы проиллюстрируем применение дискурсивной психологии для изучения дискурсивного производства согласованности и переговоров о значениях, обнаруженных с помощью другого анализа.

Мнение Ларитс о неэффективности экологического действия распространяется более чем на четыре фразы (строки 25—44) и прерывается только вопросом Джонатана и краткой репликой Тима. Вопрос Джонатана — *"они смешивают его снова, когда собирают вместе, или что Вы говорите?"* — разделяет общее представление Ларитс о проблеме (строки 25—32) и ее мнение об этом случае — процесс сортировки и его неэффективность в его родном городе (строки 35—38, 41, 43—44). Ларитс могла интерпретировать вопрос Джонатана как легкое сомнение, высказанное им, чтобы вернуться к своему общему заявлению о конкретном случае, о котором он имеет особые знания благодаря своему непосредственному участию. В то время как Тим, Ларитс и Джонатан начинают дискуссию с утверждений о важности и ценности экологии, только Джонатан говорит об изменениях как моральном требовании: *"Каждый должен начать с того, что изменения могут (должны) начинаться с себя"* (строки 10—11). Это значит, что это убеждение является предпосылкой принятия ответственности за проблемы. Это также указывает на рефлексивное понимание неопределенности, связанной с действиями людей. Тим одобряет точку зрения Джонатана в трех репликах (строки 12, 14—21).

Однако потом, когда Ларитс ставит под сомнение вопрос об эффективности сортировки мусора, предмет дискуссии смещается вначале на неэффективность действий, а затем на повседневные ограничения действий. Джонатан "исчезает" из разговора, если не считать одного более раннего вмешательства в форме вопроса (строки 33—34), которое можно интерпретировать как легкое сомнение

в Ларитс, и нескольких коротких более коротких вмешательств (строки 40, 48, 50). В течение всего заключительного обмена репликами между Ларитс и Тимом об ограничениях действий (строки 53–77) Джонатан молчит. Он не разделяет общих, согласованных значений, построенных Тимом и Ларитс, поскольку поддерживает экологическую систему, основанную на моральных обязательствах – она отвергает недоверие и сомнение в науке и авторитетах, присутствующих в скептическом дискурсе (обнаруженном в анализе с помощью подхода Лакло и Муфф).

В терминах дискурсивной психологии, анализ показывает, *как* проявления личной ответственности удерживают под контролем и неудача включиться в политическое действие оправдывается посредством гибкого использования дискурса как конверсационного ресурса: позиционирование Ларитс и Тима внутри гибридного дискурса, который оправдывает невовлеченность в политическое действие, приводит к исключению экологического дискурса Джонатана, где такая невовлеченность нелигитимна.

Таким образом, дискурсивный психологический анализ риторической организации диалога соответствует критическому дискурсаналитическому взгляду на социальные последствия – взгляд, который, как мы уже отмечали, поддерживает представление Баумана о приватизации ответственности.

В этом примере применения комплексного дискурс-анализа как методологии социального исследования, мы хотели продемонстрировать *механизм этой структуры* – как она комбинирует различные дискурс-аналитические подходы, как она использует социологические теории, импортируя и транслируя недискурсаналитические подходы, и как различные подходы могут одновременно применяться в дискурс-анализе, чтобы произвести различные формы знаний об изучаемой области.

Дискурс-анализ является привилегированным в том смысле, что именно его структура задает способы, с помощью которых импортируются и транслируются социологические теории. Область исследования строго определена как дискурсивное измерение социальных изменений, которые относятся к медиа-опыту экологических катастроф и политики. В то же время, мы хотели продемонстрировать объяснительную силу такого комплексного дискурс-анализа, показывая, что он не использует социологический анализ непосредственно, но и может обогатить этот анализ, высвечивая дискурсивное измерение социальной практики.

5. 5. Валидность

В этой главе представлена конструкция специфических исследовательских проектов с различных позиций. Последний вопрос, который мы будем здесь обсуждать, — как оценить свое собственное исследование также хорошо, как и исследование других. Валидность — это вопрос о том, каких стандартов должен придерживаться исследователь, чтобы исследование оценили как квалифицированное и академическое. Оценивая исследование по определенным критериям, можно квалифицировать как хорошее или плохое. Это обычные процедуры, применяемы для всех научных работ, но принятые критерии отличаются. Обсуждение критериев — часть более обширной эпистемологической дискуссии о характере и статусе научного знания. В позитивистской эпистемологии принято считать, что знание может отражать действительность без искажения, соответственно, разработаны критерии, для того, чтобы подтвердить такое отражение. Дискурс-анализ, и социальный конструктивизм в целом, отвергают такие посылки, однако нет и согласия в том, какие критерии применять вместо этого.

В этом кратком обсуждении критериев валидности, мы будем использовать два критерия, адаптированные Уэтерелл и Поттер и представленные в главе 4: *целостность* и *плодотворность*.

Большинство социал-конструкционистов согласятся с этими критериями, хотя их и нельзя назвать бесспорными. Одно из возражений против *целостности* как параметра измерения валидности заключается в аргументе о том, что парадоксы и противоречия служат для демонстрации того, что две точки зрения могут быть несовместимы, но при этом обе валидны[1].

Критерий последовательности мог бы несколько смягчить высказывание об исследовании, что противоречивые истины необходимо поддерживать. В некоторых формах диалогического исследования (см. главу 6), например, *ироническая валидность* представлена как мера произведенного знания, цель которой состоит в том, чтобы представить различные, и возможно противоречивые "голоса" исследователей и респондентов, не отдавая предпочтения ни одной из точек зрения.

Другая проблема с целостностью как стандартом валидности — это аргумент, существующий среди дискурсивных психологов: целостность не является внутренней особенностью текста. Некоторые читатели могут увидеть несогласованность там, где другие видят вполне логичный довод. Критерий валидности, который учитывает это возражение, состоит в том, что исследование должно быть *правдоподобным для сообщества ученых*. Тем самым подчеркивается коллективный аспект производства знания, а наилучшим продуктом исследования считается последовательность дискурсивных процессов, направленных на установление истины в специфической области.

Однако, взятый в отдельности, этот критерий подразумевает потенциальный консерватизм — благодаря этому

---

[1] *Например, Ashmore 1989; Haraway 1991; Lyotard 1984*

критерию знание будет произведено только в соответствии с уже существующими традициями с тем, чтобы добиться его принятия и валидности. На основе точки зрения Фэркло о социальном воспроизводстве и изменении, можно аргументировать, что репрезентации, которые воспроизводят данную дискурсивную практику, одновременно имеют тенденцию воспроизводить и социальный строй этого знания, а вместе с ним и существующее распределение власти.

Тенденцию к консерватизму можно было бы сбалансировать критерием *плодотворности*, подчеркивающим важность производства нового знания. Этот критерий "отвечает" за эффекты производства знания: за способ, с помощью которого исследование усиливает новые типы мышления и действия. Однако существуют различные мнения о контексте, к которому применим критерий плодотворности. Уэтерелл и Поттер понимают плодотворность как "способность" исследования произвести новые научные объяснения изучаемого явления.

В то же самое время Карен Трэйси вводит дополнительный критерий *полезного структурирования проблемы*. Она подчеркивает, что исследование должно быть непосредственно полезно респондентам, помогая им рефлексировать свои действия[1].

Даже из этого краткого обзора о критерии валидности сразу становится ясно, что выбор и комбинация критериев зависят от взгляда на научное знание — от того, какой статус приписывают научному знанию, и для чего его считают необходимым использовать. К обсуждению этого вопроса мы вернемся в следующей главе. Следовательно, здесь мы ограничимся лишь конкретным анализом текста и не будем заниматься прогнозированием и обзором этой проблемы.

---

[1] *Для обсуждений этих и других критериев валидности см. например, Denzin (1997:7 и далее), Potter и Wetherell (1987:169 ссылка), Tracy (1995: 208ff)*

Конечно, вопрос об анализе текста нельзя отделить от вопроса валидности всего проекта исследования. Но возникает прагматический вопрос о том, где, все же, заканчивается цикл анализа, если считать, что анализ — это циклическое движение от полного понимания эмпирического материала до конкретного текстового анализа. Когда анализ закончен? Когда аналитик может нарушать интерпретативный круг и остановить анализ? Если объект анализа — это обширный корпус текстов, длинные тексты, или если выполняется очень детальный анализ отдельного текста, всегда есть еще нечто, что можно проанализировать или новые точки зрения, которые можно изучить более подробно. Какой объем аналитического материала необходимо включить в отчет об исследовании? Нет никаких определенных ответов, но мы предлагаем руководствоваться следующими правилами:

- анализ должен быть *убедительным.* Лучше всего, если интерпретация основана на целом ряде текстовых особенностей, чем на какой-то одной;
- анализ должен быть *исчерпывающим.* Это совсем не значит, что все аспекты текста должны быть проанализированы всеми существующими способами. Иногда это просто невозможно. Но вот ответить на вопрос, адресованный к тексту, необходимо исчерпывающе, и любые текстовые особенности, противоречащие анализу, необходимо объяснить;
- как мы уже говорили в четвертой главе, анализ должен быть представлен *прозрачно,* позволяя читателю, насколько возможно, "протестировать" выдвинутые заявления. Этого можно достичь, документируя сделанные интерпретации, а также предоставляя читателям доступ к эмпирическому материалу, или, по крайней мере, воспроизводя длинные фрагменты при презентации анализа.

В этом разделе мы представили несколько критериев валидности, некоторые из них совместимы, а некоторые противоречивы. В этой ситуации отсутствия согласия единственный и наиболее важный критерий — *прояснение и следование критериям валидности.* Определяя стандарты исследования, исследователь приглашает к обсуждению и критическому анализу знания, произведенного на основе его посылок.

Прояснение набора руководящих правил и процедур исследования позволяет читателю проводить *постоянный критический анализ* исследования — то есть оценку в терминах его внутренней целостности. Делает ли исследователь то, что он говорит? Являются ли используемые философские посылки, теоретические постулаты и методология целостным непротиворечивым комплексом? Если нет, то валидность исследования снижается, но при этом возможно открываются новые направления дальнейшего исследования.

Но обсуждение отдельного пункта исследования не может закончится на постоянном критическим анализе. Даже при экспликации читатель может не принять критерии валидности исследовательского проекта. Ограничение при экспликации и следовании критерию валидности состоит в том, что невозможно определить, какой критерий валидности является лучшим среди других альтернатив. Нельзя ответить на вопрос, чему следовать, если два отчета об исследования с различным набором критериев производят различные результаты. Если бы исследование можно было обсуждать только в терминах внутренней последовательности, каждый исследовательский отчет или каждая исследовательская школа стала бы замкнутым островом, неспособным участвовать в более широком обсуждении о знании и обществе. Если исследователь принимает социально-конструкционисткую посылку, что знание всегда исторически и культурно обусловлено, то это распростра-

няется и на научное знание, включая собственные результаты исследователя. Эта посылка влечет за собой отклонение универсальных стандартов, согласно которым все знания можно измерить. Но как же тогда мы можем провести осмысленную дискуссию *в пересечении* различных критериев валидности, или, в более общем смысле, при различных мировоззрениях? Это — центральный вопрос следующей главы.

6 Критическое социально-конструкционистское исследование

Какие знания производит дискурс-аналитическое исследование? Каков статус его результатов и для чего их можно использовать? Эти вопросы, традиционно существующие в любой академической работе, являются частью более широкой дискуссии о природе социального научного знания. В этой главе мы представим аспекты этого обсуждения в той форме, в которой они существуют в социальном конструкционизме. В главе 1 мы кратко обозначили проблему статуса исследовательского знания, введя *антифундационалистскую* посылку социального конструкционизма — все знания производятся дискурсивно и потому условны; нет никакой возможности достижения абсолютного или универсального знания, поскольку нет никакой нейтральной и контекстно свободной базы для заявлений об истине. Если все знания исторически и социально обусловлены, и если истина — это скорее дискурсивный эффект, а не прозрачное объяснение реальности, то как тогда нам интерпретировать наши собственные знания?

В главе 4, в разделе о рефлексивности, мы обсуждали попытку исследователей осознать собственную роль в

процессе исследования и оценить результаты относительно их последствий. Эти рассуждения — попытка учесть тот факт, что исследователь никогда не может быть лишь "мухой на стене", которая видит вещи такими, какие они есть в реальности, и что производство знаний в исследовании, также как в случае с другими дискурсами, является продуктивным — оно создает реальность и одновременно репрезентирует ее.

Но даже если бы мы добросовестно следовали этим рефлексивным процедурам, мы никогда не смогли бы произвести "полностью прозрачное" знание, посредством которого наши результаты точно отобразили бы реальность "один к одному", а мы смогли бы полностью контролировать эффекты результатов. Именно возможность достижения абсолютного знания отрицается в социальном конструкционизме.

Поэтому некоторые критики социального конструкционизма считают, что он непригоден ни с научной, ни с политической позиций. С научной позиции он непригоден, потому что не может определять, что истинно: любой результат — это только одна из многих возможных версий реальности. А политически он непригоден, потому что не может определять, что хорошо, а что плохо. А когда социальный конструкционист идентифицирует социальные условия, которые необходимо изменить, это проявляет лишь его собственное условное представление, — считают критики[1].

Мы находим, что такая интерпретация социального конструкционизма слишком пессимистична, и в этой заключительной части книги мы обоснуем, что дискурс-анализ действительно подходит для критического социального исследования. Мы сделаем это, представив и обсудив целый ряд социально-конструкционистских позиций, и расположив три дискурс-аналитических подхода, изло-

---

[1] *например, Soper 1990*

женных в этой книге, внутри более широкой социально-конструкционистской области. Мы обсудим способы, с помощью которых социальные конструкционисты "обращаются" с производством знаний. Какой статус имеют результаты? Как исследование может усилить социальные изменения? Как обнаружить аспекты знание, принятые как само собой разумеющиеся? Как исследователи могут учесть собственную роль в производстве знания при проведении исследования?

Основная цель главы — внести вклад в общую дискуссию о социальном исследовании как о критике.

Мы обоснуем то, что социально-конструкционистское исследование, включая дискурс-анализ, неизбежно является, и *должно* быть, критическим. После предварительного обсуждения того, *что* заявляет дискурс-анализ о производстве знаний, мы продолжим представление классического понимания критики: исследование как критика идеологии. Концептуализация исследования как критики идеологии жестко оспаривалась в социальном конструкционизме, и первый вопрос, к которому следует обратиться, — должна ли критика действительно быть целью исследования. Поскольку наш ответ "да", далее мы детально проанализируем краткое определение критического анализа как разоблачения доминирующих представлений о реальности, принятых на веру.

Наша цель — теоретически осмыслить позицию исследователя, с которой он мог бы обнаружить то, что принимают само собой разумеющимся. Мы представим три различные стратегии для производства знаний о *само собой разумеющемся*, а также обсудим статус такого знания. Дискуссия о релятивизме свойственна для посылок социального конструкционизма, и мы проанализируем различные позиции в обсуждении релятивизма на различных стадиях исследовательского проекта. Здесь важный момент в том, что вопрос критики и статуса научного знания — это

не только декларация эпистемологических принципов во введении в отчете об исследовании. Скорее необходимо продумать последствия эпистемологических принципов для каждой стадии исследования, включая выбор теории, метода и представление результатов в отчетах об исследовании. И наоборот, важно проследить, какой вклад вносят эти решения в позиционирование исследователя относительно эпистемологии.

В заключении, мы суммируем различные доводы в пользу нашей собственной позиции аргументируя, что определенные научные критерии позволяют исследователю произвести специфическую и ценную форму знания, а степень авторитетности научного знания, которую придают ему в общественных дискуссиях, требует дополнительного обсуждения.

" А как насчет реальности?"

Когда дискурс-аналитики представляют свои результаты, им иногда задают вопрос "Да, но это только дискурс, или ...?". Вопрос подразумевает различие между дискурсами и тем, что не рассматривается как дискурсивное. Также слово "но" подразумевает, что другая сущность рассматривается как более фундаментальная, чем дискурсы. Давайте решим этот вопрос в два этапа.

Во-первых, что находится вне дискурсов? И, во-вторых, являются ли отношения между этими двумя областями иерархическими? Существует целый ряд различных измерений, которые, по-видимому, не включены в дискурс-анализ. Эти измерения включают опыт, чувства и тело, материальный мир и действия людей. Три подхода, которые мы обсудили ранее, по-разному интерпретируют отношения между дискурсивным и недискурсивным.

Дискурсивная психология, например, рассматривает психологические категории как дискурсивно конституи-

рованные, традиционно они считались недискурсивными – например, установки, эмоции и память.

Теория дискурса Лакло и Муфф генерализует эту позицию, рассматривая всю действительность как дискурсивно конституированную. Таким образом, она легитимизирует в принципе использование дискурс-аналитических инструментов для анализа всех аспектов мира, включая тело и материальный мир. Но хотя такие категории, как тело, в принципе можно учитывать в дискурс-теоретическом анализе, это не означает, что теория дискурса обеспечивает удовлетворительное теоретическое осмысление этой категории. Ни один из подходов не делает этого.

Итак, если категория тела представляет интерес, было бы хорошо ознакомится с более сложной теорией о теле и попытаться перевести ее в термины дискурс-анализа.

В критическом дискурс-анализе проводится более строгое различие между дискурсивным и недискурсивным. Относительно этого подхода, было бы логичнее задаться вопросом – является ли нечто "только дискурсом", или же дополнительно были изучены релевантные недискурсивные практики. Но для всех подходов вопрос – является ли что-то "только дискурсом" – будет бессмысленным, если считать, что дискурс – это лишь внешнее, поверхностное явление, а ядро социального нужно анализировать на более фундаментальном уровне. То есть, на самом деле вопрос звучит: "это только дискурс, или это реальность?" Все подходы, рассматривают дискурс (по крайней мере, частично) как конституирующий социальное. Однако то, что социальное конституировано, не означает, что оно нереально. Конституированный социально мир обеспечивает условия для возможности действия и производит столь же устойчивые эффекты, как и физический мир.

В соответствии с карикатурой на социальный конструкционизм, реальность – это то, что мы о ней говорим. Если мы говорим, что она другая, то она – другая. Если я говорю

утром, что я мужчина, то — я именно мужчина; если позже днем я говорю, что я женщина, то я — женщина. Эта карикатура и правильна, и неправильна одновременно. На уровне принципа она правильна; именно посредством приписывания значений себе и окружающему миру мы можем понимать и действовать. В этом смысле и мы сами, и наш мир *являемся* теми значениями, которые мы сами приписываем. Значения условны и поэтому изменчивы, и, если они изменяются, субъект и окружающий мир также меняются, предоставляя другие возможности для мышления и действия. Но в конкретной ситуации большинство значений относительно устойчивы и субъекты имеют ограниченные возможности для манипулирования ими. Изменения в приписывании значении — это коллективные социальные процессы. Если отдельный человек заявляет, что за половину дня он изменил пол, маловероятно, что это изменение идентичности будет принято его/ее окружением, или что наше понимание пола внезапно изменится. Существующая фиксированность значения слишком устойчива для этого.

Большинство дискурс-аналитиков (и, вероятно, большинство исследователей вообще) с помощью своих исследований хотели бы внести вклад в изменение мира к лучшему. Что касается дискурс-аналитиков, то они реализуют свое стремление путем демонстрации отрицательных последствий отдельных фиксаций значений, предназначенной для раскрытия других путей понимания мира. Так они пытаются дестабилизировать доминирующие системы значения.

Но важная причина такой устойчивости систем значения состоит в том то, что многие наши представления о мире натурализованы (полностью адаптированы), и мы принимаем их как само собой разумеющиеся. Мы рассматриваем их *не как понимания* мира, а *как мир*. Поэтому важная цель дискурс-анализа — разоблачение и выявление

само собой разумеющихся, "здравых" взглядов, их преобразование в потенциальные объекты для обсуждения и критики и, таким образом, их открытие для изменения.

Это применение знания, полученного в результате дискурс-анализа, связано с эпистемологической сложностью. Как могут исследователи показать естественные, само собой разумеющиеся представления в их же собственном обществе, если сами они, являясь частью общества, разделяют многие из этих представлений? Вопрос о возможности идентификации таких натурализованных социальных представлений -- основная тема следующего раздела в контексте общей дискуссии о том, что такое критическое исследование, и каким оно может быть.

6. 1. Критика идеологии

Все подходы к дискурс-анализу, представленные в этой книге, так или иначе, являются критическими. Они направлены на критику несправедливых социальных условий и вносят вклад в их улучшение. Критическое исследование имеет давнюю историю как в социальных, так и в гуманитарных науках, но понимание того, что есть критика, и, в частности, что есть ее основания, различается от подхода к подходу.

Критика идеологии — широко распространенная в 1970-х и исторически основанная на учении Маркса и франкфуртской школы — один из важных видов критики. С этой точки зрения, отношения власти в обществе сопровождаются гегемонным языком, который систематически маскирует реальность.

Цель критики — бросить вызов власти, открыв реальность вне идеологии. Например, люди могут предполагать, что в нашем обществе есть равенство полов. В то же самое время в социальном исследовании можно обнаружить, что мужчины зарабатывают больше, чем женщины, и что

женщины систематически тратят больше времени на домашние заботы, чем мужчины. Значит, есть несоответствие между тем, как все обстоит в реальности, и как об этом думают люди. Это несоответствие как раз и есть основание для критики. Люди не видят реальность такой, какая она есть, потому что идеологии искажают их мировоззрение. Например, может существовать идеология, которая поддерживает мнение — после многих лет борьбы теперь существует равноправие полов, и эта идеология может укреплять доминирование мужской иерархии на рынке труда и, возможно, доминирование женщин дома.

Так, идеология усиливает неравное распределение власти, но люди не могут это увидеть, потому что страдают от ложного сознания: они видят скорее идеологию, чем действительность. В критике доминирующей идеологии роль исследователя — раскрыть идеологию как искажение, чтобы дать людям возможность увидеть, что за ней стоит, и изменить реальность.

Короче говоря, критика доминирующей идеологии направлена на разоблачение власти с помощью истины. Социальные конструкционисты жестко критиковали такое понимание критики. Прежде всего, его критиковали за "приверженность" классической марксистской концепции общества, где базис определяет надстройку, или, в наших терминах, дискурсы конституируются посредством недискурсивных условий, прежде всего посредством экономики.

Во-вторых, такое понимание предполагает, что истина о социальных условиях находится вне дискурсов, и что исследователь имеет привилегированный доступ к этой истине. В-третьих, оно предполагает, что эта истина свободна от власти.

Такие предпосылки противоречат социальному конструкционизму, в котором истина "переплетается" с властью, а производимые истины (включая истину, которую

производит исследователь), обусловлены исторически и социально.

Но разве это означает, что критическое социально-конструкционистское исследование невозможно? Разве это означает, что все истины одинаково хороши (или одинаково плохи)?

Согласно диагнозу, который дали Майкл Биллиг и Герберт Саймон, проведено большое количество критических исследований, но критику "оставили за бортом". Критикуется все и вся, и всякая истина подвергается критике и разрушению. По их мнению, критика стала "беспорядочной", поскольку она больше не связана с политическими проектами. Ведь у нас больше нет устойчивой веры в истинные политические принципы, которую имели теоретики критической идеологии.

В социальном конструкционизме эта дискуссия об отношениях между наукой и политикой, и, как следствие, о возможностях критического исследования, была длительной и интенсивной.

По-видимому, область дискуссии "страдает" от парадокса — исследование рассматривается одновременно *и* как более, *и* как менее политическое, чем раньше. С одной стороны, социально-конструкционистский подход подразумевает, что исследование всегда носит политический характер. Исследование никогда не может быть свободным от ценностей, поскольку оно всегда проводится в определенном культурном и историческом контексте. Исследование, которое производят о мире, всегда по сути политическое благодаря своему влияющему характеру: оно воздействует на мир, конституируя его одним, а не другим способом. Например, традиционная антропология с ее делением мира на "нас" и на "них" способствовала легитимизации господства Запада посредством колониализма и неоколониализма. С социально-конструкционисткой точки зрения, исследование не может не быть политическим.

С другой стороны, такие теоретики как Биллиг и Саймон высказывают беспокойство, что социально-конструкционистские посылки делают исследование по сути менее политическим. Их аргумент: если социальный конструкционизм не может больше "поставлять" абсолютную истину или нормативные идеалы, то исследование заканчивается релятивизмом, — либо люди критикуют все, вообще не имея какой-либо политической стратегии, либо принимают все, не занимая никакой политической позиции, потому что не хотят пользоваться ложной властью, критикуя жизни и мнения других.

В оставшейся части главы мы, в контексте вопроса о критике, обсудим целый ряд различных предложений о том, для чего можно использовать социально-конструкционистское исследование. Мы не надеемся "поставить точку" в этой дискуссии и не стремимся к детальному описанию работ упомянутых авторов. Скорее, мы привлекаем их мнения, чтобы обозначить ключевые позиции в споре и ряд возможных ответов на вопрос о критическом исследовании.

Все участники дискуссии разделяют общую позицию относительно того, для чего исследование можно и необходимо использовать. Все они единодушны в том, что наука не может приписывать статус "истины" своим собственным соображениям в противовес "ложному сознанию" других. Но ответы на вопрос, что такое критика и как рассматривать отношения между критикой, наукой и обществом, все же отличаются. Эти ответы имеют очень разные последствия не только в связи с тем, что мы делаем с результатами исследования, но также и в связи с тем, как мы выполняем сам процесс исследования. В частности, как мы строим структуру исследования, как мы производим и анализируем эмпирический материал и как мы описываем и представляем наше исследование. Так, несмотря на то, что нет легких ответов на вопрос о статусе научного знания и о его применении, все же очень важно выбрать свою позицию и в соответствии с ней строить исследование.

6. 1. 1. Модифицированная критика идеологии

Один из ответов на вопрос о том, возможно ли провести критическое исследование, можно назвать "модифицированной критикой идеологии". Этот подход сохраняет основные принципы критики идеологии — мировоззрение людей не всегда соответствует реальности, и исследование должно открывать доступ к лучшему мировоззрению. В то же время, это подход модифицирует критику идеологии, сглаживая иерархию между знанием исследователя и знаниями других людей; доступ к истине больше не является исключительно научной привилегией.

Критический дискурс-анализ Фэркло — пример этой модифицированной версии критики идеологии. Согласно критическому дискурс-анализу, дискурсы могут быть более или менее идеологическими. Более идеологические дискурсы — это те, которые предоставляют искаженную репрезентацию реальности (ошибочную репрезентацию) и, таким образом, поддерживают доминирующие отношения в обществе[1]. В этом мы улавливаем "эхо" критики идеологии: дискурс-анализ должен выявлять идеологические репрезентации и заменять их более адекватными репрезентациями реальности.

Однако критический дискурс-анализ в некоторых отношениях модифицирует традиционный критику идеологии, в частности, у Чоулиараки и Фэркло. Авторы все еще поддерживают такую позицию, что некоторые репрезентации более истинны, чем другие. Однако они считают, что истинное должно определяться не научной элитой, а общественными демократическими дискуссиями, в которых различные репрезентации сравниваются как по содержанию, так и по их социальным последствиям. Задача науки — внести в общественные дебаты те знания, которые люди обычно не производят или не имеют в ежедневной прак-

---

[1] *Chouliaraki and Fairclough 1999: 32f*

тике. Таким образом, здесь научное знание исследователи интерпретируют скорее как вклад в общественную дискуссию, чем как окончательную оценку истины.

Но даже с этими модификациями критический дискурс-анализ артикулирует вопрос критики тем способом от которого отстраняются многие другие сторонники социального конструкционизма. Например, как мы уже обсудили раньше и увидим в дальнейшем, существуют разногласия в вопросе о том, действительно ли можно провести различие между *более идеологическим* и *менее идеологическим* дискурсами. Перед дальнейшим обсуждением модифицированной критики идеологии, сформулированной критическим дискурс-анализом, мы представим ряд других позиций в этой дискуссии. Мы начнем в обратном порядке. До сих пор мы представляли дискуссию как вопрос о том, *как* произвести критические знания. Этот вопрос содержит два посылки — исследование может производить знание, и исследование должно быть критическим. Но не все социальные конструкционисты принимают эти два положения.

6. 2. Критика критики

Критика идеологии использовала исследование, чтобы произвести знание о мире, которое противоположно или лучше сложившихся взглядов людей. Социальный конструкционизм дистанцировался от этой посылки на том основании, что знание никогда не является непосредственным отражением мира. К научному знанию применяются точно такие же посылки, как и к другим формам знания. Есть два способа интерпретации последствий этого положения. Для большинства социальных конструкционистов цель исследования — узнать о мире нечто и произвести как можно лучшие репрезентации. Посылку о том, что зна-

ние имеет историческую и культурную специфику, можно подвергнуть различным формам рефлексивности. Но для меньшинства социальных конструкционистов знание, в смысле репрезентации, невозможно, и, следовательно, производство знания в этом смысле — не есть задача исследования. Мы начнем с обсуждения последней позиции.

Антрополог Стивен Тайлер критикует парадигму репрезентации, которой следует современная наука, — то есть убежденность, что реальность можно отразить в научных текстах. Обещая абсолютную правду, наука "захватила" власть над жизнью обычных людей и обесценила повседневное знание. Репрезетация или *имитирование*, согласно Тайлеру, невозможна, и поэтому такие науки как антропология должны избавиться от своих научных идеалов и прекратить рассказывать нам о том, что такое окружающий мир. Вместо этого, они должны быть более мистическими и поэтически "пробуждать" то, что не может быть сказано, а не заставлять нас думать о том, кем мы являемся и что мы должны делать[1].

В этой теории вопрос критики не возникает вообще, так как цель науки не в производстве описания мира, а в производстве влияния на него. В своем стремлении изменить мир, критика подразумевает, что одна репрезентация мира заменяется другой, лучшей, — и именно эту идею Тайлер считает наивной и даже разрушительной.

Аргумент Тайлера основан на возможности написания не репрезентативных текстов. Его собственный текст написан не в традиционной научной форме. Скорее это "смесь" аргументов с поэтическими нарративными пассажами. Таким образом, он скорее "отправляет послания", а не постулирует его четко. Но мы не считаем, что даже в этой экспериментальной форме текст "избавлен" от репрезентации мира. Из следующего отрывка отчетливо вид-

---

[1] *О концепции презентации, которая во многом является подобной, смотри Делёз (Deleuze) и Гуаттари (Guattari) (1987: глава 1)*

но, что особая репрезентация мира используется как аргумент к тому, как писать этнографию мира:

> "Постмодернистская этнография фрагментарна, потому что иначе и быть не может. Жизнь в этой области сама по себе фрагментарна, она совсем не организована вокруг знакомых этнологических категорий, таких как родство, экономика и религия [...]"[1]

Здесь Тайлер описывает, на что похожа жизнь в этой области — то есть фрагментарной — и какой поэтому должна быть этнография — соответственно фрагментарной. Таким образом, Тайлер основывает свой аргумент на описании реальности, на репрезентации. И в этом конкретном отрывке он даже обосновывает, что этнография должна отражать мир (будучи фрагментарной), — тем самым, он противоречит своему же утверждению о том, что репрезентация невозможна.

Мы полагаем, что даже если невозможно категорически различать репрезентацию и действительность, согласно предпосылкам социального конструкционизма, и даже если репрезентация никогда не является прямым отражением действительности, в наших текстах мы не можем избежать репрезентации реальности и, таким образом, определенной картины реальности.

Другая проблема теории Тайлера состоит в том, что он защищает дистанцирование антропологии от науки, и вместо этого одобряет ее союз с поэзией или терапией. Может быть, современная наука и стала бы следовать наивным идеалам со всеми отрицательными последствиями, тем не менее, мы не видим причины отвергать все научные правила и критерии. Напротив, мы попытаемся доказать, что гуманитарные и социальные науки необходимо поддерживать как пространство для производства, обсуждения

---

[1] *Tyler 1986: 131*

и оценки различных репрезентаций мира на основе набора общих критериев.

Если научные тексты, как мы показали, неизбежно репрезентируют мир, это дает возможность посредством критики заменить одну репрезентацию другой. Но не каждый согласен с таким идеалом. Проблема в том, что критика, в основном, включает неравные отношения между теми, кто критикует и теми, кого критикуют. Это как в критике идеологии, благодаря которой исследователь как бы владеет истиной, а все другие имеют о ней ложное представление. Если мы должны проводить исследование согласно социально-конструкционистским посылкам, мы не можем отводить научному знанию привилегированное место.

Возникает вопрос: что такое научное знание и можно ли его считать лучше других форм знания? К этому вопросу мы вернемся позже. Некоторые исследователи думают, что неравные отношения между исследователем и испытуемым, которые обычно влечет за собой критический анализ, настолько проблематичны, что мы не должны делать критику целью исследования.

Среди тех, кто поднимает эту проблему критики, — антрополог Бруно Латур, который считает, что критический анализ не обязателен, поскольку люди уже знают то, что они должны знать. Люди не нуждаются в исследователях, бегающих вокруг них и раскрывающих им всякие иллюзии. Социальный психолог Кеннет Герген приводит подобные аргументы. Не отвергая концепт критики в целом, он все же предупреждает об отрицательных последствиях исследования как критики[1]. По мнению Гергена, критика подразумевает то, что он называет "бинарной онтологией". Согласно Гергену, критика всегда зависит от того, что критикуется. Критикуя что-то, мы в то же самое время укрепляем это. Споры поляризуются относительно позиций "за" и "против" таким образом, что аргументы, которые не

---

[1] *Gergen 1994b, 1998*

соответствуют какому-либо лагерю, исключаются, и другие дискуссии исчезают из повестки дня.

Более того, Герген считает, что дискуссию часто расценивают как своего рода войну, а критику как нападение на внутреннюю сущность. Поэтому, критика ведет не к диалогу, а к отчуждению. Другая метафора — когда кто-то критикует мнение другого человека, он занимает позицию мудрого родителя, который корректирует ребенка, утверждает Герген. Действуя подобным образом, критика "затыкает рот" противоположной стороне и блокирует демократические дебаты. Это особенно парадоксально в случае с социально-конструкционистской критикой, поскольку социальный конструкционизм стремится избегать любых тенденций к обобщению и резюмированию. Отсюда вывод — критика "замораживает" дебаты, ограничивая и поляризуя "голоса", которые могут в ней участвовать.

Идеал Гергена — это дебаты, состоящие из различных конкурирующих взглядов. Он исходит из того, что производство знаний — это социальный процесс, в котором решения принимаются коллективно. Эта коллективность приводит к тому, что при обсуждении определенной темы каждый отдельный человек обладает знаниями различных аргументов. Герген считает, например, что мы не поляризуем дискуссии по определенной теме с позиции "за" и "против" какого-то аспекта, а вместо этого следуем различным аргументам как некой *сети нитей*, которая постепенно формируют сложную картину.

Мы полностью согласны с социально-конструкционистским представлением Гергена о том, что производство знания необходимо рассматривать как коллективный процесс[1]. А его предложение учитывать это в специфических дискуссиях может стать хорошим способом поддерживать сложность обсуждаемой темы.

---

[1] *См. Calhoun 1995: глава 6*

Несмотря на то, что эксперименты, которые предложил Герген, могут быть прекрасным дополнением к критике, как научной практике, все же мы не думаем, что они — адекватная замена критики. Предложения Гергена могут способствовать всестороннему рассмотрению обсуждаемой темы и лучшему пониманию аргументов других. Но с нашей точки зрения, его предложение также подразумевает, что все аргументы одинаково хороши, а посредством понимания мы можем разрешить конфликты значений.

Скептицизм Гергена по поводу концепта критики основан на иерархии, которую этот концепт конструирует между исследователем и окружающим миром. Он формулирует эти отношения как отношения покровительствующего родителя и ребенка и пытается заменить их более симметричными отношениями. Смысл метафоры родитель/ребенок в том, что легитимность одной стороны разговора полностью отрицается.

Мы согласны с тем, что концепт критики подразумевает асимметрию, но мы не думаем, что это обязательно влечет за собой отрицание легитимности противоположной стороны. Более того, мы считаем, что приравнивание критики к бинарной онтологии у Гергена сильно сужает концепт критики. Используя другую метафору, критический анализ как научная практика часто включает "разоблачение" само собой разумеющегося знания, которое может разделяться конкурирующими вкладами в данную дискуссию. Мы обеими руками "подписываемся" под этой метафорой и поддерживаем критику как цель социального исследования. Но разве эти формулировки вернули нас к критике идеологии в поисках истины вне всяких иллюзий? Не обязательно, и на следующих страницах мы проанализируем некоторые альтернативные возможности.

6. 3. Критика само собой разумеющихся знаний

Разоблачение само собой разумеющегося "естественного" знания — это часто эксплицированная цель социально-конструкционистского исследования[1]. Здесь критический проект — это, по сути, денатурализация само собой разумеющегося представления о реальности. Отправная точка состоит в том, что наши репрезентации мире всегда условны — они могли бы быть другими, — принимая что-либо на веру, мы забываем, что это могло бы быть и другим. Так как само собой разумеющееся знание ограничивает поле возможностей для размышления и действия, его разоблачение может открыть политическое поле для других возможностей и, следовательно, может само по себе может быть целью критического исследования.

Возьмем, к примеру, теорию дискурса Лакло и Муфф[2]. В своей теории гегемонных практик дискурса, Лакло и Муфф концептуализируют то, каким образом реальность становится такой, что кажется естественной и безусловной. Они считают, что дискурсы через гегемонную закрытость фиксируют значения определенным образом, и, как следствие, исключают все другие потенциалы значения. Посредством мифов об обществе и идентичности, дискурсивные конструкции кажутся естественными и ограниченными аспектами реальности. Цель Лакло и Муфф — опровергнуть гегемонную закрытость, двигаясь в противоположном направлении: через деконструкцию они стремятся показать, что сущности, которые мы видим как объективные и естественные, в реальности — лишь условные комбинации элементов, которые всегда могли быть артикулированы по-другому.

---

[1] *См., например, Markus и Fischer 1986: глава 6; ср. Brown 1994: 24*

[2] *Подобное понимание здравого смысла, критического анализа и радикальной демократии — см. также Батлер (Butler) (1993: главы 7 и 8)*

Как мы уже говорили во второй главе, Лакло уравнивает идеологию и объективность и, в некотором смысле, проект теории дискурса — это проект критики идеологии, хотя и очень отличающийся от традиционной. Хотя Лакло берет за основу определение идеологии, принятое в критическом анализе идеологии, — как искажение реальности, — все же он считает его обязательной частью любого представления о мире. Чтобы иметь возможность участвовать в осмысленном разговоре, мы всегда должны уменьшить потенциалы значения используемых слов, а также должны допустить, что есть объекты, такие как общество, и субъекты, о которых мы можем говорить что-то осмысленное. В этом и проявляется идеологическое искажение, поскольку такие операции подразумевают объективацию, которая отрицает условность, свойственную всякому приписыванию значения[1].

Следовательно, теория дискурса Лакло и Муфф — это критика идеологии в том смысле, что она направлена на выявление условности и деконструкцию объективности. Но, в отличие от традиционной критики идеологии, она не может предложить истину, свободную от идеологии — исследователь обречен искажать реальность через идентификацию объектов и осмысленный разговор о них.

Формулировка критического проекта, основанного на теории дискурса, вызывает множество вопросов. Крэйг Калун, например, критикует такой тип теории, которая рассматривает власть как вездесущую и все высказывания как идеологические. Теория, которая рассматривает все конструкции как идеологические в равной степени, по мнению Крэйга Калуна, не различает мнения, которые улучшают мир, от мнений, которые этого не делают. В результате критика неконструктивно направляется на все что угодно.

[1] *Laclau 1990: глава 2; 1996a*

С позиции Калуна, можно задать вопрос, как теория дискурса определяет, что критиковать, и что должен вместо этого предложить исследователь? Распространяется ли теория дискурса Лакло и Муфф только на "негативный критицизм", в котором критикуются существующие условия без предложения лучшей альтернативы?

Фактически, теория дискурса представляет позитивную утопию, которую исследователь может помочь осознать — а именно, утопию "радикальной демократии"[1]. Демократия, обеспечивающая полную свободу и равенство для каждого, невозможна, и политические сообщества никогда не включают всех, поскольку они всегда построены на оппозиции "мы" и "они". Но все же *возможно* иметь полную свободу и равенство как некий "горизонт", к которому следует стремиться; можно совершать попытку включать все большее количество областей в политические дебаты о равенстве. Демократия обеспечивает нам структуру, с помощью которой мы можем сравнивать себя с другими и, таким образом, идентифицировать несправедливость.

Например, если мужчины имеют право голосовать, то почему же женщины могут не иметь этого права? — спросили феминистки в начале 20-го столетия. Путь к радикальной демократии — в создании возможностей задавать все больше таких вопросов. Если другие имеют свободу быть гетеросексуалами, почему мы не можем быть гомосексуалистами? Если других принимают как белых, почему нас не могут принимать как черных? Все эти вопросы были поставлены новыми социальными течениями; они внесли вклад в открытие областей, которые могут обсуждаться политически в терминах свободы и равенства.

В радикальной демократии важно, чтобы политическая область никогда не сводилась к жестко ограниченным группам и стандартным позициям в политической повестке дня. Каждый политический вопрос делит людей на отдельные

---

[1] *Laclau 1985 Mouffe, глава 4; 1992 Mouffe*

группы и дает им отдельные идентичности; он фиксирует миф общества особыми способами. И поскольку один способ никогда не исчерпывает все части наших фрагментарных и распределенных идентичностей и никогда не охватывает все возможные групповые формации, важно, чтобы существующие группы могли быть в любое время деконструированы, и могли быть сформированы новые группы, и поставлены новые вопросы на повестку дня. Следовательно, группы, которые участвуют в политической деятельности по определенному вопросу, необходимо рассматривать не как группы идентичных людей с одинаковой сущностью, а как временные союзы, в которых определенные аспекты идентичности членов конституированы и активизированы в соответствии с существующим вопросом.

Только если сохранять открытость спорных вопросов — когда конфликты их включены в политической повестку, а группы вовлечены в конфликт — возможно постоянно вводить новые темы о равенстве и свободе в обсуждение. Тогда критический проект Лакло и Муфф по разоблачению само собой разумеющегося знания можно назвать политическим проектом, в котором деконструкция объективности позволяет не забывать об идеологической, условной природе объективности, которую мы приписываем миру, и точнее выявлять новые области для политической дискуссии.

Однако на вопрос Калуна о том, как определить, что критиковать, теория дискурса в отношении радикальной демократии дает весьма скромный ответ. Критический проект теории дискурса включает деконструкцию само собой разумеющегося знания, но эта теория не дает никаких руководящих принципов относительно того, какие сами собой разумеющиеся убеждения больше всего нуждаются в разрушении в терминах политических критериев.

Мы думаем, что отсутствие *предварительных* нормативных стандартов не обязательно препятствует крити-

ческому исследованию. Однако если мы действуем в соответствии с социально-конструкционистской посылкой, на которой основана сама теория дискурса — а именно, что исследование не только производит представление о мире, но также и влияет на мир, — важно ясно понять цели исследования и объяснить их другим.

Это политическое измерение можно добавить к проекту теоретического дискурса путем комбинирования его с другими подходами к исследованиям. Это позволит исследователю определить цели и политическое направление конкретного научного исследования.

Исследование действия, набирающее популярность в настоящее время, — это один из таких подходов[1]. Исследование действия намного ближе к изучаемой области, чем традиционные научные подходы, поскольку, с этой позиции, исследование необходимо проводить с людьми, а не о людях. Это означает, что цели исследования должны быть сформулированы в определенном контексте социальной практики вместе с людьми — респонденты и исследователи сотрудничают при идентификации определенных проблем, на решение которых как раз и направлено исследование. Во многих формах современного исследования действия люди рассматриваются как *участники* процесса исследования, которые привносят свои знания в общее развитие нового знания вместе с исследователем (об этом подходе см. наше обсуждение диалогического исследования).

Другой, более традиционный способ интегрировать специфическое политическое измерение в исследовательский проект — включить теоретический подход, который инвестирует концепт критики с более ясной политической направленностью. В следующих разделах мы представим некоторые феминистские подходы, в соответствии с которыми исследование от начала до конца следует политической траектории.

---

[1] *См., например Reason и Bladbury 2001; Tracy 1995; Willig 1999a*

6. 4. Идентификация само собой разумеющихся знаний

Давайте сначала вернемся к вопросу о само собой разумеющемся знании и о том, как его можно идентифицировать. Само собой разумеющееся знание, как мы отмечали раньше, — это то, что по определению не подвергается сомнению. Это то, о чем даже и не думают как о том, *что можно* подвергнуть сомнению. Чтобы идентифицировать само собой разумеющееся, "естественное" (натурализованное) приписывание значения, исследователи должны тем или иным способом отстраниться от него. В этом разделе мы представим три различных ответа на эпистемологический вопрос о том, как теоретически осмыслить субъектную позицию исследователя, которая дает ему возможность идентифицировать само собой разумеющееся.

Первый ответ — *аналитическое переописание*. Бэзил Бернштэйн считает, что мы думаем о теориях как о "языках описания" и о применении теории как о переводе эмпирического материала на ее язык[1]. Посредством этого процесса перевода некоторые из само собой разумеющихся аспектов материала денатурализируются[2]. Все представленные в этой книге дискурс-аналитические подходы обеспечивают возможность переописания эмпирического материала. Теория дискурсов и артикуляции Лакло и Муфф и их концепт изменчивых знаков, мифов и так далее можно, например, рассматривать как форму языка, который может описывать эмпирический материал отличным способом от того, которым он описывает сам себя. Подобным образом, лингвистические инструменты критического дискурс-анализа и риторические инструменты дискурсивной психологии можно рассматривать как различные языки, которые могут создать дистанцию между исследователем и материалом.

---

[1] *Bernstein 1996: глава 6*

[2] *См. Chouliaraki and Fairclough 1999*

Как и в случае со всеми переводами, такой перевод и не нейтрален, и не безобиден, он совершает своего рода "насилие" над эмпирическим материалом[1]. И это происходит намеренно; цель дискурс-анализа — извлечь иные значения из материала, чем те, что заметны на первый взгляд. Но концептуализация дискурс-анализа как формы перевода также влечет некоторые ограничения того, как и насколько мы можем "крутить" наш материал. Ведь мы должны ограничиться теми интерпретациями, которые соответствуют дискурс-аналитическому языку, который мы выбрали в качестве аналитической структуры. Тогда концептуализация различных подходов к дискурс-анализу (наряду с любой другой научной теорией) как языку описания, с одной стороны, позволяет исследователю дистанцироваться от эмпирического материала, преобразовывая его через переописание, и, с другой стороны, гарантировать некоторую лояльность к первоначальным эмпирическим текстам через ограничение возможных интерпретаций.

6. 4. 1. Критика с позиции периферии

Чтобы перейти к обсуждению других средств идентификации само собой разумеющегося знания, мы должны раскрыть посылку, присущую большинству социально-конструкционистских исследований: само собой разумеющееся организовано вокруг центра власти. Эта посылка может быть более или менее явной или теоретизированной. Лакло и Муфф, например, явно обсуждают ее, и одновременно убедительно теоретизируют по этому поводу, так что позвольте нам использовать теорию дискурса в качестве иллюстрации. Согласно этой теории, дискурсы фиксируют значение, исключая все другие потенциалы значения. Два дискурса могут находиться в антагонистических отношениях, когда они пытаются определить одну

[1] *Silverstone 1999: 14*

и туже область конфликтными способами. Антагонизм разрешается посредством гегемонии, в которой один дискурс становится основным и воспринимается как объективная реальность; объективное — то, что стало само собой разумеющимся, а то, что мы забываем, — это условное. Само собой разумеющееся появляется в тот момент, когда из нашего видения исчезают альтернативы.

Конечно, само собой разумеющееся не является вездесущим; ключевой момент социального конструкционизма — само собой разумеющийся мир не является естественным, или заданным изначально. Но тот момент, где начинается и заканчивается само собой разумеющееся значение, можно рассматривать двумя путями. Например, само собой разумеющееся знание можно рассматривать как *центр*, который распространяется по определенному радиусу к периферии. На периферии оно уже не настолько само собой разумеющееся знание. По-другому, само собой разумеющееся можно рассматривать как *навязывающую* структуру — она содержит промежутки, которые как раз и включают потенциальные точки разногласий. Эти две метафоры не исключают друг друга, и мы думаем, например, что теорию дискурса можно рассматривать двумя этими способами. Однако мы отделяем эти два подхода, чтобы иметь возможность различать два различных ответа на вопрос о том, как раскрыть само собой разумеющееся знание. Обе метафоры *локализуют* само собой разумеющееся знание. Таким образом, они также локализуют и точки, относительно которых его можно идентифицировать. Обратимся теперь к феминистской теории, чтобы проиллюстрировать некоторые способы выявления таких точек.

Социально-конструкционистская предпосылка культурной и исторической специфики знания означает, что люди, которые по-разному позиционированы во времени и пространстве, также по-разному рассматривают мир и имеют различные сами собой разумеющиеся представления. Именно эту посылку феминистки обычно использу-

ют, чтобы обосновать знание, которое производят. Феминистские теоретики находились на "переднем фронте" развития теорий о ситуативном знании; принятие специфической позиции для производства знания — отправная точка для большинства феминистских исследований.

Базовая посылка феминистского исследования — женщины представляю особую группу — группу, которую игнорировали и угнетали и в обществе, и в науке. С позиции нашего анализа критики, у этой посылки есть два основных следствия. Во-первых, феминистское исследование нормативно, его цель — сделать женщин, их жизнь и опыт заметным и бороться против репрессивных структур. Относительно вопроса, что необходимо критиковать, феминизм предлагает пример исследования с намного более явной политической направленностью, чем, например, теория дискурса Лакло и Муфф: небходимо критиковать то, что угнетает женщин. Во-вторых, эта посылка феминизма вызвала плодотворную дискуссию: сделать заметным, как критиковать доминирующее, само собой разумеющееся представление, занимая определенную позицию; как теоретически осмыслить "заякорившееся" знание, которое произвел исследователь. Очень влиятельна в этом обсуждении *теория феминистской позиции* в том виде, в котором ее сформулировала социолог Дороти Смит.

Дороти Смит утверждает, что идеалы объективности и абстракции современной западной науки отражают и укрепляют маргинальное положение женщин в патриархальном и капиталистическом обществе. Поэтому она предлагает социологию, основанную на позиции женщин. Ее аргумент не в том, что женщины по-другому видят реальность из-за биологических отличий от мужчин, а в том, что женщины как социальная группа в результате полового разделения труда имеют иной опыт, чем мужчины. Часто именно женщины, как считает Смит, выполняют всю работу по дому, готовят еду и заботятся о детях. И эта работа незаметна. В то время как женщины постоянно сталкиваются

с непосредственным локальным миром, конкретным опытом и базовыми потребностями, мужчинам намного легче выйти за рамки своего локального окружения и дистанцироваться от непосредственной реальности, точно также как ученым дистанцироваться от объектов изучения. Таким образом, хотя науку и представляют как нейтральную "в половом отношении", реально она основана и укрепляет мировоззрение и интересы мужчин.

Смит использует женский опыт для построения платформы, с которой она сможет наблюдать доминирующие, само собой разумеющиеся представления и критиковать их. Она не думает, что женский опыт *обязательно* ведет к феминистской и критической точке зрения на доминирующие отношения власти, так как оба пола должны понимать себя и мир вокруг них через доминирующий дискурс. Феминистское понимание мира необходимо активно конструировать, но условия для феминистского понимания лжи связаны с маргинальностью жизни и работы женщин. Женский опыт "выпадает" из патриархальной структуры понимания, и это "выпадение" — ресурс для феминистской критики доминирующих, само собой разумеющихся знаний.

Смит вспоминает, как она сама как научный сотрудник и мать-одиночка чувствовала "раздвоенность" сознания: научное, абстрактное сознание человека науки, основанное на опыте и интуитивно локальное сознание матери. Женщины — "чужие" в академическом мире, и здесь возникает возможность для критической позиции. Основываясь на опыте, женщины потенциально могут видеть *и* доминирующую структуру, *и* то, что в ней игнорируется, и благодаря такой "раздвоенности" сознания они могут критиковать существующий аппарат власти.

А теперь вернемся к двум метафорам для осмысления границ само собой разумеющегося знания: мы говорили, что само собой разумеющееся можно рассматривать и как структуру от центра к периферии, и как структуру с

пробелами, которые могут выявить и оспорить само собой разумеющееся знание. Теория Смит больше созвучна первой метафоре: женский опыт — это некая грань, "выпадающая" из доминирующего дискурса, которую можно использовать как отправную точку для опровержения само собой разумеющихся натурализованных представлений, враждебных по отношению к женщинам.

Аналогичные рассуждения можно применить для других само собой разумеющихся знаний относительно остальных дискриминированных групп. Например, рабочий класс, этнические меньшинства и гомосексуалисты также могут на основе своего опыта задать позицию, с которой можно идентифицировать и критиковать доминирующие представления.

В общем, Смит предлагает особую теоретизацию условий и возможности для критики. Однако в ее подходе есть некоторые проблемы. Хотя она указывает, что женщины отличаются друг от друга и имеют различный опыт, все же она представляет женщин как гомогенную группу — они одинаково позиционируют себя по отношению к правящему аппарату власти. Следовательно, ее подход "рискует" стереть различия между женщинами. Например, в обществе, в котором этническая принадлежность — ключевая категория, между женщинами различных этнических групп существуют большие различия относительно их опыта и позиции в обществе. Здесь уместно упомянуть работу Патрисии Хилл Коллинс. Коллинс формулирует версию феминистской теории позиции, которая затрагивает проблему гомогенности. Она представляет концепт *аутсайдера внутри*, чтобы связать пол и расу. Она считает, что черных женщин исторически могли рассматривать как аутсайдеров в таких обществах, как США, где они входят в дома белых как прислуга, но их никогда не принимают как равных. Этот общий разделяемый всеми опыт существует внутри и вне общества. Согласно Коллинс, он может сформировать базу для мышления черных феминисток, благо-

даря которому может появиться и теория, и политическая стратегия, направленные на укрепление равенства полов, классов и этнических групп. Коллинс подчеркивает, что женщины разные, и что черные женщины — это тоже не гомогенная группа. Однако она настаивает на том, что некоторые группы в определенных условиях могут иметь так много общих условий жизни, что эти общие условия могут сформировать базу для специфического взгляда на мир и определенной позиции.

Однако проблема с этими версиями теории позиции в том, что они включают привилегированные категории опыта. Колхоун предостерегает от слишком сильной связи критической позиции и специфического опыта, — ведь если опыт полностью детерминирует то, что люди могут видеть, тогда мы теряем возможность обсуждения с теми, кто имеет другой опыт. Опасно то, что мы внедряем форму эссенциализма, где, например, мужчины полностью исключены из феминистского мышления, поскольку они никогда не смогут видеть мир с точки зрения женщин. Может быть, Колхоун и прав в этом, хотя мы считаем, что Смит менее категорична в этом вопросе: у нее скорее мужчины *имеют тенденцию к* более абстрактному и менее контекстуально-специфическому опыту, а не к исключению из конкретного контекстуально-специфического опыта.

Скорее, самая большая проблема теории позиции в том, что она "рискует" воспроизвести то, что критикует. В терминах нашей метафоры границы само собой разумеющегося знания, если мы используем доминирующее дискурсивное различие между "ими" и "нами", центром и периферией (позиционируя себя на стороне "их" — на периферии), то вскоре мы и сами начинаем воспроизводить различие между "ими" и "нами", как само собой разумеющееся знание из зоны центра. С одной стороны, цель Смит — критиковать и оспаривать притеснения женщин в обществе. С другой стороны, Смит взяла за основу жизнь и опыт "женщин". Таким образом, противореча своим заве-

рениям в том, что мужчины и женщины — это не однородные группы, она воспроизводит то же самое патриархальное разделение мира на "мужчин" и "женщин", которое сама же и критикует[1].

Теория позиции предлагает стратегию для дистанцирования от центра и от само собой разумеющихся знаний, чтобы посмотреть на центр с периферии. Другая стратегия для установления такой дистанции от центра — двигаться от центра во времени или пространстве. Например, сексуальность в западном обществе можно анализировать, изучая антропологические исследования сексуальности в других обществах с абсолютно иными представлениями о сексуальности, любви, теле, поле. Точно так же можно использовать исторический подход, как это делал Фуко. Исследуя понимание сексуального превосходства в прошлом через процесс дистанцирования, Фуко смог представить современное понимание сексуальности как экзотическую конструкцию, которая в принципе могла быть иной. Исторический подход дает нам материал, он раскрывает нам — как категория сексуальности приняла такую специфическую форму.

На основе исторического и антропологического материала — "иностранного" для нас — и нашего собственного эмпирического материала, можно попытаться установить грань вне своей культуры, с позиции которой можно идентифицировать то, что принимается как само собой разумеющееся. Такая "вынесенность" за пределы не должна быть абсолютной, поскольку исследователь не может полностью избежать собственных представлений. Но хотя доступ к "иностранному" материалу всегда опосредован чьими-то представлениями, мы считаем, что рассмотрение абсолютно различных взглядов может, по крайней мере, дать возможность задать новые вопросы к нашим собственным представлениям и представлениям, идентифицированным в эмпирическом материале.

---

[1] *О теории точки зрения, которая пытается принимать во внимание эти пункты для критики, см. Хардинг (Harding) (1991)*

6. 4. 2. Критика с позиции пробелов в структуре

В изучении вопроса, как раскрыть доминирующие натурализованные представления о реальности, мы представим заключительную теоретизацию, в которой есть попытки установить альтернативное представление о мире, рассматривая мир через пробелы в структуре, а не через периферию. Такую попытку сделала, например, теоретик феминизма Донна Харавей[1].

Харавей не основывает свое исследование на позиции "женщин", или "рабочего класса", или "черных", поскольку эти категории — часть структуры, которую она хочет критиковать. Вместо этого она пытается поместить себя между существующими категориями и рассматривать мир таких. Поэтому ее "вселенная" населена существами типа киборгов, монстров и гено-управляемых мышей, которые соответствуют обычному разделению людей, животных, машин и так далее. Принимая позицию таких "несоответствующих/ других", и идентифицируя себя с ними[2] она может исследовать категории, которые мы обычно используем, как условные артикуляциии элементов, строго разделенных, например, на "природу" и "культуру". И это разрушение до конструкции категорий дает возможность представить другие (и лучшие) миры, в которых элементы артикулируются иначе.

В классическом эссе "Манифест киборга", Харавей использует образ киборга, чтобы исследовать наши идеи об идентичности. Киборг — гибрид организма и машины, природы и культуры, и именно поэтому "сталкивает" кате-

---

[1] *О ложной перспективе, которая базируется на "ложном" как категории, находящейся между доминирующими категориями, см. Батлер (1993: глава 8), и для попытки думать от промежутков в доминирующих представлениях о культуре, см. Бхабха (Bhabha) (1994: введение)*

[2] *Критическое чтение критического дискурсного анализа по этим направлениям см. Поттер (1996b: 224 и далее)*

гории, которые мы обычно разделяем. Западная традиция оперирует с длинным списком таких дихотомий (я/другой, мужчина/женщина, цивилизованный/примитивный и так далее), которые поддерживают систему доминирования: мужчины доминируют над женщинами, "цивилизованные" доминируют над "примитивными" и так далее. Харавей использует метафору киборга, чтобы идентифицировать и критиковать существующую дихотомию. Она считает, что мы все являемся киборгами — гибридами человека и машины. Без наших технических приспособлений мы не были бы теми, кем мы являемся, и не могли бы делать то, что мы можем. Вообще, идея состоит в том, что наши идентичности постоянно "загрязняются" — они никогда полностью не соответствуют категориям, которые мы конституируем.

Харавей критикует структуру с позиции пробелов — с точки зрения, основанной на том, что лежит между нашими категориями. Но это не означает, что она нашла место, с которого она может видеть реальность такой, какая она есть — полностью свободной от всех структур. Это, по ее мнению, невозможно. Изучая киборга, который также имеет предысторию военной индустрии, она пытается приспособить этот образ, который уже циркулирует в наших материальных и лингвистических практиках, чтобы перекодировать его. Она использует киборга, чтобы сообщить другую историю, историю, которая создает "политический миф", и объяснить, как мы создаем себя и мир, комбинируя гетерогенные элементы. Критикуя западные дихотомии, она показывает, что в будущем элементы можно объединять новыми и, возможно, лучшими способами. По ее мнению, исследование, подобно нашим идентичностям, никогда не может быть "абсолютно чистым"; оно предназначено для того, чтобы ориентироваться в мире, который уже структурирован самыми различными способами. Но что потенциально *можно* сделать — так это разрушить

6. 5. Статус знания

Мы уже представили три различных теоретических представления о том, как исследователи могут идентифицировать само собой разумеющиеся, натурализованные конструкции, которые они хотят обнаружить. Во-первых, мы предположили, что теории — это языки переописания, включающего перевод эмпирического материала. Во-вторых, мы обсудили позицию на периферии, с которой мы получаем отстраненное видение центра, и в-третьих, мы выделили пробелы в доминирующей структуре, в которых можно подвергнуть сомнению натурализованные категории. Здесь уместен вопрос о натурализованных конструктах, возможностях их обнаружения, потому что критика в социальном конструкционизме часто формулируется как денатурализация само собой разумеющегося знания. И все эти стратегии направлены на теоретическое осмысление дистанции между исследователем и само собой разумеющимся знанием, чтобы это знание стало заметным как объект изучения. Другими словами, эти альтернативы, отдельно или в сочетании, обеспечивают эпистемологическую базу, на которой можно производить знание. Но в социально-конструктционистских посылках скрывается вопрос: какой статус приписывать этому новому знанию?

Большинство исследователей, социальных конструкционистов, согласились бы с тем, что исследование само по себе устанавливает новые формы само собой разумеющихся представлений, и что научное знание — это условная конструкция реальности, так же как и другие репрезентации. Как мы можем тогда гарантировать, что наше представление о реальности лучше того, которое мы критикуем? Как мы можем оценить научное знание? Как мы можем инвестировать наши заявления с академическим авторитетом и политической силой без соотнесения с фиксированной основой для знания?

6. 5. 1. Релятивизм и рефлексивность

Возникает вопрос, блокирует ли релятивизм, свойственный социально-конструкционистским посылкам, возможность отличать хорошие описания реальности от плохих, и прогрессивные политические принципы от реакционных? И если дело обстоит именно так, стоит ли беспокоиться? Мы сейчас представим множество позиций по этому поводу. Мнения разделяются (см. главу 4): одна группа видит релятивизм как политическое препятствие, тогда как другая группа в этом препятствия не видит. Члены второй группы, Дерек Едвардс, Малком Эшмор и Джонатан Поттер доказывают, что релятивизм неизбежен, но что об этом не стоит волноваться. Релятивизм, согласно их точки зрения, — это не научная программа, а фундаментальный скептицизм в отношении любого требования к знанию о реальности, скептицизм, который дает возможность все подвергать сомнению. Но это не означает, что мы не можем производить суждения об этой реальности — на самом деле, мы не можем этого не делать. Это означает, что все суждения открыты для обсуждения, и в этом состоит возможность для дальнейших демократических дискусий. Напротив, реалистические аргументы, выявляющие действительную природу мира, замораживают обсуждение.

Стратегия Эдвардса и остальных состоит в том, чтобы *охватить релятивизм,* принимая это безоговорочно как условие для любого производства знания. Другие дискурсивные психологи, например, Паркер и Уиллиг, предупреждают против такого "оптового" принятия релятивизма. Они доказывают, что критическое исследование становится невозможным, если все утверждения о мире в принципе одинаково хороши и, чтобы избежать этой опасности, они выбирают комбинацию социального конструктивизма и онтологии критического реализма для того, чтобы учесть недискурсивные аспекты мира. Критический дискурс-анализ также, в определенной мере, идет таким же маршру-

том. Чоулиараки и Фэркло различают различные формы релятивизма, принимая скромную форму релятивизма, подтверждаемую критическим реализмом, и отклоняя те, которые они считают более радикальными формами. Основываясь на концептах критического реалиста, Роя Баскара, они принимают *эпистемологический релятивизм*, согласно которому все дискурсы происходят от специфической позиции в социальной жизни, и отклоняют *релятивизм суждения*, в котором все дискурсы — это одинаково хорошие репрезентации реальности. Они отклоняют релятивизм суждения с помощью аргумента, что о сильных и слабых сторонах дискурса непрерывно рассуждают в каждодневных практиках, когда, например, люди проверяют, насколько дискурс хорош для того, чтобы думать с его помощью или использовать его как структуру для коллективного действия.

Это лишь вопрос интерпретации, отличается ли позиция Чоулиараки и Фэркло фактически от позиции Эдвардса, Эшмора и Поттера. Одна интерпретация — то, что Чоулиараки и Фэркло отклоняют релятивизм суждения основывается на доводе, что в каждой дискурсивной ситуации подразумеваются некоторые стандарты правильного и неправильного, полезного или нет. Дискурсы не могут быть одинаково хороши, поскольку мы всегда спорим внутри дискурсивного пространства, в котором уже есть набор критериев того, что принимать как истинное утверждение. В этой интерпретации критерии измерения наилучшей репрезентации условны; вложены в определенные дискурсивные пространства — позиция, близкая к охвату релятивизма у Эдвардса и др. Но если дело именно в этом, почему прежде всего различают эпистемологический и релятивизм суждения? В альтернативной интерпретации позиции Чоулиараки и Фэркло это различие имеет больше смысла. Согласно этой интерпретации, Чоулиараки и Фэркло доказывают, что некоторые репрезентации отражают реальность более лояльно, чем другие, в соответствии

с некоторым внешним измерением. Такая интерпретация выходит за пределы их определения истины, как продукта демократического обсуждения, но хорошо соответствует их различию между более или менее идеологическими дискурсами[1]. Согласно этой интерпретации, Чоулиараки и Фэркло, *ограничивают релятивизм*, рассматривая все репрезентации как созданные социально (релятивистская позиция), но рассматривая некоторые как более лояльные к действительности, чем другие (нерелятивистская позиция). С социально-конструционистской точки зрения, возникает вопрос, *кто* должен выносить суждение относительно того, какие репрезентации лучше. Если принятие одной репрезентаци более важно, должен быть кто-то — например исследователь, — кто будет это решать на основании своего привилегированного понимания[2].

Мы только что обсудили различие между определением релятивизма на метатеоретическом, эпистемологическом уровне и, как мы увидели, это различие не всегда ясно. Также можно провести обсуждение других стадий исследования, тогда различие между критическим дискурс-анализом Фэркло и подходом Эдвардса и др. к дискурсивной психологии станет более очевидным.

Обсуждение релятивизма связано не только обсуждением эпистемологических принципов, но также и того, как — и насколько — исследователи учитывают эти принципы при создании своих проектов исследования. Хотя Чоулиараки и Фэркло кратко упоминают потребность рефлексивного анализа роли исследователя в производстве знания, общая тенденция критического дискурс-анализа — применение обычных научных методов в производстве эмпирического материала и представлении результатов

---

[1] *Критическое чтение критического дискурс-анализа по этим направлениям, см. Поттер (1996b: 224 и далее)*

[2] *О переформулировке отношений между дискурс-анализом и критическим реализмом, который также затрагивает вопрос релятивизма, см. Чоулиараки (2002)*

исследования в традиционных академических текстах без рефлексивного исследования этих практик. В отличие от этого, область дискурсивной психологии в целом предлагает обширное обсуждение возможностей для рефлексивного исследования[1]. Как отмечалось в главе 4, рефлексивность — это попытка принять во внимание роль исследователя в производстве знания относительно релятивистской посылки, свойственной социальному конструктивизму, что собственное знание индивида конституировано социально и культурно. Цель состоит в том, чтобы пересмотреть классические отношения власти между исследователем и изучаемыми людьми, и избегать позиции "верховной власти" с привилегированным доступом к истине.

Одна стратегия состоит в том, чтобы вовлекать осведомителей как соисследователей, и многие дискурсивные психологи защищают *диалогическое исследование*, основанное на более диалогических практиках для производства и анализа эмпирического материала. Вместо рассмотрения эмпирического материала как чего-то существующего "там" и предназначенного для наблюдения и собирания нейтральным исследователем, этот подход подчеркивает, что эмпирический материал — социальная конструкция, появляющаяся в результате взаимодействия исследователя и исследуемого. Другими словами, исследователи создают свои объекты анализа и эмпирического материала через продолжающийся диалог с областью. Диалогическое исследование рассматривается как более демократичная альтернатива традиционным формам исследования, так, как здесь большее значение придают голосам информаторов при производстве материала и подтверждении результатов: например, это представление эмпирического

[1] Рефлексивность также является, в слегка различных версиях, темой обсуждения в пределах других дисциплин, таких как антропология, феминизм и изучение науки. Мы кратко представляем одно феминистское понимание рефлексивности в следующей части, но в этой части мы, главным образом, сосредотачиваемся на критической социальной психологии, включая дискурсивную психологию

материала как продукт диалога между исследователем и респондентом, воспроизводство более длинных отрывков интервью, анализ при сотрудничестве с информаторами или привлечение их как соавторов текста. Хотя многие дискурсивные психологи и другие социально-критические психологи играют активную роль в рефлексивных дискуссиях и поддерживают идею диалогического исследования, применение этих принципов в специфических научно-исследовательских работах имеет тенденцию к ограничению и часто сводится к признанию того, что их эмпирический материал — это продукт диалога исследователя и респондента. Например, они, в основном обсуждают материал исключительно в отношении информаторов, игнорируя собственную роль как исследователей в создании материала.

В частности, они часто анализируют ответы интервью без анализа вопросов, таким образом, пропуская диалогический контекст, к которому принадлежат ответы[1].

Цель диалогического исследования — подвергнуть сомнению авторитет исследователя; вопрос заключается в том, возможно ли это и желательно ли. Равенство исследователя и информантов, и их форма знаний должно сделать исследование более демократичным. Но, по нашему мнению, это равенство никогда не может быть полным: именно исследователь решает, выполнять ли проект, и определяет его содержание, и кого следует привлечь как, информантов. И именно исследователь координирует весь процесс и достигает академического статуса, который приносит проект. Как указывает Сьюзен Кондор, существует опасность, что диалогические исследователи просто маскируют асимметричные взаимоотношения между исследователем и информантами, представляя себя как нейтральных представителей информантов.

---

[1] *Более радикальные попытки участвовать в диалогических исследованиях были предприняты в схожих областях исследования, смотри, например, постструктуралистских феминистских социологов, таких как Латер (Lather) и Смитиз (Smithies) (1997)*

Даже если кто-то может сделать отношения между исследователем и респондентомполностью симметричными, остается вопрос относительно того, действительно ли это хорошая идея. Мы видим плодотворный потенциал в развитии диалогических исследовательских практик в проекте исследования — здесь исследователи пытаются в большей степени учесть собственную активную роль в производстве знания; и в отношении роли исследователя, — здесь исследователи частично отбрасывают свой авторитет, чтобы учесть больше голосов и интересов информантов. Обсуждение в диалогическом исследовании, — какие (и чьи) знания принимать как легитимные, — это основной вклад в демократические дебаты. Он способствует пониманию того, кто имеет монополию на знания, кто кого заставляет молчать и какие знания не считают знаниями. Более того, диалогическое исследование может помочь при создании общей платформы для обмена знаниями между различными дискурсами, такими как научные знания и повседневные знания. Но мы находим в диалогическом исследовании тенденцию к тотальному отказу от любой власти и уравниванию научных и других форм знания. Напротив, мы подчеркиваем, что, даже если все знания, в принципе, можно приравнивать на основании условности в данном обществе, существуют *различные типы знаний, созданных согласно различным логикам* и направленных на различное применение. Мы не верим, что эти различные формы знаний могут или должны сократиться до одного-двух или, точнее, что научные и повседневные знания можно измерить одинаковыми стандартами или иметь одну и ту же условность, а они имеют один и тот же вес. Несмотря на их условность, мы считаем, что легитимность науки зависит от того, что мы рассматриваем ее как характерную форму знаний со своими собственными критериями для производства знаний и в результате авторитетности. Диалогическое исследование — это рефлексивный ответ социально-конструкцио-

нистскому релятивизму на стадии сбора данных, анализа и представления эмпирического материала, попытка демонтировать иерархические отношения между исследователем и информантом. *Экспериментальное написание*, к которому мы теперь обратимся, сконцентрировано на презентации исследования, оно предлагает иное иерархическое отношение между писателем и читателем. Традиционная научно-исследовательская презентация критикуется за то, что представляет научные знания как нейтральные и объективные и, поэтому, приписывает им незаслуженный авторитет. На основе этой критики, некоторые исследователи стремятся показать создание текста *в* тексте, чтобы постоянно напоминать читателю: то, что он читает — не истина, а условная репрезентация реальности. Например, Эдвардс и Поттер прервали обычный поток текста в их книге по дискурсивной психологии с "рефлексивными" ящиками, в которых они обсуждают статус знания, и то, как они к ним пришли. Один из ящиков, например, принимает форму диалога между двумя авторами, где они обсуждают какой ярлык нужно дать разработанной модели. Таким образом, они показывают, что знания скорее не существуют, а производятся благодаря выбору людей в определенных ситуациях[1].

Даже если цель таких презентаций — оспорить иерархические отношения власти между писателем и читателем, тексты могут иметь парадоксальный эффект покровительственности: если читатель не проявит бдительности, он поверит всему прочитанному. Если такой эффект есть, тогда

---

[1] *О подобных экспериментах с формами презентации см. Ашмор (1989), Латер и Смитиз (1997), Вулгар (1989). Работа Латер и Смитиз (1997), например, является постструктуралистским текстом, написанным феминистическими теоретиками на нескольких уровнях. Этот текст привилегирует знание осведомителей над знаниями исследователей и постоянно пытается объяснить читателю, что никогда не бывает только одна история, и никакая история не фиксируется. Латер (2001) содержит дополнительные размышления, основанные на работе Латер и Смитиз (1997). Для обсуждения различных форм экспериментального письма, см. также Денцин (1997)*

цель достижения более равных отношений между автором и читателем очевидно не достигнута.

По-видимому, в более экстремальных экспериментах, цель текста — сообщить настолько мало, насколько это возможно, — или, по крайней мере, подвергнуть сомнению значение того, что когда-либо говорилось, — тогда читатель не соблазнится и не поверит этому. Экспериментальные тексты этого типа могут, следовательно, быть трудными для обсуждения, потому что остается неясным, какое сообщение авторы желают принять на себя. Отсутствие определенной позиции, на наш взгляд, ведет к проблеме, потому что тексты, таким образом, закрываются для дискуссии и критики. Наш идеал — когда научные тексты функционируют как вклад в дальнейшую дискуссию и когда автор проясняет, что он или она хочет сказать, и какие критерии принимаются как основание для критического анализа и дискуссии[1]. Несмотря на эту проблему, экспериментальное написание может быть эффективной и конструктивной рефлексивной стратегией пересмотра отношений между производством знаний автором и читателем. В следующей части мы кратко возвратимся к этому вопросу.

Цель нашего обсуждения диалогического исследования и экспериментального написания — проиллюстрировать, что вопрос релятивизма не просто заявляет об эпистемологической позиции, которой он следует (включение в себя или предел релятивизма). На всех стадиях процесса исследования предмет спора релятивизма обсуждается, и делаются выборы, которые имеют последствия для степени релятивистского позиционирования исследования. Если кто-то выбирает традиционные методы для производства и анализа материала, посредством чего именно исследователь всегда имеет последнее слово, и если кто-то записывает результаты в традиционных научных текстах, где ис-

---

[1] *Эта критика может также быть направлена на идеи Стивена Тайлера о том, что тексты должны, как мы уже упоминали, скорее побуждать, чем представлять*

следователь — субъект и условия для производства знания исключаются, тогда произведенное знание представляется как "точка зрения из ниоткуда". Если, напротив, кто-нибудь использует одну или более рефлексивных стратегий, результаты исследования позицированы вместо этого как одна форма знания среди других возможных форм. В первом случае неудобство то, что некто появляется как правдоговоритель, имеющий привилегированный доступ к реальности. Во втором случае риск состоит в том, что рефлексивные стратегии маскируют власть, которую исследователю приписывают, и он приписывает ее себе без подтверждения.

6. 5. 2. Релятивизм и объективность

Как мы видели, приверженность посылкам социального конструкционизма включает обсуждение релятивизма, как в заявлениях о принципах проведенного исследовании, так и в способах, с помощью которых на практике выполняются различные этапы исследования. Сейчас мы вернемся к обсуждению релятивизма на уровне принципа, исследуя статус знания, произведенного в релятивистском исследовании. Часто релятивизм рассматривают как противоположность объективности. Знания, связанные с определенной точкой зрения, не могут быть объективными, и если все знания исторически и культурно обусловлены, то объективность невозможна. Это противопоставление создает основу для способов обсуждения релятивизма, который мы представили в предыдущей части. Когда Эдвардс прибегает к релятивизму, он подразумевает невозможность объективности. И когда Чоулиараки и Фэркло пытаются описать релятивизм, то они делают это, потому что полагают, что некоторые описания мира лучше и, по крайней мере, менее ошибочны, чем другие, и что тоталь-

ный релятивизм исключает обсуждение в большей или меньшей степени идеологических знаний.

В феминистском исследовании проблемой является именно это противопоставление релятивизма и объективности. Сандра Хардинг, например, утверждает, что знания становятся более объективными посредством того, что они производятся в определенном историческом и культурном контексте. Или если быть более точными: все знания конституируются исторически и культурно, но современная наука "подает" себя, *как будто бы* ее знания не имеют никакого контекста; она представляет себя как "чистое" отражение мира. Хардинг вводит концепты "сильной" и "слабой" объективности. Современная наука представляет "слабую объективность", так как она не учитывает свои собственные культурные и исторические условия возможности. "Сильная" объективность достигается посредством *сильной рефлексивности*, которая включает исследование наших собственных культурных и социальных позиций как исследователей. Осознавая, таким образом, откуда "берутся" наши собственные знания, мы можем производить более объективные и менее искаженные репрезентации мира[1].

Донна Харавей представляет подобный концепт *ситуативного знания* как свой ответ на вопрос, как мы, с одной стороны, принимаем то, что все знания исторически обусловлены, но, с другой стороны, хотим произвести убедительное описание мира. Знания, согласно Харавей, всегда частичны или всегда производятся благодаря определенному взгляду на мир. И этот взгляд можно определить благодаря "технологиям визуализации" — это могут быть очки, микроскоп или теоретические конструкции. Изучая "расположение" (позицию) чьей-либо точки зрения и описывая "технологию", которая сделала возможным такую точку зрения, можно показать, что репрезентация мира

[1] *Bourdieu u Wacquant 1996*

"происходит" из определенного местоположения, и что оно само по себе тоже является конструкцией.

Так, Хардинг и Харавей полагают, что описание того, откуда "берется" определенная репрезентация мира, делает знания лучше. Но они понимают концепт "лучше" несколько по-разному. Хардинг очень оптимистична по отношению к возможностям рефлексивной стратегии, посредством которой исследователи критически и систематически изучают все предположения. Это понимание рефлексивности подразумевает, что роли исследователя и его или ее культурного и исторического местоположения могут стать очевидными и самому исследователю. Но на это, как мы считаем, не стоит возлагать больших надежд, поскольку здесь мы возвращаемся к позиции исследователя, с которой можно произвести понятное, нейтральное описание действительности.

Харавей также скептически настроена по этому поводу. Хотя она и считает, что исследователям следует прилагать все усилия, чтобы описать условия делающие возможным их взгляд на мир, она в то же время подчеркивает, что исследование всегда имеет влияющий характер, поскольку конституирует мир определенным способом и поэтому делает одни слова более привилегированными по отношению к другим. Она старается продемонстрировать это, используя экспериментальный способ презентации, в котором она переключается от нарративных описаний к детальному анализу и рефлексивным комментариям. Как мы говорили ранее, она определяет свою киборг-конструкцию как "политический миф" и подчеркивает, что не просто репрезентирует мир, но и особым образом артикулирует элементы[1]. Таким образом, она поддерживает базовый релятивизм без его описания, поскольку старается сделать очевидным статус своих собственных знаний как условной конструкции. Но, в ее случае, включение релятивизма отнюдь не подры-

[1] *Haraway 1992: 313 и далее*

вает ее собственную возможность что-либо говорить и заканчивается тем, что она отрицает все критерии оценки ее заявлений о знаниях. В нашей трактовке, она принимает и политические, и научные критерии для производства знаний: определенные репрезентации мира лучше, чем другие, и их можно оценить в терминах политических целей, которые исследователь устанавливает для своего исследования, и в терминах научных критериев, таких как целостная аргументация и прозрачность презентации процесса производства знаний.

6. 6. Критика как приглашение к дискуссии

Сейчас мы попытаемся "собрать все нити", которые вели нас при обсуждении возможностей критического исследования, и соединим некоторые из них, чтобы сформировать, как социальные конструкционисты могут рассматривать свои собственные знания и производить их. Мы считаем, что исследование должно быть критическим. К тому же, в очень широком смысле слова "критика", мы считаем, что некритичным быть невозможно. Как мы показывали ранее, производя тексты, мы не можем утверждать что-то о мире, не репрезентируя мир через значения. В соответствии с теорией дискурса Лакло и Муфф, тексты всегда содержат посылки о том, что нельзя избежать столкновения с миром и, следовательно, с производством объективности (в терминах теории дискурса). Следовательно, мы согласны как со Стивеном Тайлером, так и с Донной Харавей, когда они подчеркивают *влияющий* характер научных текстов; тексты неизбежно *делают что-то* для мира, а не просто его описывают. Но, в отличие от Тайлера, мы не согласны с тем, что при написании академических текстов можно или нужно стараться избегать описания или репрезентации мира. Репрезентация мира так или иначе неизбежна при любом производстве значе-

ний. И такая репрезентация мира всегда выходит на первый план за счет других репрезентаций, которые можно было бы сделать, и при конкуренции с другими репрезентациями, которые уже были сделаны.

Таким образом, если критику понимать в широком смысле, как "продвижение" одного взгляда на мир за счет других возможных взглядов, мы не думаем, что можно избежать критичности в принципе.

Но мы также предлагаем более узкое понимание критики. В каком смысле некоторые взгляды на реальность можно рассматривать как лучшие относительно других? В некоторых подходах, которые мы здесь представили, звучало возражение против создания асимметрии в научной практике, посредством которой наука традиционно превозносит собственные знания относительно всех других форм знания. Тайлер, например, приводит доводы в пользу полного отказа от науки и от требований истины. Кеннет Герген и Бруно Латоур считают, что критический анализ всегда позиционирует исследователя как обладателя высших знаний. И некоторые дискурсивные психологи и теоретики феминизма отстаивают использование рефлексивных стратегий, которые способствуют более высокой степени равенства между исследователем, исследуемым и читателем. Во всех этих случаях прослеживается тенденция оспаривать авторитет науки и провозглашать равные отношения между различными видами знаний и знаниями разных людей.

Мы считаем, что такой процесс уравнивания имеет тенденцию не только маскировать отношения власти, которые неизбежны в научной практике, но и возвышать уникальные качества и ценность научного знания. Если общее условие для производства знаний таково, что некоторые репрезентации мира всегда "продвигаются" за счет других, то мы бы предпочли, чтобы исследователи сознавали, что они *сейчас* говорят, и отвечали за эти утверждения, а не притворялись, что "не продвигают"

никаких посланий о мире (как в случае с Тайлером, Латоуром и некоторыми вариантами рефлексивного исследования). Не брать на себя ответственности в подобных случаях — значит отрицать авторитет, который приписывают себе исследователи как производители текстов. Нам также не по душе уравнивание научных знаний со всеми другими формами знаний (как в случае с Гергеном, Латоуром и другими версиями рефлексивного исследования); наша позиция состоит в том, что научные знания по праву представляют специфическую форму знаний, которые благодаря своей "научности" обладают качествами, отличающими их от других форм знания.

В то же время, мы согласны с тем, что наука не должна позиционировать себя как истину в оппозиции "ложному" сознанию всех остальных. Мы предлагаем разделить дискуссию на два уровня. *На уровне принципа* необходимо принять, что знания, которые мы производим непосредственно как исследователи, — не лучше, чем все другие формы знания, в том смысле, что знания, которые производит наука, подчиняются тем же условиям, что и все другие знания, а именно: они условны в своей исторической и культурной специфике. Это означает, что исследователи должны быть открытыми для восприятия репрезентаций других людей и к дискуссии с ними; нельзя отрицать другие репрезентации на том основании, что исследователи имеют привилегированный доступ к истине. Эту симметрию на уровне принципа важно поддерживать, поскольку трудно вести демократические политические дискуссии, когда есть *априорное* различие между теми, чье знание легитимно, и теми, чье нелегитимно. Тогда условность на уровне принципа обеспечивает открытость к длительным дискуссиям. И, в то же время, именно этот момент — центральный двигатель социального конструктивизма: именно на основе этой предпосылки, что все знания исторически и культурно обусловлены, социальные конструкционисты пытаются дистанцироваться от само собой разумеющихся

знаний и делают их объектом критики и дискуссии. Следствие на уровне принципа — собственное, принимаемое на веру, мнение исследователя должно также стать предметом обсуждения и тщательного изучения.

Но ни жизнь, ни исследование не происходят на уровне принципа, где все условно. Высказывания всегда артикулируются в определенных контекстах, которые устанавливают узкие границы для того, что понимать как имеющее значение и как бессмысленное, а что — как истинное или ложное. И на этом *конкретном уровне оснований* у нас нет другого выбора, кроме как выдвинуть на первый план определенные репрезентации реальности. Как утверждает Харавей, люди всегда говорят в рамках уже урегулированного пространства, таким образом, все беседы, включая беседы исследователей, подвержены влиянию доминирующих дискурсивных логик. Сделанное высказывание всегда ситуативно или позиционно. Хотя идентифицировать эти пространства и дестабилизировать их регулятивные логики — как раз и есть цель социального конструкционизма; социальное конструкционистское исследование, как все другие дискурсы, подвержено этим логикам, как хорошим, так и плохим.

Мы предлагаем использовать концепцию критики, чтобы комбинировать эти два уровня — уровень принципа и конкретный уровень оснований — и рассматривать критический анализ как *позиционную открытость для дискуссии*[1]. На наш взгляд, критическое исследование должно нести ответственность за предоставление определенного научного описания реальности на основе специфических эпистемологических интересов; то есть критическое исследование должно открыто позиционировать себя и дистанцироваться от альтернативных репрезентаций реальности на том основании, что оно направлено на то, чтобы сделать что-то определенное по понятным при-

[1] *Jorgensen 2001*

чинам. В то же время, критическое исследование должно четко прояснять, что определенная репрезентация реальности, которую оно обеспечивает, — это лишь одна из возможных репрезентаций, таким образом оно приглашает к дальнейшей дискуссии.

Относительно дискуссий о релятивизме, наша точка зрения близка к позиции Харавей, когда она говорит о своем исследовании как о "политическом мифе". Мы не пытаемся ограничить релятивизм и мы не видим, как его можно ограничить в терминах социального конструкционизма. Но мы и не хотим "подорвать" всех проекты знаний вечным высказыванием "возможно, все совсем не так и совершенно по-другому". То, что знания политичны, означает, что нельзя ни представить абсолютную истину, ни полностью избежать того, чтобы ничего не сказать. То, о чем говорится в исследовании, может повлиять на мир, и необходимо принимать за это ответственность. Это можно сделать, если рассматривать цели и возможные результаты исследования в более широком социальном контексте (например, форма "объяснительной критики", см. главу 3).

Наше отличие от взгляда Харавей, возможно, в том, что мы подчеркиваем ценность *научности*. То, что производство знаний является политическим, не означает, что знания не могут иметь научной ценности. Харавей, возможно, согласится с этой точкой зрения, но в своем определении проекта как "политического мифа" она особо подчеркивает условность: факт того, что репрезентация могла бы быть и другой. Мы также придаем этому особое значение на уровне принципа, но понимание научных знаний, которое мы отстаиваем, направлено на поддержание уровня принципа и уровня конкретного одновременно, таким образом, более адекватным описанием статуса научных знаний будет *истина, которую можно обсуждать*. Здесь "истина" относится к конкретному уровню оснований, в соответствии с которым некоторые истории за-

щищают лучше, чем другие, а "обсуждение", относится к уровню принципа, согласно которому всегда следует быть открытыми для альтернативных заявлений об истине.

Что тогда конституирует ценность научных знаний, и как мы можем выполнить исследование, если эту истину можно обсуждать? Науку можно рассматривать как один среди многих других дискурсов; дискурс, для которого характерно производство знаний особым способом на основе определенных правил. Эти правила включают общие принципы — этапы исследования должны быть настолько прозрачны, насколько это возможно; аргументация должна быть непротиворечивой; теория должна формировать последовательную систему; представленные интерпретации должны быть обеспечены эмпирическим материалом. С точки зрения социального конструкционизма, эти правила рассматриваются как условные, допускающие возможную критику и изменение со временем. Многие теоретики, представленные здесь, например, репрезентируют критику традиционной научной практики, ее правил и процедур, и они также вносят свой вклад в дискурсивную борьбу относительно того, каких правил необходимо придерживаться в социальном конструкционистском исследовании. Научные знания, подобно всем другим знаниям, — условная структура, подверженная дискурсивному регулированию. То, что отличает научные знания от большинства других форм знаний, — это попытка придерживаться одного или другого набора *эксплицированных* правил. И в рамках данного набора правил, а именно на уровне конкретных оснований, все научные описания действительности *не* являются одинаково хорошими. Конкретные результаты исследований можно и необходимо оценивать как более или менее научные репрезентации реальности, оценивая, соответствуют ли процедура и результат правилам, которые заявлены.

Мы думаем, что в определенных исследовательских проектах важно критически эксплицировать основания

произведенного знания. Позиционирование себя и своего исследования включает отчет о том, что хотел сказать исследователь и каковы правила исследования. Это применимо как к более общим правилам прозрачности и целостности, так и к более конкретным правилам, которые устанавливаются в индивидуальной теории. Ранее в этой главе мы предложили понимать различные дискурс-аналитические подходы как различные "языки переописания", на которые переводится эмпирический материал. И важно, чтобы было абсолютно ясно, какой аналитический язык применяется и, таким образом, каковы правила "перевода". Теоретическая и методологическая непротиворечивость, таким образом, является ограничением исследования: исследователь понимает мир одним способом, а не другими возможными способами. Но это — необходимое ограничение, которое является также продуктивным. Использование определенной теории при производстве и анализе материала позволяет исследователям дистанцироваться от их повседневного взгляда на материал. Это процесс критически важен для социально-конструкционистского исследования.

Научность рассматривается как исследование, которое следует эксплицированному набору правил — это именно то, что отличает научное знание от других форм знания. Это не означает, что производство других форм знания не управляется правилами — фактически, именно эти правила и стремится определить дискурс-анализ. И это также не означает, что другие формы знания время от времени не прибегают к научным процедурам. Например, в повседневном дискурсе люди могут отклонять чужие описания действительности на том основании, что им недостает целостности: "это не соответствует тому, что Вы сказали прежде". Но различие в том, что исследователь как член научного сообщества *обязан* следовать некоторому набору правил настолько систематично, насколько возможно. Это открывает возможность производства

знания, которое обычно не производится в других формах дискурсивной практики. И именно это, по нашему мнению, придает легитимность научному исследованию, как вкладу в более широкие демократические дискуссии о том, каково общество и каким оно должно быть.

В более широких демократических дискуссиях различные формы знания сосуществуют вместе, и здесь вновь принцип условности как условие для всякого производства знания становится особенно важным. Различные формы знания функционируют в соответствии с различными дискурсивными логиками и, когда они прибывают вместе в более широких демократических дебатах, не обязательно именно научный набор правил или дискурсивная логика образуют (или должны образовать) общую платформу для обсуждения.

Такое водвижение науки дало бы полномочия научным экспертам как единственной группе, которой позволено устанавливать истину. Решение правил для общего обсуждения является критической частью борьбы, имеющей место в отношении общественных дебатов. То, что рассматривается как "научные вопросы" в общественных дебатах, должно рассматриваться скорее как продукт продолжающейся борьбы между различными формами знания, чем как что-то, что следует решить раз и навсегда, а проводимое исследование само является частью этой борьбы.

Мы представляем критическое исследование как акт балансирования между уровнем принципа и уровнем конкретного; как акт балансирования между, с одной стороны, рассмотрением всех видов знания, включая собственное, как неопределенных и открытых для обсуждения и, с другой стороны, рассмотрением знания как вклада в определенные контексты, в которых некоторые отчеты о действительности лучше других. Баланс между этими двумя уровнями, в конечном счете, не может определяться этими общими соображениями; скорее, он должен оп-

ределяться относительно конкретной рассматриваемой научно-исследовательской работы, в которой следует решить, как позиционировать себя как исследователя и как рассматривать последствия позиции, принятой относительно проекта исследования и представления исследования. Таким образом, выбор способа представить себя и собственное знание в определенной ситуации — определенный и стратегический выбор. Следует решить, где поместить себя на шкале, в пределах от позиции исследователя как равного участника дискуссии, предлагая вклад наравне со всеми другими формами знания, до позиции исследователя как научного эксперта, облаченного властью обеспечивать лучшую репрезентацию реальности на том основании, что его представление — продукт научного исследования обсуждаемой темы.

Если хотите подчеркнуть условность исследования, то можно использовать различные рефлексивные стратегии, как в диалогическом исследовании, строить мосты между различными формами знания. Такие стратегии могут быть очень ценными в перспективе определенных эпистемологических интересов, если не подразумевается, что можно полностью нейтрализовать собственную власть. В этой книге мы выбрали более традиционный, академический способ представления. Мы хотели произвести и передать знание о дискурс-анализе, и мы установили требования власти, сообщая, что "это кое-что, о чем мы нечто знаем". Мы, например, часто позиционировали себя как хорошо осведомленных в области и читателей как менее хорошо осведомленных. В других местах, мы пробовали представить себя так, чтобы открыться для важных обсуждений и удерживать их открытыми. Например, в этом заключении к обсуждению критического исследования мы применили множество субъективных модальностей ("мы считаем", "в нашем представлении" и так далее) чтобы показать, что здесь мы признаем наличие других позиций с хорошими аргументами. В соответствии с нашим взглядом на ис-

следование как истину, которая может обсуждаться, при формулировке текста мы переключались между "позицией правды", в некоторых местах явно заявляя "положение вещей", и "позицией обсуждения", указывая случайность в тех местах, где мы идентифицируем потребность в дальнейших дебатах. Действительно ли мы правильно расположили границу между правдой и обсуждением — это уже читателям решать. Концепция критического анализа как обсуждения всегда содержит приглашение читателя к дискуссии.

В вышеупомянутом представлении нашей позиции мы много писали о том, что, по нашему мнению, исследователь должен "принять во внимание" и за что должен "нести ответственность" — как будто исследователи сталкиваются с легкими выборами и имеют общие представления об условиях производства и последствиях их научно-исследовательских работ. Мы заявляем, например, что исследователи должны позиционировать себя явно, ясно давая понять природу исследования эпистемического интереса и теоретической и методологической структуры. Однако, как мы уже доказывали, важно подтвердить, что эти рефлексивные методы подчинены ограничениям, установленным условиями производства знания. Исследователи всегда являются частью более широкого социального контекста и таким образом не могут располагать себя и свои знания свободно. Как мы только что отметили, именно читатель в некотором смысле имеет последнее слово относительно текста — без читателей и их прочтений тексты могли просто оставаться ненаписанными. Индивидуальный исследователь, значит, не может требовать верховного контроля над своими знаниями. И, как мы подчеркивали повсюду в этой главе, то же применимо и с другой стороны производства знания: знания исследователя сами по себе являются продуктом социальных и культурных условий, которые они не могут контролировать и полностью понимать. Рефлексивные стратегии могут ис-

пользоваться, как предложено Сандрой Хардинг, например, чтобы пролить свет на социальные и исторические обстоятельства, при которых знание было произведено, но они не обеспечат полную ясность. Невозможно сделать все само собой разумеющееся точным и нельзя избежать представления новых само собой разумеющихся соглашений.

Позиционирование — это то, чем исследователь, в некоторой степени, *является,* и что уменьшает его прозрачность и это необходимо принять как факт. Но позиционирование — это также то, что исследователь *делает*. Теория точки зрения рассматривает знания как нечто, чего можно достигнуть благодаря определенной позиции, обеспеченной конкретным опытом. Мы в некоторой степени согласны с этим, но мы полагаем, что также важно рассматривать позиционирование как *активное* усилие, при котором исследователь стратегически позиционирует себя в определенном месте, чтобы рассматривать мир относительно определенных целей и определенной теоретической структуры. И мы также считаем, что важно описывать позицию и технологию, с помощью которой исследователь смотрит на мир, даже если невозможно выйти за пределы условий производства и дать исчерпывающее описание позиции.

Мы завершим, вернувшись к критике идеологии — подходу к критике, который стали так сильно критиковать в социальном конструкционизме, потому что он предполагает, что исследователь может раскрыть идеологии людей с помощью истины. Фактически, в основных моментах, наше предложение теоретического понимания критического исследования следует за критикой идеологии. Мы не проводим различие, как это делает критика идеологии, между более или менее идеологическими репрезентациями реальности, поскольку мы не рассматриваем некоторые описания реальности как более объективные, чем другие. Но мы сохраняем асимметрию, которая является

неотделимой частью критики идеологии. Хотя, в принципе, всегда существует много других возможностей репрезентации мира, написание конкретных текстов всегда означает, что реальность можно репрезентировать, и что репрезентации, предлагаемые в тексте, лучше других возможных интерпретаций.

Социально-конструкционистское исследование, как мы увидели, часто связано с "разоблачением" само собой разумеющихся знаний и, как таковое, претендует на то, чтобы "*быть вне*" повседневных представлений людей. В этом отношении оно также напоминает критику идеологии. Эпистемологическое различие состоит в том, что мы не считаем своей целью достигнуть реальности без всяких масок; любое "разоблачение" включает в себе новую "маскировку" — новую условную конструкцию реальности. Если научная истина, как в критике идеологии, противопоставляется ложному сознанию повседневной жизни, устанавливается иерархия, которая лишает легитимности другие формы знания в общественных спорах. Однако, сила науки в том, чтобы иметь время и теорию, которые дают возможность дистанцироваться от некоторых само собой разумеющихся знаний; так наука в лучшем случае вносит вклад в демократические дебаты, делая заметными области, которые до настоящего времени даже не обсуждались, поскольку они считались абсолютно естественными. Версия реальности, которую выдвигают в исследовании, принципиально не лучше любой другой, и ее всегда можно отбросить в процессе дискурсивной борьбы, как в пределах научной области, так и в социальной сфере в целом. Но, репрезентируя квалифицированные (то есть научные) описания реальности, которые отличаются от тех, что доступны другим способом, исследовательские знания могут с успехом добавить новые точки зрения в общественные дебаты.

Возникает вопрос, а имеем ли мы право, привносить новые и критические точки зрения? Как социальные

конструкционисты, мы не обладаем конечной истиной. Но, в принципе, как и все люди, мы имеем право участвовать в демократическом споре, чтобы усилить наше видение для улучшения общества.

Литература

1. Abrams, D. and Hogg, M. (eds) (1990) *Social Identity Theory.* Brighton: Harvester Wlieatsheaf. **2.** AlexanderJ. (1996) Critical reflections on «reflexive modernization», *Theory, Culture and Society,* 13(4): 133-8. **3.** Althusser, L. (1971) «Ideology and ideological state apparatuses». in L. Althusser *Lenin and Phihsopfyy and Other Essays.* London: New Left Review. **4.** Anderson, B. (1983) *Imagined Communities: Rejections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso. **5.** Antaki, C. (1994) *Explaining and Arguing.* London: Sage. **6.** Antaki. C. and Widdicombe, S. (eds) (1998) *Identities in Talk.* London: Sage Publications. **7.** Aries, P. (1962) *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life.* New York: Vintage. **8.** Ashmore, *M.* (1989) *The Reflexive Thesis. WrightingSociology ofScientific Knowledge.* Chicago: The University of Chicago Press. **9.** Atkinson, J. and Heritage, J. (eds) (1984) *Structures ofSocial Action: Studies in Conversation Analysis.* Cambridge: Cambridge University Press. **10.** Austin, J. (1962) *How to do Things with Words.* London: Oxford University Press. **11.** Azjen, I. (1988) *Attitudes, Personality and Behaviour.* Buckingham: Open University Press. **12.** Bakhtin, M. (1981) *The Dialogical Imagination.* Austin: University of Texas Press. **13.** Bakhtin, M. (1986) *Speech Genres and Other Late Essays. C.* Emerson andM. Holquist (eds). Austin, J: University of Texas Press. **14.** Barrett, M. (1991) «Ideology, politics, hegemony: from Gramsci to Laclau and Mouffe», in M. Barrett: *The Politics ofTruth. From Marx to Foucault.* Cambridge: Polity Press. **15.** Bardies, R. (1982) «Inaugural lecture, College de France», in S. Sontag (ed.), *A Barthes Reader.* London: Jonathan Cape. **16.** Bauman, Z. (1991) *Modernity and Ambivalence.* Cambridge: Polity Press. **17.** Beck, U. (1992) *The Risk Society.* London: Sage. Beck, U. (1996) *The Reinvention of Politics.* London: Routledge. **18.** Berelson, B. (1971) *Content Analysis in Communication Research.* Glencoe, EL.: Free Press. **19.** Berger, A. A. (1991) *Media Analysis Techniques.* London: Sage. **20.** Bemstein, B. (1996) *Pedagogy, Symbolic Control and Identity. Theory, Research, Critique.* London: Taylor & Francis. **21.** Bhabha, H. (1994) *The Location of Culture.* London: Routledge. **22.** Bhaskar, R. (1986) *Scientific Realism and Human Emancipation.* London: Verso. **23.** Billig, M. (1982) *Ideology and Social Psychology.* Oxford: Blackwell. **24.** Billig, M. (1991) *Ideology and Opinions.* London: Sage. **25.** Billig. M. (1992) *Talking of the Royal Family.* London: Routledge. **26.** Billig M. (1996) *Arguing and Thinking. A RJietoricalApproach to SocialPsychology,* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. **27.** Billig, M. (1997) «The dialogic unconscious: discourse analysis, psychoanalysis and repression)), *British journal of SocialPsychology,* 36(2): 139-59. **28.** Billig, M. (1999a) «Whose tenns? Whose ordinariness? Rhetoric and ideology in conversation analysis)), *Discourse and Society,* 10(4): 543-58. **29.** Billig, M. (1999b) «Conversation analysis and the claims of naivity», *Discourse and Society,*.10(4): 572-6. **30.** Billig, M. and Simons, H.W. (1994) «Introductions, in H.W. Simons and M. Billig (eds), *After Postmodernism. Reconstructing Ideology Critique.* London: Sage Publications. **31.** Bourdieu, P. and Wacquant, L.J.D. (1996) *An Imitation to Reflexive Sociology.* Cambridge: Polity Press. **32.** Bracher, M. (1993) *Tacan, Discourse, and Social Change.* Ithaca, NY: Comell University Press. **33.** Breakwell, G. and Canter, D. (1993) *Empirical Approaches to Social Representations.* Oxford: Clarendon Press. **34.** Brown, G. and Yule, G (1983) *Discourse Analysis.* Cambndge: Cambridge University Press. **35.** Brown, R.H. (1994) ((Reconstructing social theory after the postmodem cntique», in H.W Simons and M. Billig (eds). *After Postmodernism. Reconstructing Ideology Critique.* London: Sage Publications. **36.** Brundson, C. (1991) ((Pedagogies of the feminine: feminist teaching and women's genres',

Screen, 32(4): 364-81. **37.** Burr, V. (1995) *An Introduction to Social Constructionism.* London: Sage. **38.** Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York: Routledge. **39.** Butler, J. (1992) ((Contingent foundations: feminism and the question of «postmodernism», in J. Butler and J. Scott (eds), *Feminists Theorize the Political.* New York: Routledge. **40.** Butler, J. (1993) *Bodies that Matter. On the Discursive limits of «Sex».* New j York: Routledge. **41.** Calhoun, C. (1995) *Critical Social Theory.* Oxford: Blackwell. **42.** Cheesman, R. and Mortensen. A.T. (1991) *Om Maelgrupper.* Papirer om Faglig Formidling, No. 15/87. Roskilde Universitetscenter: Kommunikation. *[Target Groups.* Communication Studies, Roskilde University: Papers on Specialist Communication.] **43.** Bhaskar. R. (1986) *Scientific Realism and Human Emancipation.* London: Verso. **44.** Billig. M. (1982) *Ideology and Social Psychology.* Oxford: Blackwell. **45.** Billig. M. (1991) *Ideology and Opinions.* London: Sage. **46.** Billig, M. (1992) *Talking of the Royal Family.* London: Routledge. **47.** Billig M. (1996) *Arguing and Thinking. A RJetoricalApproach to SocialPsychology.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. **48.** Billig, M. (1997) «The dialogic unconscious: discourse analysis, psychoanalysis and repression)), *British journal of SocialPsychology,* 36(2): 139-59. **49.** Billig, M. (1999a) «Whose terms? Whose ordinariness? Rhetoric and ideology in conversation analysis)), *Discourse and Society,* 10(4): 543-58. **50.** Billig, M. (1999b) ((Conversation analysis and the claims of naivity», *Discourse and Society,*.10(4): 572-6. **51.** Billig. M. and Simons, H.W. (1994) ((Introductions. in H.W. Simons and M. Billig (eds), *After Postmodernism. Reconstructing Ideology Critique.* London: Sage Publications. **52.** Bourdieu, P. and Wacquant, L.J.D. (1996) *An Imitation to Reflexive Sociology.* Cambridge: Polity Press. **53.** Bracher, M. (1993) *Tacan, Discourse, and Social Change.* Ithaca, NY: Cornell University Press. **54.** Breakwell, G. and Canter, D. (1993) *Empirical Approaches to Social Representations.* Oxford: Clarendon Press. **55.** Brown, G. and Yule, G (1983) *Discourse Analysis.* Cambndge: Cambridge University Press. **56.** Brown, R.H. (1994) «Reconstructing social theory after the postmodern critique», in H.W Simons and M. Billig (eds), *After Postmodernism. Reconstructing Ideology Critique.* London: Sage Publications. **57.** Brundson, C. (1991) ((Pedagogies of the feminine: feminist teaching and women's genres', *Screen,* 32(4): 364-81. **58.** Burr. V. (1995) *An Introduction to Social Constructionism.* London: Sage. **59.** Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity.* New York: Routledge. **60.** Butler, J. (1992) «Contingent foundations: feminism and the question of «postmodernism», in J. Butler and J. Scott (eds). *Feminists Theorize the Political.* New York: Routledge. **61.** Butler, J. (1993) *Bodies that Matter. On the Discursive limits of «Sex».* New j York: Routledge. **62.** Calhoun, C. (1995) *Critical Social Theory.* Oxford: Blackwell. **63.** Cheesman, R. and Mortensen, A.T. (1991) *Om Maelgrupper.* Papirer om Faglig Formidling, No. 15/87. Roskilde Universitetscenter: Kommunikation. *[Target Groups.* Communication Studies, Roskilde University: Papers on Specialist Communication.] 64. Chouliaraki, L. (1995) The constitution of ethnographic texts in social scientific discourse: «realist» and «polyphonic» representations', *Interface. Journal of Applied Linguistics* 10(1): 27-46. **65.** Chouliaraki, L. (1998) «Regulation in «progressivist» pedagogic discourse-individualized teacher-pupil talk», *Discourse and Society,* 9(1): 5-32. **66.** Chouliaraki, L. (1999) «Media discourse and national identity: death and myth in a news broadcast», in M. Reisigl and R. Wodak (eds). *The Semiotics of Racism.* Vienna: Passager Verlag. **67.** Chouliaraki, L. (2002) «Capturing the «Contingency of universality»: some reflections on discourse and critical realism», *Social Semiotics* 12(2): 84-114. **68.** Chouliaraki, L. and Fairclough, N. (1999) *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis.* Edinburgh: Edinburgh University Press. **69.** Collier. A. (1994) *Critical Realism.* London: Verso.

70. Collin, F. (1997) *Social Reality.* London: Routledge. **71.** Collins, PH. (1986) «Learning from the outsider within: the sociological significance of Black feminist thought». *Social Problems* 33(6): 14-32. **72.** Collins. PH. (1998) *Fighting Words. Black Women and the Search for Justice.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. **73.** Condor. S. (1997) «And so say all of us?: Some thoughts on «experiential democratization» as an aim for critical social psychologists», in T. Ibanez and L. Iniguez (eds), *Critical Social Psychology.* London: Sage. **74.** Condor. S. and Antaki, C (1997) «Social cognition and discourse», in T. van Dijk (ed.), *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 2. London: Sage. **75.** Cottle, S. (1998) «Ulrich Beck, «risk society» and the media: a catastrophic view?», *European Journal of Communication,* 13(1): 5-32. **76.** Davies, B. and Harre, R. (1990) ((Positioning die discursive production of selves», *Journal for the Theory of Social Behavior,* 20(1): 43-63. **77.** Deleuze, G. and Guattari, F. (1987) *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia.* Minneapolis. MN: University of Minnesota Press. **78.** Denzin, N.K. (1997) *Interpretive Ethnography. Ethnographic Practices for the 21 st Century.* Thousand Oaks: Sage, de Rosa, A. (1994) «From theory to metatheory in social representations - the lines of argument of a theoretical methodological debate», *Social Science Information,* 33(2): 273-304. **79.** Derrida, J. (1998) *Of Grammatology.* Baltimore. MD: Johns Hopkins University Press. **80.** Dyrberg, T. (1997) *The Circular Structure of Power. Politics. Identity, Community.* London: Verso. **81.** Edwards, D. (1996) *Discourse and Cognition.* London: Sage. **82.** Edwards. D. and Potter, J. (1992) *Discursive Psychology.* London: Sage. **83.** Edwards. D. Ashmore, M. and Potter. J. (1995) «Death and furniture: the rhetoric, politics arid theology of bottom line arguments against relativism», *History of the Human Sciences,* 8(2): 25-49. **84.** Fabian, J. (1983) *Time and the Other. How Anthropology Makes its Object.* New York: Columbia University Press. **85.** Fairclough, N. (1989) *Language and Power.* London: Longman. **86.** Fairclough, N. (ed.) (1992a) *Critical Language Awareness.* London: Longman. Fairclough, N. (1992b) *Discourse and Social Change.* Cambridge: Polity Press. Fairclough, N. (1992c) «Text and context: linguistic and intertextual analysis within discourse analysis», *Discourse and Society,* 3(2): 193-217. **87.** Fairclough, N. (1993) «Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: die universities», *Discourse and Society.* 4(2): 133-68. **88.** Fairclough, N. (1995a) *Critical Discourse Analysis.* London: Longman. **89.** Fairclough. N. (1995b) *Media Discourse.* London: Edward Arnold. **90.** Fairclough, N. (1998) «Political discourse in the media: an analytical framework», in A. Bell I and P. Garrett (eds), *Approaches to Media Discourse.* Oxford: Blackwell. **91.** Fairclough, N. (2000) *New Labour, New Language?* London: Routledge. Fairclough, N. (2001) «The discourse of New Labour: critical discourse analysis» in M. Wetherell, S. Taylor and S. Yates (eds), *Discourse as Data: A Guide for Analysis.* London: Sage Publications. **92.** Fairclough, N. and Wodak, R. (1997) «Critical discourse analysis)). in T. van Dijk (ed.), *Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Muhidisciplinary [Introduction.* Vol. 2. London: Sage. **93.** Featherstone, M. (1991) *Consumer Cu/ ture and Postmodernism.* London: Sage. Festinger, L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance.* New York: Row, Peterson & Co. **94.** Fielding, N. (1993) «Interviews», in N. Gilbert (ed.), *Researching Social Life.* London: Sage. **95.** Fishbein, M. and Azjen, I. (1975) *Belief, Attitude, Intention and Behavior: An Introduction to Theory and Research.* Reading, MA.: Addison Wesley. **96.** Fiske.J. (1982) *Introduction to Communication Studies.* London: Methuen. **97.** Fiske, J. (1987) *Television Culture.* London: Methuen. **98.** Foucault, M. (1972) *The Archaeology of Knowledge.* London: Routledge. **99.** Foucault, M. (1973) *The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences.* New York: Vintage Books. **100.** Foucault, M. (1977) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison.*

Harmondsworth: Penguin. **101.** Foucault. M. (1979) *The History of Sexuality.* Vol. 1. Harmondsworth: Penguin. **102.** Foucault, M. (1980) «Truth and power», in C. Gordon (ed.) *Power/ Knowledge. Selected Internews and other Writings 1972-1977.* Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. **102.** Foucault. M. (1987) *The Use of Pleasure. The History of Sexuality.* Vol. 2. Harmondsworth: Penguin. **103.** Foucault, M. (1988) *Care of the Self. The History of Sexuality.* Vol, 3. Harmondsworth: Penguin. **104.** Fowler, R. (1991) *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press.* **105.** London: Routledge. **106.** Fowler, R., Hodge, B., Kress, G. and Trew, T. (1979) *Language and Control.* London: Routledge & Kegan Paul. Gergen, K. (1985) «The social constructionist movement in modern social psychology)). *American Psychologist* 40(3): 266-75. **107.** Gergen, K. (1991) *The Saturated Self.* New York: Basic Books. **108.** Gergen. K. (1994a) *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction.* Cambridge, MA: Harvard University Press. Gergen, Iv. (1994b) «The limits of pure critique», in H.W Simons and M. Billig (eds), *After Postmodernism. Reconstructing Ideology Critique.* London: Sage Publications. **109.** Gergen, K. (1998) «Constructionist dialogues and the vicissitudes of die political)), in I. Velody and R. Williams (eds), *The Politics of Constructionism.* London: Sage Publications. **110.** Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-identity.* Cambridge: Polity Press. **111.** Gramsci, A. (1991) *Selections from Prison Notebooks.* London: Lawrence and Wishart. **112.** Hagen, I. (1994) «The ambivalences of TV news-viewing between ideals and everyday practices)), *European Journal of Communication,* 9(2): 193-220. **113.** Hall, S. (1980) «Encoding and decoding the television discourses, in S. Hall, D. Hobson, A. Lowe and P. Willis (eds), *Culture, Media, Language.* London: Hutchinson . **114.** Hall, S. (1990) ((Cultural identity and diaspora», in J. Rutherford (ed.), *Identity. Community, Culture, Difference.* London: Lawrence and Wishart. **115.** Hall, S. (1991) «01d and new identities, old and new ethnicities», in A. King (ed.), *Culture, Globalisation and the World System.* Houndmills: Macmillan. **116.** Hall, S. (1993) ((Minimal Selves», in A. Gray and J. McGuigan (eds), *Studying Culture: An Introductory Reader.* London: Edward Arnold. **117.** Hall, S. (1996) «Who needs «identity»?», in S. Hall and P. du Gay (eds), *Questions of Cultural Identity.* London: Sage. **118.** Hall, S., Hobson, D., Lowe, A. and Willis, P. (eds) (1980) *Culture, Media, Language.* London: Hutchinson. **119.** Halliday, M. (1994) *Introduction to Functional Grammar.* London: Edward Arnold. **120.** Haraway,D. (1991) «A cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century», in D. Haraway, *Simians, Cyborgs, and Women. The Reinvention of Nature.* London: Free Association Books. **121.** Haraway, D. (1992) «The promises of monsters: a regenerative politics for inappropriated others», in L Grossberg, C. Nelson and PA. Treichler (eds), *Cultural Studies.* New York: Routledge. **122.** Haraway. D. (1996) «Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective), in E.F. Keller and H.E. Longino (eds), *Feminism and Science.* Oxford: Oxford University Press. **123.** Haraway, D. (1997) *Modest Witness@,Second_Millennium. Fema-leMarP_Meets_OncoM.ouse™.* New York: Routledge. **124.** Harding. S. (1991) *Whose Science? Whose Knowledge? Thinking from Women«s Lives.* Milton Keynes: Open University Press. **125.** Harding, S. (1996) «Rethinking standpoint epistemology: what is «strong objectivity»? », in E.F. Keller and H.E. Longino (eds), *Feminism and Science.* Oxford: Oxford University Press. **126.** Harre, R. (1983) *Personal Being: A Theory for Individual Psychology.* Oxford: Blackwell. **127.** Harre, R. and Gillett, G. (1994) *The Discursive Mind.* London: Sage Publications. **128.** Harre, R. and van Langenhove, L. (eds) (1999) *Positioning Theory.* Oxford: Blackwell. **129.** Harvey, D. (1996) *Justice, Nature and the Geography of Difference.* London: Blackwell. **130.** Henriques, J., Hollway, W, Urwin, C, Venn, C. and Walkerdine, V

(eds) (1984) *Changing the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity.* London: Methuen. **131.** Heritage, J. (1984) *Garfinkel and Ethnomethodology.* Cambridge: Polity Press. Heritage, J. (1997) «Conversation analysis and institutional talk: analysing data», in D. Silverman (ed.), *Qualitative Research: Theory, Method and Practice.* London: Sage. **132.** Heritage, J. (2000) «Goffman, Garfinkel and conversation analysis)), in M. Wetherell, S. Taylor and S. Yates (eds), *Discourse Theory and Practice: A Reader.* London: Sage. **133.** Hobsbawm, E. (1990) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality.* Cambridge, UK: Columbia University Press. **134.** Hollway, W (1984) «Gender difference and the production of subjectivity)), in J. Henriques, W Hollway, C. Urwin, C Venn and V Walkerdine (eds), *Changing* I *the Subject: Psychology, Social Regulation and Subjectivity.* London: Methuen. **135.** Hollway, W. (1989) *Subjectivity and Method in Pychology: Gender, Meaning and Science.* London: Sage. **136.** Hollway, W. (1995) «Feminist discourses and women's heterosexual desire», in S. Wilkinson and C. Kiteinger (eds), *Feminism and Discourse: Psychological Perspectives.* London: Sage. **137.** Hollway, W and Jefferson, T. (1997) «The risk society in an age of anxiety: situating fear of crime». *British Journal of Sociology,* 48(2): 255-66. **138.** Holsti, Q (1969) *Content Analysis-for the Social Sciences and Humanities.* Reading, MA.: Addison Wesley. **139.** Howarth, D. (2000) *Discourse.* Buckingham: Open University Press. **140.** Howarth, D., Nerval, A.J. and Stavrakakis, Y. (eds) (2000) *Discourse Theory and Political Analyst.* Manchester University Press. **141.** Ibanez, T. and Iniguez, L. (eds) (1997) *Critical Social Psychology.* London: Sage. Jensen, K.B. (1990) «The politics of polysemy: television news, everyday consciousness and political action». *Media, Culture and Society,* 12(1): 57-77. Jensen, K.B. and Jankowski, N. (eds) (1991) *A Handbook of Qualitative Methodohgies for Mass Communication Research.* London: Routledge. **142.** Jodelet, D. (1991) *Madness and Social Representations.* Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. Johannessen, H. (1994) «The dance of ideas in the health service», in J. Liep and K.F. Olwig (eds), *Complex Uves. Cultural Plurality in Denmark.* Copenhagen: Akademisk Forlag. **143.** Johannessen, H. (1994) «Ideemess dans i sundhedssystemet», in J. Liep and K.F. Olwig (eds), *Komplekse liv. Kilturel mangfoldighed iDanmark.* [«The dance of ideas in the health service, in *Complex Lives. Cultural Diversity in Denmark.*] Copenhagen: Akademisk Forlag. **144.** Jaeger, S. (1993) *Kritische Diskursanalyse: eine Einfuhrung. [Critical Discourse Analysis: An Introduction.]* Duisberg Diss. **145.** Jaeger, S. and Jager, M. (1992) *Aus der Mitte der Gesellschaft. [From the Middle of Society.]* Duisberg: Diss. **146.** Jrgensen, M.W. (2001) «Diskursanalytiske strategier», in H. Chnstrup, A.T. Mortensen and C.H. Pedersen (eds), *At begribe og bevcege kommuni-kationsprocessor: Om metoder i forskningspraksis.* Papirer om Faglig Formidling. No. 47/01. Roskilde Universitetscenter: Kommunikation. «Discourse analytical strategies», in *To Understand and Influence Communication Processes. Methods in Research Practice.* Communication Studies, Roskilde University: Papers on Specialist Communication.]. **147.** Kellner, D (1989) *Critical Theory, Marxism and Modernity.* Cambridge: Polity Press/Baltimore: Johns Hopkins University Press. **148.** Kellner, D. (1995) *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics between the Modem and the Postmodern.* London: Routledge. **149.** Knudsen, A. (1989) *En O iHistorien. [An Island in History.]* Basilisk. Kress, G. and van Leeuwen, T. (1996) *Reading Images: The Grammar of* T *'isuaL Design*-London: Routledge. **150.** Kress, G. and van Leeuwen, T. (2001) *Multi-Modal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication.* London: Arnold. **151.** Kress, G., Leite-Garcia, R. and van Leeuwen, T. (1997) «Discourse semiotics», in T. van Dijk (ed.), *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 2. London: Sage. **152.** Krippendorff, K. (1980) *Content Analysis: An Introduction to its Methodology.* London: Sage. **153.** Kristeva, J. (1986) «Word, dialogue and novel», in T. Moi

(ed.), *The Kristeva Reader.* Oxford: Blackwell. **154.** Kvale, S. (1992) «Posfmodern psychology: a contradiction in terms? », in S. Kvale *(ed), Psychology and Postmodernism.* London: Sage. **155.** Kvale, S. (1996) *Interviews. An Introduction to Qualitative Research Interviewing.* London: Sage. **156.** Lacan, J. (1977a) «The agency of the letter in the unconscious or reason since Freud», in J. Lacan, *Ecrits: A Selection.* New York: WW Norton & Co. **157.** Lacan, J. (1977b) The mirror stage as formative of die function of the I as revealed in psycho-analytic experience)), in J. Lacan, *Ecrits: A. Selection.* New York: WW Norton & Co. **158.** Laclau, E. (1990) *New Reflections on the Revolution of Our Time. London:* Verso. **159.** Laclau, E. (1993a) «Discourse», in R. Goodin and P. Pettit (eds), *The Blackwell Companion to Contemporary Political Philosophy.* Oxford: Blackwell. **160.** Laclau, E. (1993b) «Power and representation», in M. Poster (ed.), *Politics, Theory and Contemporary Culture.* New York: Columbia University Press. **161.** Laclau, E. (1996a) The death and resurrection of the theory of ideology», *Journal of Political Ideologies,* 1(3): 201-20. **162.** Laclau, E. (1996b) «Universalism, particularism and die question of identity», in E. Laclau, *Emancipation(s).* London: Verso. **163.** Laclau, E. and Mouffe, C (1985) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics.* London: Verso. **164.** Laclau, E. and Mouffe, C (1990) «Post-Marxism without apologies», in E. Laclau, *New Reflections on the Revolution of Our Time.* London: Verso. **165.** Laclau, E. and Zac, L. (1994) (Minding the gap: the subject of polities)), in I E. Laclau (ed.), *The Making of Political Identities.* London: Verso. **166.** Larrain, J. (1994) *Ideology and Cultural Identity. Modernity and the Third World ' Presence.* Cambridge: Polity Press. **167.** Larsen,H. (1999) «Danish and British policies towards Europe in die 1990s: A Discourse approach». *European Journal of International Relations* 5(4): 464-91. **168.** Larsen. H. (forthcoming) *Still A Danish Foreign Policy? Danish Foreign Policy in an EU Context.* Houndmills: Palgrave/Macmillan. **169.** Lather, P. (1993) «Fertile obsession: validity after poststructuralism», *Sociological Quarterly,* 34(4): 673-94. **170.** Lather, P. (2001) «Postbook: working die ruins of feminist ethnography)), *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 27(1): 199-227. **171.** Lather, P. and Smithies, C (1997) *Troubling the Angels: Women Tiling with HIV/AIDS.* Boulder, CO: Westview/Harper Collins. **172.** Latour, B. (1999) *Pandoras Hope. Essays on the Reality of Science Studies.* Cambridge, MA: Harvard University Press. **173.** Leech, G. (1983) *The Principles of Pragmatics.* London: Longman. **174.** Lunt, P. and Livingstone, S. (1996) «Rethinking the focus group in media and communications research», *Journal of Communication,* 46(2): 79-98. **175.** Lyotard, J.-F. (1984) *The Postmodern Condition.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. **176.** Maas, U. (1989) *Sprachpolitik und politische Sprachwissenschaft. [Language Politics and the Political Science of Language.]* Frankfurt am Main: Suhrkamp. **177.** Marcus, G.E. and Fischer, M.M.J. (1986) *Anthropology as Cultural Critique. An Experimental Moment in the Human Sciences.* Chicago: The University of Chicago Press. **178.** Mey, J. (1993) *Pragmatics: An Introduction.* Oxford: Blackwell. **179.** Middleton, D. and Edwards, D. (eds) (1990) *Collective Remembering.* London: Sage. **180.** Mills, S. (1997) *Discourse.* London: Routledge. **181.** Mishler, E. (1986) *Research Interviewing: Context and Narrative.* Cambridge, MA.: Harvard University Press. **182.** Morgan, D. (1997) *Focus Groups as Qualitative Research.* London: Sage. **183.** Morley,D. (1992) *Television, Audiences and Cultural Studies. London:* Routledge. **184.** Moscovici, S. (1984) «The phenomenon of social representations)). in R. Farr and S. Moscovici (eds), *Social Representations.* Cambridge: Cambridge University Press. **185.** Moscovici, S. (1988) «Notes towards a description of social representations)), *European Journal of Social Psychology,* 18(3): 211-50. **186.** Moscovici, S. (1994) «Social representations and pragmatic communication)). *Social Science Information,* 33(2): 163-77. **187.** Mouffe, C (1992) «Feminism, citizenship and radical democratic polities», in J.

Butler and J. Scott (eds), *Feminists Theorize the Political* London: Routledge. **188.** Mumby, D. and Clair. R. (1997) «Organisational discourse», in T. van Dijk (ed.), *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 2 London: Sage. **189.** Nagel.T. (1986) *The Vienfrom Nonhre.* New York: Oxford University Press. **190.** Norval, A.J. (1996) *DeconstructingApartheid Discourse.* London: Verso. Ochs, E. (1979) «Transcription as theory», in E. Ochs and B. Schieffelin (eds), *Developmental Pragmatics.* New York: Academic Press. **191.** O'Shea, A. (1984) ((Trusting the people: how does Thatcherism work? », in *Formations ofNation and People.* London: Routledge. **192.** Parker, I. (1992) *Discourse Dynamics: Critical Analysis for Social and Individual Psychology.* London: Routledge. **193.** Parker, I. and Burman, E. (1993) «Against discursive imperialism, empiricism and construction: thirty two problems with discourse analysis», in E. Burman and I. Parker (eds), *Discourse Analytic Research: Repertoires and Readings of Texts in Action.* London: Routledge. **194.** Pecheux, M. (1982) *Language, Semantics and Ideology.* London: Macmillan. **195.** Phillips, L. (1993) *Reproduction and Transformation of the Discourse of Thatcherism across Socio-political Domains.* Ph.D. thesis. London School of Economics and Political Science. **196.** Phillips, L. (1996) «Rhetoric and the spread of the discourse of Thatcherism», *Discourse and Society,* 7(2): 209-41. **197.** Phillips, L. (1998) «Hegemony and political discourse: the lasting impact of Thatcherism», *Sociology.* 32(4): 847-67. **198.** Phillips, L (2000a) «Mediated communication and the privatization of public problems: discourse on ecological risks and political action», *European Journal of Communication.* 15(2): 171-207. **199.** Phillips, L. (2000b) «Risk, reflexivity and democracy: mediating expert knowledge in the news», *Nordicom Review;* 21(2): 115-35. **200.** Phillips, L. (2001) «Forskning ı tvivl - en refleksiv evaluering af det diskursanalytiske interview som metode til kiitiske studier», in H. Chnstrup, A.T. Mortensen and C.H. Pedersen (eds), *At begribe og bevcege kommu-nikationsprocesser. Om metoder i forskningspraksis.* Papirer om Faglig Formidling, No. 47/01. **201.** Roskilde Universitetscenter: Kommunikation. [«Research in doubt - a reflexive evaluation of the discourse analytical interview as a method for critical research», in *To Understand and influence Communication Processess. Methods in Research Practice.* Communication Studies, Roskilde Universtiy: Papers on Specialist Communication.] Pomerantz, A. (1986) «Extreme case formulations: away of legitimizing claims», *Human Studies,* 9(2/3): 219-29. **202.** Potter, J. (1996a) «Attitudes, social representations and discursive psychology», in M. Wetherell (ed.), *Identities, Groips and Social Issues.* London: Sage. **203.** Potter, J. (1996b) *Representing Reality: Discourse, Rhetoric and Social Construction.* London: Sage. **204.** Potter, J. (1997) «Discourse analysis as a way of analysing naturally occurring talk», in D. Silverman (ed.), *Qualitative Research: Theory, Methods and Practice.* London: Sage. **205.** Potter, J. (2001) «Wittgenstein and Austin: developments in linguistic philosophy, in M. Wetherell et al. (eds), *Discourse Theory and Practice .A Reader.* London: Sage. **206.** Potter, J. and Reicher, S. (1987) «Discourses of community and conflict: die organisation of social categories in accounts of a «riot» », *British Journal of Social Psychology,* 26(1): 25-40. **207.** Potter, J., Stringer, P. and Wetherell, M. (1984) *Social Texts and Context: Literature and Social Psychology.* London: Routledge and Kegan Paul. **208.** Potter, J. and Wetherell, M. (1987) *Discourse and Social Psychology.* London: Sage. **209.** Prins, B. (1997) *The Standpoint in Question. Situated Knowledges and the Dutch Minorities Discourse.* Utrecht. **210.** Reason, P. and Bradbury, H. (eds) (2001) *Handbook of Action Research. Participatory Inquiry and Practice.* London: Sage Publications. **211.** Richardson, K. (1998) «Signs and wonders: interpreting the economy through television)), in A. Bell and P. Garrett *(eds), Approaches to Media Discourse.* Oxford: Blackwell. **212.** Rose, G. (1997) «Situatingknowledges: positionallity, reflexivities and Other tactics«, *Progress in Human Geography,* 21(3): 305-20.

213. Rosengren, K. (ed.) (1981) *Advances in Content Analysis.* Beverly Hills/ London: Sage. **214.** Sacks, H. (1992) *lectures on Commotion.* 2 Volumes. Edited by G. Jefferson. Oxford: Basil Blackwell. **215.** Sampson, E.E. (1991) «The democratization of psychology», *Theory and Psychology.* 1(3): 275-98. **216.** Saussure, F. de. (1960) *Course in General linguistics.* London: Peter Owen. **217.** Schegloff, E. (1997) «Whose text? Whose context?», *Discourse and Society,* 8(2): 165-83. **218.** Schegloff, E. (1999a) ««Schegloff 's texts» as «Billig's data»: a critical reply», *Discourse and Society,* 10(4): 558-72. **219.** Schegloff, E. (1999b) «Naivete is sophistication or discipline is self-indulgence: A rejoinder to Billig», *Discourse and Society,* 10(4): 577-82. **220.** Schroder, K. (1998) «Discourse analysis and the media-society nexus: towards a notion of discourse edinography?» Paper presented to the international conference «Discourse and Social Research», Sorup Herregard Denmark. **221.** Shotter,J. (1993) *The Cultural Politics of Everyday Life.* Buckingham: Open University Press. **222.** Shorter, J. and Gergen, K.. (eds) (1989) *Texts of Identity.* London: Sage. **223.** Silverman, D (1985) «The articulation of elements: the parts and the whole», in D. Silverman: *Qualitative Methodology and Sociology.* Brookfield: Gower. **224.** Silverstone, R. (1999) *Why Study the Media?* London: Sage Publications. **225.** Smith, DE. (1987) *The Everyday World As Problematic. A Feminist Sociology.* Boston: Northeastern University Press. **226.** Smith, J. (1995) «Semi-structured interviewing and qualitative analysis)), in J. Smith, R. Harre and L. van Langenhove (eds), *Rethinking Methods in Psychology.* London: Sage. **227.** Soper, K. (1990) «Feminism, humanism and postmodernism», *Radical Philosophy.* 55(1): 11-17. **228.** Tajfel, H. (1981) *Human Groups and Social Categories.* Cambridge: Cambridge University Press. **229.** Taylor, S.J. and Bogdan, R. (1984) *Introduction to Qualitative Research.* New York: John Wiley. **230.** Ten Have, P. (1999) *Doing Conversation Analysis: a Practical Glide.* London: Sage. **231.** Thompson, J. (1984) *Studies in the Theory of Ideology.* Cambridge: Polity Press. **232.** Thompson, J. (1990) *Ideology and Modern Culture.* Cambridge: Polity Press. **233.** Thompson, J. (1995) *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media.* Cambridge: Polity Press. **234.** Torfing J. (1999) *New Theories of Discourse: Laclau, Moiffe andZizek.* Oxford: Blackwell. **235.** Tracy, K. (1995) «Action-implicative discourse analysis», *Journal of Language and Social Psychology.* 14(1-2): 195-215. **236.** Tyler, S.A. (1986) ((Post-modem ethnography: from document of the occult to occult document», in J. Clifford and G.E. Marcus (eds.), *Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography.* Berkeley: University of California Press. **237.** van Dijk, T (1991) *Racism and the Press.* London: Routledge. **238.** van Dijk, T (1993) *Discourse and Elite Racism.* London: Sage. **239.** van Dijk, T (ed.) (1997a) *Discourse as Social Interaction: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 2. London: Sage. **240.** van Dijk, T (ed.) (1997b) ((Introduction)), in *Discourse as Structure and Process: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 1. London: Sage. **241.** van Dijk, T and Kintch, W (1983) *Strategies of Discourse Comprehension.* London: Academic Press. **242.** van Leeuwen, T (1993) «Genre and field in critical discourse analysis: a synopsis», *Discourse the Society* 4(2): 193-223. **243.** Walkerdine. V (1990) *Schoolgirl Fictions.* London: Verso. **244.** Walkerdine. V (1993) «Daddy's gonna buy you a dream to cling to (and mummy's gonna love you just as much as she can)»: young girls and popular television» in D. Buckingham (ed.), *Reading Audiences: Young People and the Media.* Manchester: Manchester University Press. **245.** Watson, R (1997) «Ethnomethodology and textual analysis», in D Silverman *(ed.), Qualitative Research: Theory, Method and Practice.* London: Sage. **246.** Wernick, A. (1991) *Promotional Culture.* London: Sage. **247.** Wetherell, M. (1982) «Cross-cultural studies of minimal groups: implications for the social iden-tity theory of intergroup relations», in H. Tajfel (ed.), *Social Identity and Intergroup Relations.* Cambridge: Cambridge University Press. **248.** Wetherell, M. (1995) ((Romantic discourse and feminist analysis:

interrogating investment, power and desire», in S. Wilkinson and C Kitzinger (eds), *Feminism and Discourse: Psychological Perspectives*. London: Sage. **249.** Wethcrell, M. (1996) «Group conflict and the social psychology of racism». in M. Wetherell (ed.), *Identities, Groups and Social Issues*. London: Sage. **250.** Wethcrell, M. (1998) «Positioningand interpretative repertoires: conversation analysis and post-structuralism in dialogue», *Discourse and Society*, 9(3): 387-412. **251.** Wetherell, M. and Maybin, J. (1996) «The distributed self: a social constructionist perspective» in R, Stevens (ed.), *Understanding the Self*. London: Sage. **252.** Wetherell, M. and Potter, J (1988) «Discourse analysis and the identification of interpretive repertoires», in A. Antaki (ed.) *Analysing Everyday Explanation*. London: Sage. **253.** Wetherell, M. and Potter, J. (1992) *Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. **254.** Wetherell, M., Stiven, H. and Potter, J. (1987) «Unequal egalitarianism: a preliminary study of discourses concerning gender and employment opportunities», *British Journal of Social Psychology*. 26(1): 59-71. **255.** Widdicombe. S. and Wooffitt, R. (1995) *The Language of Youth Subcultures: Social Identity in Action*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf. **256.** Willig C. (ed.) (1999a) *Applied Discourse Analysis: Social and Psychological Interventions*. London: Sage. **257.** Willig C. (1999b) «Beyond appearances: a critical realist approach to social constructionist work», in D. Nightingale and J. Cromby (eds), *Social Constructionist Psychology: A Critical Analysis of Theory and Practice*. Buckingham: Open University Press. **258.** Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell. **259.** Wodak, R. (1991) «Turning (lie tables: antisemitic discourse in post-war Austria», *Discourse and Society*, 2(1): 47-64. **260.** Wodak, R. and Menz. E (eds) (1990) *Sprache in der Politik - Politik in der Sprache: Anatysen zum Offentlichen Sprachgebrauch. [Language in Politics - Politics in language: An Analysis of Public Language Use.]* Klagenfurt: Drava. **261.** Wodak, R, de Cillia, R, Reisigl, M. and Liebhart, K. (1999) *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press. **262.** Woodward, K. (ed.) (1997) *Identity and Difference*. London: Sage. **263.** Wooffitt, R. (2001) ((Researching psychic practitioners: conversation analysis»; in M. Wetherell, S. Taylor and S. Yates (eds) Discourse as Data: A Guide for analysis, London: Sage Publications. **264.** Woolgar, S. (1980) ((Discovery: logic and sequence in a scientific text», in R. Krohn, K. KnorrandR. Whitley (eds), *The Social Process of Scientific Investigation*. Dordrecht: Reidal. **265.** Woolgar, S. (1989) «The ideology of representation and the role of the agent», in H. Lawson and L. Appignanesi (eds), *Dismantling Truth. Reality in the Post-Modem World*. New York St. Martin's Press. **266.** Woolgar, S. and Ashmore, M. (1988) «The next step: an introduction to the reflexive project), in S. Woolgar (ed.), *Knowledge and Reflexivity. New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. London: Sage Publications.

Марианне В. Йоргенсен и Луиза Дж. Филлипс

Дискурс-анализ

Теория и метод

Discourse Analysis

as Theory and Method

Перевод и научная редакция
кандидата филологических наук
Анны Аркадиевны Киселевой

Ответственный за выпуск: Олег Михайлович Беликов
Дизайн и компьютерная верстка: Андрей Юрьевич Каменев

Свидетельство ДК №2009 от 10.11.2004

Издательство Институт прикладной психологии
«Гуманитарный Центр»
отдел продаж Харьков (057) 719-52-40, e-mail: huce@kharkov.ua
Подписано в печать 05.02.2008
Формат 60×84/16. Бумага оф.
Усл. печ. л. 20,46. Тираж 3000 экз. Заказ №59

Отпечатано в типографии ООО «Кроссроуд»
г. Харьков, ул. Плехановская 92а, корпус В, оф. 709-711
тел. 717-32-34

HUMANITARIAN CENTRE

Луиза Филлипс — профессор в области коммуникации на факультете Коммуникации, Бизнеса и Информационных Технологий, Университет Роскильда, Дания

Марианне В. Йоргенсен — профессор в области культуры, общества и медиа-коммуникации факультета Социальных изменений и культуры, Университет Линкепинга, Швеция.

"...Тексты – это живые документы, вот основная посылка дискурс-анализа. Как считал Михаил Бахтин, всякий раз, когда мы пишем или говорим, мы неизбежно воспроизводим фрагменты более ранних текстов и речи и одновременно что-то добавляем. Когда люди слушают нашу речь и читают наши тексты, они их вновь трансформируют, переосмысливают с иных позиций и включают в практику в новых контекстах..."

Марианне Йоргенсен
Луиза Филипс

